

КНЯЖЕСКИЙ НОВГОРОД

Летописец Нестор, приступая к изложению русской истории — «откуда есть пошла Русская земля», — предпослал ей описание географического расположения Руси и путей, связывающих ее с зарубежными странами. Он описывает водный путь «из варяг в греки», соединявший Черное и Балтийское моря, путь по Волге в Каспийское море, путь по Двине в Балтийское море и путь из Балтийского моря в Средиземное и Черное моря, огибающий Европу.

В центре этих водных путей, связывавших Русь с другими странами, стоял Новгород.

Великий путь «из варяг в греки» издавна был густо покрыт поселениями. Здесь в X—XII вв. шла оживленная торговля. Не случайно скандинавы называли древнюю Русь «Гардарикией» — страной городов.

Новгород возник не ранее X в.; но уже в первых упоминаниях летописи он выступает как самый значительный после Киева русский город, соперничающий с Киевом и рано сбрасывающий зависимость от него.

О росте силы и богатства Новгорода можно судить по тому, как необычайно быстро расширяются его владения. В X—XI вв. весь путь по Волхову принадлежит Новгороду. Устье Волхова запирает сильная новгородская крепость и крупный город — Ладога. Новгороду принадлежат берега Невы и Финского залива. В XI и XII вв. Новгород владеет уже всеми берегами Ладоги, землями по Свири, Онежскому озеру. Дальше на север новгородцы распространяют свою власть до Урала. Уже в первой половине XII в. они владеют Терским берегом Белого моря и Заволочьем, а в конце XII в. Печора и Югра платят дань Новгороду.

Новгород настойчиво и отважно борется со Швецией за берега Финского залива; упорно охраняет устье Невы. Новгородцы ведут войны с финским племенем емью в южной части Финляндии. На стороне новгородцев борются карелы. К западу от Чудского озера новгородцы строят в 1030 г. город Юрьев (ныне Тарту). На юге Новгороду принадлежат Старая Руса, Великие Луки, Торжок.

Чем шире становились владения Новгорода, тем больше прилиvalo богатств на низкие берега полноводного Волхова. На правой стороне Волхова традиционно располагался Торг. Здесь стояли дворы иноземных купцов, здесь жило многочисленное ремесленное население. Один из концов Торговой стороны назывался Плотничким и был, очевидно, в какой-то мере связан с цеховыми организациями новгородских плотников, искусство которых особенно славилось в древней Руси. Другой конец Торговой стороны назывался Славенским, по имени древнейшего русского племени — словен, населявшего новгородскую землю. На Славне располагались торговые дворы, здесь жили купцы, здесь же при жизни своего отца обосновался Ярослав Мудрый, память о котором до сих пор сохраняется в названии Ярославова Дворища. Здесь, около Двора Ярослава, собиралось новгородское вече, стояли дворы княжеских дружинников — огнищан. Отсюда, от Торга и княжеской резиденции, вел через Волхов на Софийскую сторону Великий мост. Он упирался в Детинец — новгородскую крепость, сперва деревянную, а с 1044 г. — каменную. В Детинце высился храм Софии — Премудрости божией, сначала деревянный «о тринадцати верхах», а затем в 1045 г. отстроенный несколько в стороне от прежнего в камне. Главная улица Детинца — Пискупля — пересекала его с юга на север. Здесь жизнь была ключом, здесь были лавки, мастерские ремесленников, здесь совершались сделки на огромные по тем временам суммы. В Детинце находился двор епископа, позднее — с середины XII в. — населенный многочисленной дворней: чашниками, ключниками, медоварами, владычными молодцами, иконописцами и т. д.

К Детинцу примыкали Гончарный, или Людин, конец, Загородской и Неревский. Концы Новгорода имели местное самоуправление и подчиняли себе отдельные новгородские области.

Каждый из пяти концов Новгорода, как уже говорилось, имел в своем подчинении пятину. На северо-запад между Волховом и Лугой простиралась Вотская пятина. На северо-восток, справа от Волхова к Белому морю, лежала Обонежская пятина, охватывавшая оба берега Онеги. К юго-востоку, между Мстою и Ловатью, шла пятина Деревская. К юго-западу по обе стороны Шелони находилась Шелоньская пятина. Несколько в стороне от Новгорода, за пятинами Обонежской и Деревской, лежала далеко на восток Бежецкая пятина с административным центром в Бежичах.

В XII в. Новгород был окружен земляным валом, поверх которого шла деревянная стена. Впереди вала находился ров. На значительном расстоянии от Новгорода, опоясывая его, шло кольцо монастырей-форпостов. Укрепления двух самых значительных из них — Антониева и Юрьева — с пристроенными к их соборам сторожевыми башнями — вежами запирали с двух сторон подступы к Новгороду по Волхову.

Городское благоустройство Новгорода оставляло позади себя многие города Западной Европы. Уже в XI в. в Новгороде мостили улицы. На горожанах Новгорода лежали издельные повинности по ремонту Волховского моста и по мощению всего Новгорода — по «уставу Ярослава о мостах». Между тем главная улица Парижа была впервые замощена в 1184 г. В За-

падной Европе вообще первые мостовые появляются лишь в конце XII в. Мостовые Новгорода были деревянными и хорошо сохранились до нашего времени под толстым пластом наросшего над ними «жилого слоя». Улицы Новгорода были узки, но извилистая форма, типичная для средневекового города, не была пресобладающей в Новгороде. Вдоль улиц были проложены желоба и трубы для сточных вод. Ярославово Дворище имело первый в Северной Европе водопровод, по которому в деревянных трубах бежала чистая ключевая вода.

Общественные здания были немногочисленны в Новгороде. Главными общественными зданиями служили церкви. В центральном храме города — Софии — принимались послы, хранилась богатая казна. На площади у Софии собиралось софийское вече.

Основную массу населения Новгорода составляли ремесленники: ремесла были особенно развиты в древней Руси. Русские мастера владели наиболее совершенными приемами современной им техники. В Западной Европе высоко ценили изделия русских ремесленников. Ученый монах Теофил, перечисляя знаменитые своими ремеслами страны, ставил Русь на второе место после самой культурной страны тогдашней Европы — Византии. Он ставил Русь впереди Англии, Италии и Франции, а на последнем месте помещал Германию.

Особенного развития достигло в Новгороде плотничество. Плотники имели различные специальности: некоторые из них, «огородники», строили городские укрепления — «городьбы», другие рубили дома, третьи настилали мостовые и т. д. Гончары изготовляли простую и поливную (глазированную) посуду, кирпичи, черепицу, детские игрушки. «Учанники» строили учаны — рыболовные суда. Бочечники, ведерники, ковшевики, решеточники, жерновщики, скорняки, лучники, седельники, рожечники, коробейники, дегтяри, портные, мастера, епанечники, сапожники, коневые лекаря, кровопуски, щитники, шильники, котельники, медники, серебряники, мясники, рыбники, калачники, корчмиты и другие призваны были обслуживать многообразные потребности городского населения.

Ремесленники, по-видимому, были объединены в цеховые организации, подобные тем, какие существовали и на Западе. Ремесленники одной специальности жили чаще всего рядом, совместно устраивали пиры — «братчины», совместно выступали на вече и участвовали в городских восстаниях.

В сходные организации были объединены и купцы. Известны артели «поморских купцов», «низовских купцов». Община купцов-вощанников, собиравшаяся при церкви Ивана на Опоках, имела особое торговое управление, состоявшее из трех старост от «житых» людей, двух старост от купцов и тысяцкого от черных людей. В церкви Ивана находились образцовые орудия меры: вощаные скалвы (весы с двумя чашками), медовые пуды (безмены), гривенка рублевая для взвешивания благородных металлов и Ивановский локоть для измерения длины. Здесь сосредоточивался торговый суд — суд тысяцкого, публичный и гласный. Новгородские купцы, находившиеся вне Новгорода, также объединялись в особые колонии: особый новгородский

двор был в центре балтийской торговли на острове Готланде в г. Висби; в Киеве новгородские купцы объединились вокруг божницы святого Михаила и т. д.

Боярство, владевшее колоссальными пространствами земли, также стремилось жить объединениями и занимало иногда целые улицы.

Новгородское вече сходилось на Торгу — у Ярославова Дворища — или на Софийской стороне на площади перед Софией.

Расцвет вечевой деятельности начался в Новгороде значительно раньше, чем в других русских городах, где он падает на вторую половину XI в. Первое сообщение летописи о новгородском вече относится к 1016 г. С этого времени деятельность веча не прекращалась в Новгороде до 1478 г. — года воссоединения Новгорода и Москвы.

Созывал вече посадник, тысяцкий, иногда князь. Сроков созыва не было: по звуку вечевого колокола сходились все, кто считал себя новгородцем. Иногда являлись на вече окрестные жители или представители других городов: Пскова, Ладоги. Вопросы, подлежавшие обсуждению вечем, предлагались посадником, тысяцким или князем. Вече постановляло, избирало, решало споры криком, а иногда и дракой. Драки эти порою принимали характер ожесточенных междоусобий, во время которых весь город «раздирался» настоящими битвами.

* * *

Роль Новгорода в истории русской государственности и в укреплении княжеской власти в первые века ее существования исключительна по своей важности.

Сильная княжеская власть утверждается здесь весьма рано. И летопись и местные предания, связанные с Рюриковым Городищем в Новгороде, помнят о новгородском князе Рюрике, род которого постепенно вытеснил все другие княжеские семьи в городах Руси. Новгородский князь Вещий Олег, собрав войско из новгородских славян, варягов, чуди, мери, веси и кривичей, захватил Киев и превратил его в центр русского государства — «мать городов русских». Отсюда, из Киева, Олег с новгородской и киевской дружинами ходил походом на самый Константинополь, прибыв в знак победы свой щит на его воротах. Олег — личность не легендарная, а историческая: его имя и деятельность удостоверены различными документами — русскими и иноземными.

Со времени княжения Олега судьбы Новгорода и Киева тесно связаны. Объединение Киева и Новгорода под общей властью не лишило Новгород его значения опоры княжеской власти, сохранившей самостоятельность действий. Княгиня Ольга ввела, например, в Новгородском крае вместо обычного на юге «полюдья» правильный сбор дани («оброки») посредством доставки ее («повоза») в определенные для этого места («погосты»), где ее принимали князьи мужи. В Новгороде киевские князья набирают дружину, сюда они обращаются за помощью при неудачах и всегда находят поддержку.

После объединения Новгорода и Киева боевая сила новгородцев отнюдь не ослабевает. Со смертью Святослава в междоусобиях его сыновей побеждает новгородский князь Владимир, сын Святослава, приглашенный в свое время новгородцами. Княжение Владимира — время высшего подъема Киевского государства.

Со смертью Владимира вновь одерживает верх новгородский князь — сын Владимира Ярослав, прозванный позднее Мудрым. Когда Ярослав, потерпев поражение на юге от изменника Святополка и польского короля Болеслава, явился в Новгород и хотел было бежать за море, новгородцы порубили ладьи Ярослава и заявили ему: «хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополком». Новгородцы собрали «от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен» и на собранные средства организовали дружину. С этой дружиной Ярослав изгнал поляков из Киева.

С завоеванием Киева Ярослав перенес в него основы новгородской государственной и гражданской организации. Он перенес в Киев созданную в Новгороде «Русскую Правду». В 1042 г., при Ярославе, сын его, новгородский князь Владимир организует последний поход на Константинополь.

Верховная власть киевского князя в Новгороде продолжалась недолго. XII и XIII вв. проходят по всей Европе под знаком борьбы городских общин с феодальными сеньорами. Борьба Новгорода за свою независимость началась очень рано — еще в начале XI в., а уже в первой половине XII в. Новгород добивается вполне независимого самоуправления.

Основы новгородской независимости были заложены при Ярославе Мудром. За самостоятельность Новгорода стояла местная дружина, опиравшаяся на новгородское население. Вместе с тем и сам Ярослав нуждался в том, чтобы сделать Новгород сильным, способным самостоятельно, без помощи Киева, осуществлять свои задачи на Севере Руси: защиту западных границ от нападения соседей и экономическое освоение принадлежащей ему опромной территории.

Во время своих частых пребываний в Новгороде Ярослав именно на этом сосредоточил свои усилия. Он ходил походом на запад от Чудского озера, поставил город Юрьев (ныне Тарту). Он усмирил восстание волхвов на Волге. В 1042 г. сын Ярослава Владимир покорил емь (финнов).

Еще при жизни своего отца Владимира Ярослав, княжа в Новгороде, отказался платить дань Киеву. Готовилось столкновение между Ярославом и Владимиром, предотвращенное смертью Владимира. В 1017 г. за помощь новгородцев в освобождении Киева от изменника Святослава и поляков Ярослав даровал Новгороду особые грамоты — своеобразные «хартии новгородской вольности», — главное юридическое основание всей последующей новгородской независимости. Впоследствии, в течение нескольких столетий, каждый раз, приглашая к себе князей, новгородцы заставляли их приносить присягу «на всех Ярославлих грамотах» и вписали их содержание в начало своих летописей. Лишь когда Новгород был воссоединен с Москвой, москвичи уничтожили Ярославовы грамоты, выдрали изложение их из новгородских летописей, и содержание их осталось неизвестным.

Зависимость от Киева при Ярославе не была, однако, окончательно прервана. Она усилилась в начале XII в. при Владимире Мономахе, восстановившем поколебавшееся положение Киева. В Новгороде княжил старший сын Владимира Мономаха и его первой жены Гиты Гаральдовны, дочери последнего англосаксонского короля Гаральда, Мстислав Владимирович. Это был умный, энергичный и образованнейший князь, оставивший заметные следы в культурной жизни Новгорода.

В 1118 г. Мстислав уехал на юг, оставив княжить в Новгороде своего сына Всеволода. При Всеволоде вновь усилилось сепаратистское движение в Новгороде, приведшее в конце концов к образованию Новгородской вечевой республики.

* * *

Произведения новгородского деревянного зодчества, по-видимому, имевшие наиболее национальные формы, известны нам только по упоминаниям в летописи. В 989 г. первый новгородский епископ Иоаким Корсунянин, присланный в Новгород Владимиром Святославичем для обращения в христианство местного населения, поставил в конце главной улицы Пискупли дубовый храм Софии — Премудрости божией. По упоминанию в летописи о том, что этот храм был «о 13 верхах», можно предполагать, что он имел типичное для русских деревянных построек пышное завершение.

В 1045 г. недалеко от деревянной Софии, уничтоженной позднее, в 1049 г., пожаром, новгородский князь Владимир Ярославич заложил каменную церковь Софии, ставшую впоследствии главной святыней Новгорода, символом новгородской независимости, средоточием его государственной жизни, хранительницей его богатейшей казны.

Уже в этом первом каменном храме Новгорода воплотились те художественные принципы, которые стали определяющими во всем последующем зодчестве Новгорода, всегда стремившемся к простоте, ясности форм. В противоположность утонченной роскоши соборов Киева или церкви Спаса в Чернигове, София Новгородская воздействует на зрителя главным образом четкостью своих архитектурных пропорций, монументальностью и монолитностью всего здания.

Это суровый в своем величии храм, поражающий лаконизмом форм и прочно найденными соотношениями частей. Мощные стены почти лишены украшений. Белизна стен (они были белыми уже в XII в.) идеально гармонирует с золотом центральной главы (золотой она была уже в 1408 г.).

Собор представляет собою грандиозное прямоугольное здание с тремя алтарными выступами («апсидами») с востока (впоследствии, с устройством новых приделов, число апсид увеличилось). Своды и арки храма, перекрывающие обширное пространство собора, опираются на массивные столбы. Снаружи этим столбам отвечают массивные же «лопатки» (пилястры), выявляющие внутреннюю структуру здания. Кровля Софии покрыта прямо по сводам; она живописно изгибается и выделяет конструкцию храма. В юго-западном углу собора находится башня с широкой винтовой лестницей на

обширные хоры. Над центральной частью собора высится пять куполов. Шестой купол венчает собой лестничную башню. С трех сторон собора были устроены открытые галереи, которые уже в XII в. были заложены и превращены в пристройки.

Еще раньше построения Софии Владимир Ярославич поставил каменные стены Детинца (1044 г.) взамен существовавших до того деревянных. Каков был этот первоначальный каменный Детинец неизвестно, так как современный новгородский кремль относится к значительно более позднему времени. Строительство Владимира Ярославича имело в виду создать сильный архитектурный центр Новгорода. И действительно, построенные при нем Детинец и София стали навсегда центром города, его самой монументальной и характерной частью.

С новым расцветом княжеской власти в Новгороде в начале XII в., при сыне Владимира Мономаха Мстиславе и его внуке Всеволоде, наступает и новый расцвет новгородской архитектуры. Зодчие начала XII в. стремятся уравновесить в городской застройке грандиозные, доминировавшие над городом массы Софии. В 1113 г. на противоположном от Софии берегу, на Ярославовом Дворище, Мстислав ставит высокий пятиглавый¹ Николо-Дворищенский собор. Еще через три года (1116 г.) Мстислав строит собор Антониева монастыря на север от городского вала, вниз по течению Волхова, а спустя вновь три года (в 1119 г.) воздвигается Георгиевский собор Юрьева монастыря — на юг от Новгорода, вверх по течению Волхова ближе к Ильмену.

Все три собора начала XII в. — Николо-Дворищенский, Антониева монастыря и Георгиевский Юрьева монастыря — выстроены в общих им всем единых архитектурных формах. Горизонтальные ряды ниш и окон, которыми ритмично разбиты гладь стен Георгиевского и Николо-Дворищенского соборов, подчеркивают конструктивную ясность соотношений в общие удлиненные кверху пропорции зданий. Хорошо сохранившееся ассиметричное трехглавое здание Георгиевской церкви Юрьева монастыря со стремящимися в высоту мощными стенами является одним из лучших произведений русской архитектуры XII в., далеко отошедшей в Новгороде от византийских прототипов. Имя мастера, ставившего Георгиевский собор, как указывалось, было Петр. Напомним, что ему же, по-видимому, принадлежат и два других собора начала XII в. — Николо-Дворищенский и Антониев.

Соборы Новгорода в начале XII в. были покрыты внутри прекрасной фресковой живописью. Фреска — это письмо водяными красками по сырой еще штукатурке. Высыхая, штукатурка (особым образом подготовленная) входит в прочное соединение с краской и создает исключительную по красоте красочную поверхность. Техника фрески восходит еще к античности (наиболее известны фрески в Помпее). К античности же восходят многие приемы фресковой живописи и отчасти ее формы.

¹ Впоследствии четыре крайние главы собора были снесены, и собор сейчас одноглавый.

Отголоски античной живописи ощущаются во фресках Новгорода. Новгородцы совершенствовали технику фрески, а с другой стороны, менее связанные, чем мастера Византии, с традициями церковного искусства свободнее воспроизводили античные формы.

Новгородские фрески начала XII в. отличаются монументальностью, уравновешенностью частей, яркостью и контрастностью красок. Их главная тема — человеческие фигуры, спокойно поставленные, обращенные en face, с глазами чаще всего прямо устремленными на зрителя, с характерным античным румянцем на щеках, с резко подчеркнутыми, по-античному крупными чертами лица. Ясность и обобщенность композиций позволяют легко обозреть их с большого расстояния. Мастера умело размещали изображения на плоскости стен, учитывая изгибы арок и расстояние, с которого будет обозреваться роспись.

Фрески 1108 г., находившиеся в куполе Софийского собора, уничтожены фашистами. Сохранились лишь в центральном барабане фигуры пророков 1108 г. Фрагмент фрески середины XI в., изображавший царя Константина и царицу Елену, счастливо сохранен работниками новгородских музеев под толстой кирпичной кладкой, которой они заслонили фреску перед занятием Новгорода фашистскими войсками. Изображение Константина и Елены поражает прозрачной легкостью красок, изяществом движения, которым оживлены их лица. Сохранились и другие фрагменты росписей XI, XII и XV вв.

В высоком подцерковье Николо-Дворищенского собора сохранилась часть росписи, иллюстрировавшей рассказ о страданиях Иова. Жена Иова представлена держащей палку с надетым на конец ее котелком, в котором она подает пищу Иову. Ее изображение поражает строгостью форм. Полуобращенное к зрителю лицо жены Иова спокойно. Складки ее одежды напоминают античные каноны.

Фрагменты фресок имеются в Николо-Дворищенском соборе еще на горнем месте. В мае 1944 г. раскрыты орнаментальные фрески в оконных проемах.

Замечательной пластичностью и объемностью форм отличаются остатки фресок 1125 г. в соборе Антониева монастыря. Эти росписи были открыты при ремонте собора в 1898 г. и тогда же испорчены насечками. В 1923, в 1927 и частично в мае 1944 г. удалось раскрыть и реставрировать часть фресок в алтарной части и на столбах. Особенно интересна фигура копающего землю юноши (из композиции «Обретение главы Иоанна Крестителя») с полнокровным, румяным лицом, обрамленным мягкими длинными волосами.

В башне Георгиевского собора Юрьева монастыря сохранились остатки фресковой росписи начала XII в., значительно пострадавшие от фашистского нашествия.

* * *

Сведений о новгородской письменности XI в. очень немного, но то, что известно, свидетельствует о древности и распространенности книжных знаний в различных слоях новгородского населения. По инициативе посадника

Остромира был создан ценнейший и ныне старейший памятник русского языка — знаменитое Остромирово евангелие 1056—1057 гг., поражающее красотой и тщательностью своего исполнения. Ближайшее отношение к книжности имели сын и внук Остромира — Вышата и Ян Вышатич, снабжавшие историческими сведениями нескольких южных летописцев и в Тмутаракани и в Киеве. Новгородским епископом Лукой был составлен древнейший из известных памятников учительной литературы домонгольской Руси — «Поучение к братии». Это поучение написано простым, ясным русским языком: церковнославянизмов в его языке очень мало. Лука учит не мстить, не заниматься «москолудством» (ряжением), не молвить «срамные» слова, ходить в церковь и вести себя в ней смирно. «Чтите стара человека и родителя своя, не кленитися божию именем, ни иною заклинаете, ни проклинайте. Судите по правде, мзды не емлите (взятки не берите), в лихву не дайте (то есть не давайте денег в рост, под проценты), бога ся бойте, князя чтите...» Новгородское летописание, как это установлено А. А. Шахматовым, началось еще в 1017 г., раньше киевского. Именно в 1017 г. в Новгороде была произведена первая историческая запись, задачей которой было сохранение памяти о бурных событиях 1016 г., приведших к установлению тех Ярославовых грамот, которые затем всегда расценивались в Новгороде как законодательно-учредительный акт новгородской независимости. Запись эта рассказывала о том, как новгородцы ночью избили варяжскую дружину Ярослава «в поромоне дворе» за творимые ими насилия, как в свою очередь Ярослав хитростью избил новгородцев в своем пригородном селе Ракоме, как затем Ярослав, получив известия с юга о гибели его братьев Бориса и Глеба от руки сторонников Святополка, «сотвори вече на поли» (в огороженном месте новгородцы не собрались бы, опасаясь нового избиения) и помирился с новгородцами. Новгородцы обещали помощь Ярославу. С этой помощью Ярослав победил Святополка и занял Киев. Но Святополк скрылся «в ляхи», вернулся с поляками и захватил Киев. Ярослав бежал в Новгород «сам-пят». Его мачеха и сестра попали в плен к польскому королю Болеславу. Ярослав хотел бежать и дальше — за море, но новгородцы не пустили Ярослава и сами в патриотическом подъеме организовали борьбу с Святополком и Болеславом. Разбитый Святополк бежал «в печенеги», а Ярослав рсздал новгородцам за помощь крупные деньги и знаменитые грамоты, сказав при этом: «по сей грамоте ходите, якоже списав вам, тако же держите».

Эта пространная запись легла в основу новгородских летописей, неоднократно пересоставлявшихся и продолжавшихся в течение XI в. Новгородские летописи не раз были использованы в течение XI в. в летописании киевском. В частности, из новгородской летописи перешло в киевскую и знаменитое предание о трех братьях — князьях — Рюрике, Синеусе и Труворе.

В первой четверти XII в., в конце княжения сына Владимира Мономаха — Мстислава, к новгородским летописям была присоединена киевская летопись — «Повесть временных лет». Сам Мстислав, как и его отец Владимир Мономах, был писателем. Он сделал в новгородской летописи ряд записей

о чудесных северных странах, рассказы о которых слышал он во время поездки в новгородский город Ладогу. Факт этой княжеской записи в летописи исключительно важен: он свидетельствует о том значении, которое придавалось исторической работе в древней Руси: непосредственно сами князья принимали участие в летописании.

Несмотря на то, что писательство составляло в Новгороде занятие самых разнообразных слоев новгородского общества — и светских и церковных, — книжность Новгорода отличается единая, общая ей черта: близость письменного языка к разговорному. Это свидетельствует о большом пути культурного развития, пройденном русским языком в Новгороде в предшествующие эпохи. Благодаря этому, несмотря на обилие нахлынувших в Новгород после его «крещения» произведений церковнославянской письменности, русский литературный язык Новгорода остался чист от церковнославянизмов и сохранил все свои русские особенности.

УСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ НОВГОРОДА

В XII в. намечается перемещение основных путей европейской торговли. Средиземноморская торговля переходит от Византии в руки французов и итальянцев. Конкурентом Константинополя в торговле с севером Европы становится Венеция. Торговое движение по «Великому пути из варяг в греки», соединявшему бассейны Средиземного и Черного морей с Балтикой по Неве, Ладоге, Волхову и Днепру, постепенно затихает. Киев, Чернигов и другие русские города остаются в стороне от основных торговых путей Европы.

Однако перемещение торговых путей Европы благоприятно сказывается на торговле Новгорода с бассейном Волги: через Новгород и владимирско-суздальские города направляются новые пути европейской торговли с Востоком. Новгородцы в изобилии вывозят пушнину из своих северо-восточных владений, а ввозят из-за границы сукно, железо, соль, хлеб, лошадей, предметы роскоши.

В XII в. новгородских купцов можно было встретить почти во всех торговых городах Балтики. Указания на заморскую торговлю новгородцев можно найти в дошедших до нас договорах с иноземными гостями и в новгородских летописях. В летописи отмечено, например, что в 1130 г. буря в Балтийском море разбила семь новгородских ладей, возвращавшихся из Готланда. Под 1134 г. новгородская летопись отмечает жестокую расправу с новгородцами в Дании: «рубоша новгородць за морем в Дони». Свидетельства об иностранной торговле Новгорода встречаются и у западноевропейских писателей того времени — у Адама Бременского, Саксона Грамматика и др.

В 1156 г. заморские купцы, то есть, очевидно, новгородцы, ведшие заморскую торговлю, ставят на Торговище церковь Пятницы (покровительницы торговли). На связи с Западом и на обилие иностранцев в Новгороде указывает наличие в Новгороде иноземных церквей. В житии Антония Римлянина рассказывается, что по прибытии в Новгород он нашел здесь людей, говоривших на европейских языках. Факт приезда Антония в Новго-

род из Италии уже сам по себе указывает на мировые торговые связи Новгорода.

Одновременно с развитием торговли идет в Новгороде развитие ремесел. Целые улицы были заселены в Новгороде ремесленниками одной специальности. Один из пяти концов Новгорода назывался Плотницким, другой — Гончарным. Ремесленники активно участвуют во второй половине XII—XIII в. в политической жизни Новгорода.

Чрезвычайно усиливается и феодальная эксплуатация новгородским боярством своих владений, постепенно расширяющихся до Балтийского моря на северо-западе, до Ледовитого океана и Белого моря на севере, до Урала на востоке и до впадения Оки в Волгу на юго-востоке.

Могущественный и развивающийся Новгород вступает в борьбу со слабеющим Киевом. На время интересы богатеющих новгородских торговцев и ремесленников объединяются в общем им всем стремлении освободиться из-под политической опеки Киева и проводника этой опеки — ставленника киевского князя — новгородского князя.

До середины XII в. князь представлял собой основную силу в государственной и культурной жизни Новгорода. В первой четверти XII в. старший сын Владимира Мономаха Мстислав, а затем сын Мстислава Всеволод стоят во главе политических предприятий Новгорода, покровительствуют искусствам, книжности, обстраивают Новгород двумя крупнейшими монастырями — Антониевым и Юрьевым, укрепляют Детинец, обстраивают Ярославово Дворище, покровительствуют культурному влиянию киевских книжников и киевского монашества. Однако, по-видимому, уже в первой половине XII в. князь теряет свои права на Софию Новгородскую, бывшую перед тем княжеским храмом, и обосновывается на другой стороне Волхова — на Ярославовом Дворище, уступая Детинец вечу.

К середине XII в. относится установление нового социального и политического строя в Новгороде. Новгород становится независимой боярской республикой. Процесс образования нового политического строя сопровождается рядом бурных потрясений в жизни Новгорода, частыми сменами князей, посадников, тысяцких и заканчивается установлением всех тех новых форм правления, которые составляют затем на протяжении ряда веков характерную особенность Новгорода.

Особенно сильные волнения происходят в 1136 г. Собравшееся вече, на котором присутствовали не только новгородцы, но псковичи и ладожане, смещает князя. Его сажают в «епископль двор с женою и с детьми и с тещею, месяца мая в 28; и страже стрежаху день и ночь с оружием, 30 мужь на деню».

✓ Переворот 1136 г. окончательно ослабил княжескую власть в Новгороде и закрепил господствующее положение в управлении городом боярства и епископа, игравшего крупную роль в восстании 1136 г. С этой поры новые князья не присылаются из Киева, а приглашаются самим вечем в качестве военных специалистов. Они ограничены в своих правах особым договором — «рядом». Князья лишены с этой поры большинства своих доходов, прав и

земельных владений; они ограничены в охоте и суде; их выселяют за город — на Рюриково Городище, чтобы они не могли вновь захватить власть в городе военной силой.

Значительно усиливается роль веча. Вече избирает посадников, тысяцких и даже архиепископа. Формально вечу принадлежит верховная власть в городе, однако на самом деле боярству путем подкупов и найма «худых мужиков вечников» удается добиваться нужных ему решений. Власть исполнительная в Новгороде принадлежала Совету господ, куда входило крупнейшее новгородское боярство, отличавшееся своим богатством и колоссальными земельными владениями. Совет господ подготовлял для решений веча и те вопросы, которые должны были утверждаться всеми новгородцами. Благодаря этому Совет господ фактически управлял Новгородом, только в исключительных случаях подпадая под контроль веча, время от времени заявлявшего о своих верховных правах бурными собраниями, иногда заканчивавшимися народными волнениями.

Во главе Совета господ — «начальником новгородских бояр» — после восстания 1136 г. становится новгородский епископ — богатейший землевладелец города, к которому переходят права, доходы и земельные владения князя.

Епископ становится полным хозяином Детинца и Софии — патрональной святыни Новгорода и средоточия новгородской государственной жизни. В руки епископа переходит софийская казна; он ведает внешними сношениями Новгорода; он приобретает право суда, право наблюдения за торговыми мерами и т. д.

✓ Нигде в других городах и княжествах древней Руси церковь не была так тесно связана с государственной жизнью, как в Новгороде. Это значение новгородская церковь приобрела, став на сторону бояр и купцов против новгородского князя и активно вмешавшись в народные волнения середины XII в.

Благодаря удачной политической игре епископу Нифонту удастся занять в Новгороде господствующее положение, а затем выйти из зависимости от киевского митрополита, которому новгородский епископ как глава одной из епархий русской церкви был формально подчинен. Пользуясь церковными смутами, вызванными назначением Климента Смолятича киевским митрополитом помимо воли константинопольского патриарха, Нифонт добивается у последнего признания за собой титула архиепископа и некоторой независимости от киевского митрополита. Отныне назначение новгородских архиепископов производится не по воле киевского митрополита. Новгородцы сами избирают себе архиепископов на вече, собирающемся в церкви Софии, и только затем посылают их в Киев для формального посвящения.

Установлению выборного замещения новгородской епископской кафедры должна была предшествовать большая церковно-юридическая и церковно-историческая работа. Оригинальная и сложная реформа церковного управления Новгородом была тщательно продумана и установлена знатоком церковного законодательства Нифонтом, который, очевидно, и завещал прове-

сти ее в жизнь при первом же случае, то есть сразу же после своей смерти при выборах нового архиепископа.

Таким образом, новгородская церковь и ее глава архиепископ освободились от влияния Киева и начали играть главенствующую роль в политической жизни Новгорода. Вместе с тем сама новгородская церковь подпала под контроль веча. Новгородцы сами низлагают неугодных им архиепископов и выбирают новых. Так, например, в 1211 г. новгородцы прогоняют архиепископа Митрофана; в 1228 г. они низлагают владыку Арсения, обвиняя его в том, что будто бы из-за него стояла дождливая погода; в 1421 г. новгородцы прогоняют владыку Феодосия за то, что он был «шестником», то есть пришельцем, а не коренным новгородцем, и т. д.

В выборах архиепископов вече не было стеснено иерархическими ограничениями. Избираемый должен был принадлежать к числу духовенства, но был ли он монахом или простым священником, не имело, по-видимому, особого значения. Вступление в ряды духовенства и выход из него были открыты для всех желающих, не представляя особых затруднений.

Обмирщение новгородской церкви выразилось также и в том, что вокруг Софии создается двор, во всем подобный княжескому. Владыка заводит своих дворецких, казначеев, ключников, чашников, крайчих, медоваров, поездчиков, тиунов, десятников, приставов, зазывальщиков, доводчиков, борцов. Владычние «молодцы» самостоятельно выполняют военные операции. Владыка на собственные средства ставит крепостные стены и «костры» (башни). У него свой «владычній» полк. Он выезжает на соколиную охоту во главе многочисленной свиты. Он покровительствует искусствам; при его дворе ведется летопись.

Большинство новгородских грамот скрепляются санкцией владыки — его благословением. Сама София становится символом новгородской независимости. Отправляясь в походы, новгородцы обещают честно умереть за Софию и заручаются благословением архиепископа. Именем Софии заключали мир, пользовались им как боевым кличем и политическим лозунгом.

С середины XII в. и в течение нескольких столетий в Новгороде все более или менее крупные предприятия по строительству и росписи храмов осуществляются артелями — «дружинами». Эти артели существуют прежде всего при дворе новгородского архиепископа и населяют его «слободы» в окрестностях города и поблизости Детинца. Члены этих артелей носят название «владычных паробков» или «владычных ребят». «Паробки» и «ребята» переписывают священные книги, составляют дружины строителей и иконописцев.

Характерно, что Нередицкую церковь расписывало не менее десяти художников одновременно. Этот способ работ «дружиной» документально засвидетельствован в Новгороде и позднее (после его присоединения к Русскому государству) писцовыми книгами.

Наряду с архиепископом с середины XII в. активной силой в культурной жизни Новгорода выступают корпорации кончан (жителей городского конца), уличан (жителей одной улицы), сотни и братчины, на которые, по

выражению Ключевского, «мозаически» распадалось новгородское общество.

Вечевые порядки Новгорода требовали от бояр значительных издержек на всякого рода угощения или пожертвования, имевшие целью привлечение к себе сторонников. Организация новгородского самоуправления по концам, улицам и сотням, соответствовавшим до известной степени современным им цехам и гильдиям западноевропейских городов, способствовала поддержанию таких обычаев.

Уличане организовывались вокруг своей уличанской церкви, которую часто и строили совместно. Вокруг уличанской церкви создавалась купеческая община, на нее давал значительные пожертвования боярин, чтобы снискать себе популярность среди прихожан-уличан. Благодаря щедрости боярина уличане часто действовали совместно в его пользу, укрывали у себя его сторонников, запирались от его врагов, выдвигали его на вече. Не менее часто, впрочем, уличане действовали и против боярина, как и всюду, выступая в тесном единстве — всею улицей.

С середины XII в. улицы, концы и сотни начинают играть огромную роль в Новгородском государстве. Кончанские и уличанские старосты скрепляли своими печатями важнейшие государственные грамоты. Улицы и концы обладали коллективной собственностью и, по-видимому, если об этом судить по названиям районов города, специализировались по преимуществу в каком-нибудь одном ремесле (гончарном, плотницком, сапожном, кузнечном, кожевенном и т. д.). Возможно, что концы и улицы повторяли у себя в менее значительных масштабах организацию новгородского самоуправления и обладали собственными вечеми. Во всяком случае, должность уличанского попа была такою же выборною, как и должность архиепископа. Даже в XVI в. в постановлениях московского Стоглавого собора с осуждением отмечено, что попов в Новгороде приводили ставиться ко владыке всею улицей.

Епископ, бояре, купечество, улицы и концы — таковы те новые инициаторы культурных предприятий Новгорода, которые пришли в середине XII в. на смену князю. В XI и первой половине XII в. все памятники новгородской письменности принадлежат князю или его родственникам. С середины же XII в. большинство произведений новгородской письменности — епископского, боярского, купеческого или корпоративного происхождения.

Политический переворот середины XII в. не замедлил сказаться и в искусстве Новгорода. Заметно иные, более «демократические» формы приобретает живопись и в особенности архитектура. Последний княжеской постройкой в пределах городской черты обычного для XI — начала XII в. монументально-торжественного типа следует считать церковь Ивана на Петрятине дворе (на Опоках) 1127 г., которую Всеволод Мстиславич после потери Софии безуспешно пытался сделать новым политическим центром Новгорода.

Боярско-купеческое строительство второй половины XII в. вырабаты-

дает новый тип четырехстолпного, квадратного в плане, храма, более упрощенного и уменьшенного в размерах типа, чем грандиозные княжеские соборы предшествующей поры.

В отличие от церквей княжеской постройки с резким разделением молящихся на привилегированных, «избранных», и остальную массу молящихся новые церкви не разделяют молящихся и в этом смысле становятся «демократичнее», обыденнее. Раньше князья строили церкви с великолепными, сильно освещенными каменными хорами, на которых слушали богослужение только княжеская семья и приближенные, тогда как внизу помещалась вся остальная масса молящихся. Новые же, возводимые со второй половины XII в. церкви боярско-купеческой постройки имеют скромные деревянные хоры служебного значения, а все молящиеся вместе стоят внизу.

Во второй половине XII в. Новгород обстраивается большим числом церквей этого типа — небольших, скромных, но встречавшихся на каждом шагу среди домов жителей. Новые церкви возводят совместно уличане (жители улицы), архиепископ, купцы, бояре. Церкви эти объединяют вокруг себя политическую жизнь и торговлю отдельных районов города (концов и улиц). В них хранятся товары, в них спасают жители свое имущество во время пожаров, в них собираются братчины, около них устраиваются совместные пиры и т. д.

Первым из храмов нового типа была, видимо, выстроенная в Новгороде в 1156 г. «заморскими купцами» церковь Параскевы Пятницы на Торговище. К этому же типу принадлежат церкви Благовещения в Аркажах (1179 г.), Воскресения на Мячине (1195 г.), Петра и Павла на Синичьей горе (1185—1192 гг.) и т. д. Новый характер построек настолько прививается, что воспринимается и княжеским строительством. К этому типу церквей принадлежала и всемирно известная церковь Спаса Нередицы, варварски разрушенная фашистами.

Она была построена в 1198 г. недалеко от княжеского двора, на Рюриковом Городище, и расписана фресками в 1199 г. Направо от входа в ней был изображен отец Александра Невского новгородский князь Ярослав Всеволодович в русских княжеских одеждах с моделью Нередицы в руках, которую он как бы подносил сидящему перед ним Христу. Изображение это относится к более позднему времени, чем остальные фрески, и, как предполагают, было выполнено по распоряжению Александра Невского вскоре после смерти его отца в 1246 г.

По сохранности своих фресок Нередица занимала совершенно исключительное место в ряду других церквей средневековья не только в Советском Союзе, но и во всей Европе. Росписи, покрывавшие собою ее стены снизу доверху, слагались в стройную систему, отражавшую средневековые представления о вселенной. Вместе с тем в росписи Нередицы, даже в ее церковные сюжеты, проникали изображения, отражавшие и патриотические настроения мастеров, расписавших ее, и социальную борьбу своего времени.

Общая схема росписей русских и византийских храмов, так как она сложилась в пору своей наибольшей законченности (XI—XIII вв.), пыталась охватить всю человеческую историю и изобразить всю земную и небесную церковь.

Церковное здание в средние века символизировало собою весь мир. Церковь — это небо на земле. Изображения святых и событий истории занимают в ней строго определенные места. Сама ориентация стен средневековых соборов строго по странам света — на восток (алтарь), запад (притвор), юг и север — вела к тому же обострению чувства вселенной.

Высокие части здания — купол и своды — символизировали собою небо, где «цветет» слава Христа под реальными или символическими формами. В куполе храма обычно изображался глава церкви — Христос в славе, окруженный архангелами и ангелами. В Нередице эта купольная композиция изменена сравнительно с византийской: она изображает вознесение. В белом поясе вокруг купола находилась полустертая надпись: «вси языцы (то есть все народы) воспещите руками». Эта надпись явно утверждала равноправие русского народа в делах религии, что отвергали греки, стремившиеся главенствовать над русской церковью. В четырех парусах сводов под барабаном купола помещались изображения четырех евангелистов, соединявших небо и землю и возвещавших по всем четырем странам света слово Христа. В середине здания, посвященной земной церкви, изображались апостолы, мученики, пророки, святители, преподобные, столпники — в строгой символической системе. Здесь же помещались сцены из евангелия и истории церкви. Замечательной особенностью Нередицы в этой части ее была исключительная полнота всей системы росписи. Изображения покрывали ее стены сплошь, в том числе и те ее нижние части, которые обычно в византийских храмах облицовывали мрамором. Под мрамор расписан в Нередице лишь самый нижний пояс.

Росписи восточной, алтарной части церкви в средние века раскрывали содержание того «таинства», которое здесь совершалось во время богослужения. Вверху алтаря изображалась богоматерь, восседающая на престоле. В Нередице к этому изображению одной богоматери присоединено изображение длинной процессии святых, подходящих с обеих сторон к богородице. Подобные процессии святых в изображениях алтарной части вовсе неизвестны на Востоке. Но в Нередице они — сделаны не случайно: дело в том, что во главе процессии по сторонам богородицы стоят первые русские святые, представители русской национальной церкви: князья Борис и Глеб. Культ этих святых братьев, павших от руки братоубийцы и изменника Святополка, всегда был связан с политическими идеями единения Руси и прекращения братоубийственных княжеских раздоров¹. Небезынтересно отметить, что фрески Нередицы были выполнены всего

¹ См. об этом подробнее в книгах акад. Б. Д. Грекова «Культура Киевской Руси» Издательство Академии наук СССР. М.—Л., 1944, стр. 63 и сл.

лишь через десять лет после того, как было создано «Слово о полку Игореве», — когда, следовательно, призывы к единению звучали особенно своевременно (фрески Нередицы — 1199 г., «Слово о полку Игореве», вероятно, — 1188 г.).

Западная сторона средневековых церквей отводилась для изображенная конечных судеб мира — страшного суда и второго пришествия Христа как завершения всемирной истории. В этом отразилась характерная черта средневекового мировоззрения, боявшегося пустоты и неведения, претендовавшего на знание даже будущего и обычно доводившего изложения всемирных событий до последних дней мира. Эта композиция страшного суда и последних дней вселенной была разработана в живописи Нередицы с исключительной подробностью и во многом резко отличалась от византийских. В частности, новгородцев интересовало не только то, как будут наказаны на страшном суде личные грехи, но и грехи социальные: социальная несправедливость, богачи и властители, обижающие бедных и зависимых. Совершенно исключительный интерес представляла собою одна сцена, входившая в сложную композицию страшного суда и характерная для тех социальных волнений, которые испытывал Новгород в XII в. Сцена эта иллюстрировала евангельскую притчу о богаче и бедном Лазаре, в которой рассказывалось о загробном осуждении богача на вечные муки и о блаженстве бедного Лазаря. Притча эта пользовалась большой популярностью среди древнерусских книжников, вкладывавших в нее всю свою неприязнь к богатым и дополнявших ее описаниями мучений богача. Дополнили ее собственными подробностями и мастера Нередицы. Среди изображений адских мучений представлен богач, сидящий в огне, а перед ним сатана с сосудом в руке. Богач показывает себе на язык и взывает к Аврааму, который изображен напротив с душою бедного Лазаря на лоне: «отче Аврааме, — говорит богач, как это можно прочесть в надписи, — помилуй мя (меня) и послы (пошли) Лазаря, да омочить пьрст (палец) свой в воде и устудить (остудит) ми (мне) язык: изъмагаю бо (ибо изнемогаю) в пламени семь», на что сатана подносит ему сосуд с огнем и говорит, насмехаясь: «друже богатый, испей горящего пламени». В Византии эта композиция неизвестна.

Фрески Нередицы были выполнены с поразительным мастерством. Ища общего, вечного, вневременного смысла изображений, живопись XI—XII вв. искусственно отбирала из реального мира лишь общие признаки, эмблемы, знаки божественного смысла. В изображениях Нередицы первое место и по размерам и по центральному положению занимают человеческие фигуры. Фигуры святых, обычно изображенные в фас, стоят по большей части изолированно.

Их прямо устремленные перед собой взоры и спокойные жесты кажутся застывшими. Изображения людей как бы выключены из окружающей обстановки, перенесены в идеальный мир: пейзаж почти отсутствует, человеческие фигуры как бы находятся вне пространства и вне времени.

Но в это типичное для XI—XIII вв. идеалистическое церковное

искусство мастера Нередицы сумели внести элементы реализма: человеческие фигуры рельефны, почти весомы, а их индивидуальные характеристики даны с поражающей силой. Особенно сильно изображение Лазаря, «воскрешенного» из мертвых: его изборозженное морщинами лицо с опущенными веками — лицо выходца с того света. В композицию крещения внесены натуралистические детали: среди группы ожидающих крещения один скидывает через голову рубашку и запутался в ней, другой плывет в исподних штанах, остальные снимают одежду, сбрасывают сапоги.

Фрески Нередицы были исполнены русскими мастерами, что доказывается надписями: они почти сплошь русские за исключением нескольких греческих, в которых, однако, сделаны характерные для русских ошибки. Язык этих надписей обнаруживает черты новгородского произношения.

Без детального знакомства с фресками Нередицы не мог обойтись не только специалист в области древнерусского искусства, но и специалисты-византологи, а также ученые, изучавшие западноевропейское искусство средневековья.

* * *

Установление нового политического порядка в Новгороде сказалось не только на изменении общего характера новгородского искусства, но и в письменности. Резко меняется летописание, которое отныне приобретает черты простоты, лаконизма, интереса к быту и известного «демократизма» стиля и языка, становящихся обычными в новгородском летописании вплоть до XV в.

Антикняжеский переворот 1136 г. и изгнание Всеволода побудили новое «республиканское» правительство Новгорода пересмотреть политические установки прежнего княжеского летописания. Эту работу Нифонт поручил Кирику — уставщику Антониева монастыря в Новгороде. Кирик изъял из новгородской летописи находившуюся в начале ее сочувствующую князю Владимиру Мономаху «Повесть временных лет» и заменил ее резко антикняжеским Киево-Печерским сводом 1095 г. Свод этот открывался предисловием, прямо направленным против княжеской власти. Автор этого предисловия упрекал князей в алчности, в несытстве, в разорении людей налогами и поборами. В тот момент, когда в Новгороде от князя отбирались его права, доходы и владения, а сам князь был изгнан из Новгорода, это вступление к новгородской летописи отлично служило делу антикняжеской пропаганды. Остальные записи княжеской летописи были сильно сокращены в порядке их цензурования новым «республиканским» правительством Новгорода.

Со времени переворота 1136 г. новгородская летопись становится резко своеобразной и по своему содержанию и по своему стилю. Она не похожа ни на одну другую русскую летопись. Новая «республиканская» новгородская летопись уделяет все большее и большее внимание местным городским событиям: пожарам, стихийным бедствиям, внутренним волнениям

и т. д. Летописец интересуется прежде всего теми происшествиями, которые отражаются на благосостоянии населения, затрагивают его непосредственные нужды.

С редкой последовательностью новгородский летописец отмечает всякое повышение цен на хлеб и описывает непогоду, отражавшуюся на состоянии жатвы. Новгородский летописец не забывает отметить радость новгородцев по поводу того или иного счастливого исхода событий и сопровождает восклицаниями ужаса всякое общественное несчастье: голод, пожары, наводнения.

Наряду с «демократизацией» содержания летописных записей «демократизируется» и их язык. Появляются обороты деловой речи, пробивается местное произношение, народные, просторечные выражения.

Но новгородское летописание велось не только при дворе новгородского архиепископа. Так, например, в позднейших летописях путем их сопоставления и анализа можно выделить летопись, которую в течение двухсот лет вели в небольшой уличанской церкви Якова в Неревском конце. Ее настоятель — поп Герман Воята — начал вести летопись своей церкви после восстания 1136 г., придав ей поразительно необычный для средневековой письменности характер домашности, простоты и субъективизма. Круг интересов Германа Вояты неширок — это внутренние события городской жизни: постройки церквей, Великого моста через Волхов, уличные события не слишком большого значения, например напрасный переполох в городе, вызванный ложным слухом о том, что к Новгороду подошло войско псковичей.

Герман Воята отмечает в своих записях дороговизну, состояние погоды. Он пишет о жаре, стоявшей две недели, о пережженных от этого хлебах и о начавшейся затем дождливой погоде, так что, пишет о себе летописец, «не видехом ясна дни ни до зимы» (1145 г.). «На ту же осень зело страшно бысть, — записывает Воята, — гром и мълния, град же яко яблъков боле, месяца ноября в 7 день, в час 5 нощи» (1157 г.). Занесенными в краткие записи Вояты оказались и ложные слухи и сплетни (о Нифонте, например). Не мудрствуя лукаво, Воята записывает в свою летопись сообщение об утонувших в Волхове попах, рассказывает о состоянии хлебов, о покосах сена, об унесенных разливом Волхова дровах, о громе, слышанном им зимой, очевидно, во время занятий в архиепископской канцелярии («в истьеб седяще») и, наконец, о собственном поставлении в попы (под 1144 г.). Все это изложено Воятой довольно последовательным и крепким просторечием, часто от первого лица. Воята, как видно, ограничен в своих интересах, но по-своему талантлив, не боится отступать от средневековых трафаретов книжности, вкладывая в свои записи личные интересы и вкус к быту. Непосредственная заинтересованность в описываемых событиях, облик живого человека остро ощущаются в ненамеченной простоты его записей.

ВРЕМЯ РАСЦВЕТА НОВГОРОДСКИХ БЫЛИН

В XII в. в новгородском народном творчестве получила особенно широкое развитие социально-бытовая тема. Причина тому — расцвет экономического благосостояния и политические преобразования, осуществленные в Новгороде.

В прошлом, в X в., Киев, являвшийся тогда носителем военного могущества и единства Руси, создал свои эпические народные сказания, посвященные военным подвигам богатырей, героическому времени Владимира Красное Солнышко. Это был первый период расцвета былевого эпоса.

Народное творчество Новгорода в период его расцвета в XII в. вносит в былины свою струю, заменяя военную тему темой социальной и бытовой.

Политические преобразования Новгорода выражались в том, что сословные преграды не были там столь сильны, как в других княжествах. Выборность большинства должностей давала возможность выдвижения. И хотя фактически Новгород управлялся боярским Советом господ и находился в зависимости от крупного купечества, все же эксплуатируемое большинство не было полностью лишено инициативы.

Борьба на вече, где низшие слои населения могли заявлять свои права, иногда доходила до боев в бронях и с оружием в руках, как «на рати». И в этих боях временами трудовой люд получал перевес.

Не была закрыта дорога широкой инициативе и в экономической жизни, чему способствовала процветавшая торговля Новгорода. Предприимчивых новгородских «молодцов» обогащало и «ушкуйничество», то есть самовольные походы в далекие разбойные плавания.

Все это в целом и находило свое отражение в народном творчестве новгородцев.

Во второй половине XII в. зародились эпические сказания о Садке и Василии Буслаеве.

В. Г. Белинский считал былинку о Садке одним «из перлов русской

народный поэзии». По мнению Белинского, былина о Садке «есть поэтическая апофеоза Новгорода, как торговой общины»¹.

В основе образа Садка, по-видимому, лежит действительное историческое лицо. Под 1167 г. в новгородских летописях находится следующее известие: «На ту же весну заложи Съдко Сытиниць церковь камяну святую мученику Бориса и Глеба». Церковь Бориса и Глеба до самого своего разрушения в XVII в. была самой высокой церковью в Новгороде, единственной превосходившей своими размерами патрональный храм Новгорода — Софию. Она была заложена на очень видном месте — в Детинце, на его главной улице — Пискупле, там, где когда-то стояла первая церковь в Новгороде — деревянная тринадцатиглавая София. Естественно, что имя ее строителя перешло в эпос, и вокруг построения церкви Бориса и Глеба, столь необычной для Новгорода по своим размерам, создались легенды. Позднейшие былины приписывали ему даже постройку Софийского собора:

Шел Садко, божий храм соорудил
А и во имя Софии Премудрые.

Другие варианты былин о Садке приписывают ему построение еще двух церквей: Стефана архидиакона и Николы Можайского. Поздние летописи называют Садка под 1167 г. — «Сатко богатый» («Софийский временник»). Не может быть поэтому сомнений в том, что «Сатко» летописи и Садко были — одно и то же лицо. Тем самым датируется и возникновение эпических сказаний о нем.

Василий Буслаев современными летописными записями не отмечен, однако в XVI веке Василия Буслаева прикрепляли к тому же XII веку. Никоновская летопись, часто пользующаяся русским былевым эпосом для своих известий, сделала под 1171 г. следующую запись: «Того же лета преставися в Новгороде посадник Васка Буслаевич». Необычная для летописи форма имени посадника («Васка»), но принятая в былинах о нем, также свидетельствует, что это известие было взято из последних, тем более что предшествующие новгородские летописи не имеют такого известия. Думается, что прикрепление смерти «Васки Буслаевича» к XII в. не случайно. И Садко и Василий Буслаев должны быть отнесены к одному времени, как и зарождение эпических сказаний о них.

Былины о Садке замечательны своей идеей возможности победить силу денег, силу богатства силой искусства. В былинах о Василии Буслаевиче запечатлена идея о возможности для героя пробить себе дорогу в жизни своими личными качествами: смелостью, силой, умением. И в том и в другом случае героям не противостоит внешний враг — татарин или половец. И Садко и Василий имеют против себя весь Великий Новгород — всех новгородских купцов, все новгородские богатства, весь устоявшийся социальный уклад одного из старейших и богатейших городов Руси. Но и Садко и Василий искусством и удалью побеждают новгородцев, пробивают

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., под ред. С. А. Венгерова, т. VI, СПб., 1903, стр. 454.

себе дорогу в жизни. Здесь, как и в других случаях, былины отражают народные желания, отвечают народным мечтам о счастливой, зажиточной и независимой жизни. Былины как бы восстанавливают социальную справедливость, с отсутствием которой народ сталкивался в жизни.

Былина о Садке в основном посвящена борьбе героя с этой социальной несправедливостью, со всем «Великим Новгородом», с богатствами его купцов. В славном Новгороде жил гусляр Садко. Не было у него золотой казны, ходил он по «честным пирам» и «спотешал» купцов и бояр. Силой своего искусства Садку удается приворожить водяного царя в Ильмень-озере и с помощью его овладеть огромным богатством. Но богатство разжигает тщеславие Садка. Он бьется о «велик заклад», что скупит все товары Великого Новгорода, и проигрывает. С остатками богатств Садко пускается в морское плавание. Морской царь требует Садка к себе. Здесь, на дне морском, Садко вновь очаровывает морского царя своею игрой на гусях. Морской царь предлагает ему в жены любую красавицу, но на этот раз Садко скромн: по совету Николы он берет себе в невесты девушку Чернавку, самое прозвание которой, очевидно, не случайно и указывает на ее происхождение — из «черного люда», то есть из трудовых слоев. Это спасает Садка: он вновь чудесно оказывается в Новгороде. Садко возвращается домой и ставит церковь Николе Можайскому. На этом былина заканчивается.

Возможно, что первоначальное зерно былины заключалось в объяснении того, почему Садко построил церковь Борису и Глебу. Борис и Глеб в XII—XIII веках считались покровителями мореплавателей, гребцов, морской торговли. Впоследствии в этой роли покровителя мореплавателей стал больше известен Никола. Он и заместил собой Бориса и Глеба. Однако не это древнее зерно былины составляет ее идейный центр. Смысл былины — в торжестве искусства, в его величии, в его силе, помогающей Садку победить купеческий Новгород. В этом отношении былина о Садке близка к другой, более поздней былине на ту же тему: «Вавило скоморох».

Садко — отнюдь не купец, каким его считали представители «исторической школы», всюду и всегда подозревавшие «аристократическое» происхождение героев эпоса, происхождение их из среды эксплуататоров. Купечество Садка — лишь эпизод, который его губит и от которого его спасает женитьба на простой девушке Чернавке, представительнице «черного люда». Возвращение в родную среду приносит Садку свободу и помогает вернуться на родину. «Поэтическая апофеоза Новгорода» (Белинский) заключается в этой былине не в том, что Новгород богат и богатства его не может скупить Садко. В глазах народа, как это видно из былины, богатство — не достоинство. «Апофеоза» Новгорода заключается в том, что вольные нравы, вольный политический быт этого города давали порой возможность выдвинуться таким талантливым людям, как Садко, несмотря на господство боярства и купечества. Былина славит не купцов Новгорода, а вольнолюбивый новгородский люд, смелость и талантливость его представителей. Она славит прежде всего самого Садко как представителя

именно этого народного Новгорода. С этой точки зрения нет конфликта между героем народа Садком и тем Новгородом, которому народ создал в этой былине «апофеозу». В былине есть конфликт Садка с новгородским купечеством. Первоначально соблазненный богатством Садко возвращается к народу. Садко — типичный новгородец, и в его лице новгородский сказитель славит народ.

Менее отчетливо тема борьбы с Новгородом выступает в былинах о Василии Буслаеве.

С именем Василия Буслаева известно два сюжета. В первом из них рассказывается о том, как Василий, собрав «тридцать молодцов без единого», «напустился» на мужиков новгородских («все купцы богатые») и заставил их себе «покориться» и «поклониться». Во втором рассказывается о том, как Василий Буслаев «молиться ездил». В этом втором сюжете говорится об ушкуйничестве Василия и о его гибели на «Сорочинской горе». Никакой тенденции «осудить Василия за бесчинства, за разбой, за нарушение религиозных обычаев»¹ в основе обеих этих былин усмотреть нельзя. Наоборот, былины воспевают бесшабашную удачу Василия, любят его молодечеством, тем, что он сумел победить весь Новгород. Купеческо-боярский Новгород и в былинах о Василии Буслаеве, как и в былинах о Садке, выступает символом существующего социального порядка, символом социальной несправедливости, против которой восстает богатырь. В большей мере, чем Садко, Василий Буслаев выступает бунтарем, и в большей мере, чем даже Садко, пользуется симпатией в былине за свою безграничную удачу, дерзость, смелость, широту русской природы. Лишь в отдельных вариантах выступает осуждение Василия, но это осуждение — явление вторичного порядка.

Один из немногих героев русского эпоса, Василий Буслаев со всей определенностью выступает то «боярским», то «дворянским» сыном. Это отнюдь не случайно и органически связано и с его образом и со всеми сюжетами былины о нем. Васька — бунтарь, ломающий вековые, «родительские» традиции. При всем уважении к своей матушке он отказывается ее слушаться. Следовательно, «высокое» происхождение Васьки нужно народным сказителям для того, чтобы больше подчеркнуть конфликт его со всем богатым и знатным Новгородом. Он идет против уклада старины — «родительского», господствующего; с тем большею силою выступает антибоярская направленность былин о Василии Буслаеве и с тем большею определенностью он оказывается выразителем народного отношения к господствующему классу, бросающим вызов его освященному стариной и «родительским» авторитетом положению.

Мы не ставим себе целью анализировать образы Садка и Василия Буслаева в том их виде, в каком они отразились в былинах, записанных в XVIII—XX вв. Эти образы — результат многовековой творческой работы народа. Они сложны и богаты. В нашу задачу входило лишь показать ту

¹ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., Учпедгиз, 1941, стр. 251.

общую идею былин о Садке и Василии Буслаеве, которая может относиться к XII—XIII векам — ко времени расцвета вечевого строя Новгорода. Сущность этих былин — в стремлении восстановить социальную справедливость, в стремлении противопоставить Великому Новгороду, со всеми его богатствами, купечеством и боярством, народного героя. Этот герой не всегда безупречен, его образ сложен: он иногда соблазняется богатствами и терпит неудачи вследствие своего тщеславия; он иногда слишком самонадеян и от этой самонадеянности гибнет; но в подвигах этого героя народ любит его силой, его бесстрашием перед громадой Великого Новгорода с его социальным неравенством.

Итак, новгородские социально-бытовые былины возникли в XII в., но они продолжали развиваться и пополняться во все последующее время. Они продолжали жить и тогда, когда пал самый вечевой строй Новгорода способствовавший их появлению.

НОВГОРОД В ГОДЫ БОРЬБЫ С НЕМЦАМИ И ШВЕДАМИ

В 1237 г. плохие дороги и непроходимые болота преградили дорогу на Новгород коннице Батыя, в значительной мере обескровленной и ослабленной мужественным сопротивлением русских княжеств. Татарские войска не рискнули встретиться с сильным новгородским войском и повернули назад из района озера Селигер. Северо-запад Руси счастливо избег татарского разгрома.

Однако Золотая орда стремилась подчинить Новгород и обложить его данью наравне с покоренными русскими княжествами. Зимой 1257/58 г. в Новгород являются татарские баскаки для переписи населения. Через год, в 1259 г., туда вновь приезжают «татары-сыроядци». В Новгороде разгорается восстание: черный люд выступает также и против бояр, пыгавшихся переложить всю тяжесть поборов на меньших людей: «творяху бо бояре себе легко, а меньшим зло». Татары принуждены скрыться от народного озлобления. События грозили перейти в конфликт Новгорода с Золотой ордой, который предусмотрительно предотвращает Александр Невский, понимавший, что разгром Новгорода ордой повлечет за собой подчинение его более страшному врагу — немцам. Новгород с этой поры начинает платить «выход ордынский» и становится в политическую зависимость от Владимиро-Суздальского княжества. «Старшейшая русская республика» (К. Маркс) разделяет общую участь русских княжеств и вступает в борьбу с натиском Швеции и ливонских рыцарей как часть русской земли.

Александр Невский провел юность в Новгороде. Здесь княжил его отец, Ярослав Всеволодович. Здесь, начиная с 1236 г., княжил и он сам. Александр любил Новгород, знал новгородцев и умел подчинять их своей власти. Новгородцы высоко ценили своего князя, с уважением отзывались о его воинском искусстве, видели в нем надежного защитника против иноземного нашествия, которым грозила Новгороду тяжелая военная обстановка второй четверти XIII в.

В 1236—1240 гг. страшный разгром Руси полчищами татаро-монго-

лов дал немцам надежду на подчинение себе северо-западной Руси. К этому времени происходит объединение немецких рыцарей в Прибалтике: ордена меченосцев и тевтонского ордена.

В то же время (1239 г.) папа римский вел переговоры о совместном выступлении ордена и Швеции против Руси. Казалось, полчища врагов не могли встретить сильного сопротивления в дотла разоренных городах и селах Руси. Крестоносное войско шведов первым выступило в поход. Шведы прибыли на кораблях в Неву и остановились в устье Ижоры, намереваясь идти на Новгород. Во главе шведского войска стоял зять короля Эрика — Биргер, фактический правитель Швеции. Большое войско шведов было хорошо вооружено и прекрасно организовано. Биргер не сомневался в успехе и выслал Александру гордое объявление войны: «Если можешь противиться нам, то я уже здесь и пленю землю твою». Шведам казалось, что Александр, которому было всего лишь 20 лет от роду, не сумеет собрать дружину и защитить Новгород. Однако Александр и в двадцать лет был уже зрелым воином. «Разгоревшись сердцем» (так пишет летописец), Александр, не тратя времени на сборы, с небольшой дружиной двинулся на шведов, чтобы стремительным ударом разбить врага. На пути Александра встретил старейшина Ижорской земли, местный житель, ижорец Пельгусий, который по поручению Александра нес морскую стражу. Пельгусий рассказал Александру о расположении и количестве шведов.

15 июля 1240 г. Александр внезапно напал на шведов и разбил их. Сражаясь в рядах своего войска, Александр нанес удар мечом в лицо самому Биргеру. Шесть простых ратников особенно прославились в этой битве. О подвигах их рассказывает житие Александра. Поражение шведов было окончательным.

Вскоре после этой великой победы на Неве, за которую Александр получил впоследствии прозвание Невского, он рассорился с новгородским боярством и уехал из Новгорода. Воспользовавшись отъездом Александра, немецкие рыцари вторглись в русские земли. Они намеревались захватить Псков, а затем напасть на Новгород. Измена князя Ярослава Владимировича, изгнанного перед этим псковичами, облегчала немцам поход.

Войско рыцарей, в которое были завербованы также жители Дерпта, Оденпе и Феллина, захватило отчаянно сопротивлявшуюся крепость Изборск. Жители Пскова выступили против рыцарей. Под Изборском развернулось большое сражение, но псковичей было слишком мало, и они были разбиты. Немцы подошли к Пскову, но взять штурмом его крепкие стены не смогли. Жители храбро отбивались, и лишь измена открыла немцам путь в город: псковский посадник Твердило Иванкович с боярами-изменниками впустил немецких захватчиков в Псков. Часть псковичей успела бежать в Новгород с женами и детьми.

Захватив Псковскую землю, немцы попытались здесь утвердиться и построили крепость Копорье. Они стали грабить население, отнимали коней у крестьян, угоняли скот. В своих грабительских набегах немцы доходили почти до самого Новгорода.

Жители Новгорода потребовали от бояр возвращения Александра. К нему послали послов. Перед лицом опасности, угрожавшей русской земле, князь, забыв обиды, вернулся в Новгород и стал собирать войско из новгородцев, ладожан, карел, ижорян.

Прежде всего он взял Копорье, срыл до основания его укрепления, освободил окрестное население. К войску Александра присоединились ратники и из других русских областей. С большой ратью из центральных областей Руси пришел брат Александра Невского Андрей. Общая опасность объединяла русских людей, и в этом объединении чувствовалось предвещание будущего государственного объединения Руси. Память об этом единении русских людей в рати Александра Невского долго сохранялась в народе и дожила до той поры, когда вся Русь объединилась под красными княжескими знаменами другого замечательного русского полководца и государственного деятеля — Дмитрия Донского. Дмитрий Донской с гордостью причислял к своим предкам Александра Невского и призывал следовать его примеру.

Войско Александра Невского двинулось к Пскову. В 1242 г. Александр подступил к стенам Пскова и взял их приступом. В числе захваченных им пленных были орденские наместники. Освободив всю Псковскую область от власти ордена, Александр Ярославич вторгся во владения ордена. Огромное рыцарское войско выступило ему навстречу. Рыцари хвалились, по словам составителя жития Александра Невского: «возьмем князя Александра руками». Рыцари просчитались.

Александр приготовился встретить немецких рыцарей у Вороньего камня на Чудском озере. Готовясь к встрече с рыцарским войском, Александр Невский ясно представлял себе силу фронтального удара знаменитой немецкой «свиньи» (построение войска клином), слабость ее флангов и затруднительность перестроения ее рядов во время боя. В соответствии с этим Александр построил свои войска так, чтобы основные силы его рати находились не в центре, а на флангах.

5 апреля 1245 г. на весеннем льду Чудского озера, у Вороньего камня, произошло сражение, в котором храбрость русских воинов, боровшихся за свободу своей родины, привела к разгрому немецких захватчиков.

Немецкий клин, ударивший в центр русского войска, был в свою очередь зажат с флангов и с тыла. Немцы оказались наголову разбитыми. Не было видно льда от покрывшей его крови. Семь верст гнал Александр немецких рыцарей по озеру. Многие из них утонули, многие были убиты и изранены. Для немцев это сражение было настоящим побоищем; недаром народ дал ему название Ледового побоища.

Победа новгородских воинов на льду Чудского озера преградила путь немецким рыцарям в русские пределы, надолго отбросив их от границ Новгорода и всей русской земли.

Личность Александра Невского оставила глубокий след в русской истории. Уже в представлениях современников он был народным героем, богатырем. Его имя было окружено легендами. Сразу же после смерти

Александра, оплакиваемого всем народом, было составлено его житие, в котором в глубоко поэтической форме излагается биография Александра Невского. Славе Александра житие придает всемирное значение: народы «по всем странам» трепещут при его имени, король северной страны завидует Александру, римский папа посылает к нему своих кардиналов, Литва боится его, татарские жены пугают своих детей угрозой «Александр едет», и сам Батый признает его превосходство над всеми остальными русскими князьями. Магистр Ливонского ордена меченосцев Андрей фон Вельвен (в житии — Андреяш), возвратясь на родину, так отзывался о дивном росте Александра: «не видал такого ни в царях царя, ни в князьях князя».

Народная любовь к своему герою отразилась в житии Александра Невского. Он наделяется всеми необычайными качествами: голос его звучал, как труба, храбростью он напоминал римского цесаря Веспасиана, силой — Самсона, красотой — Иосифа Прекрасного, мудростью — Соломона. Так было выражено в его житии то впечатление, которое он оставил по себе в народе. По смерти его народ плакал и говорил: «уже погибаем». При встрече его тела в Боголюбове люди так рыдали, «яко земли потрястися».

Со времени княжения в Новгороде великого князя Александра Невского, сумевшего завоевать себе на Руси непререкаемый авторитет победами над шведами и немцами, меняется отношение новгородцев к княжеской власти. Военные труды становятся на первое место в государстве Новгорода, и за военным специалистом — князем признается право вмешательства в управление страной. Александр Невский круто обращался с новгородским боярством, но новгородцы терпели его властную руку, зная, что без него им не обойтись.

На конце XIII и на XIV в. приходится расцвет новгородской торговли с Западом и с «Низовской землей» — северо-восточными княжествами, а через них — с Золотой ордой. Немалая роль в торговле с Западом принадлежала Ганзе и входившим в ее состав городам Любеку, Риге, Ревелю, Дерпту (Юрьеву) и Висби на острове Готланде. Стремясь сохранить за собой основные пути этой торговли, новгородцы активно обороняют районы по Неве и Луге, которые пытается захватить Швеция. В конце XIII в. Швеция строит Выборг и Кексгольм, сразу же взятый и разрушенный новгородцами; в 1300 г. Швеция строит в устье Охты Ландскрону, также взятую и срытую новгородцами. Юрий Данилович осаждает в 1322 г. Выборг, строит Ореховец (ныне Петрокрепость) в устье Невы и вынуждает Швецию заключить длительный мир (1323 г.), закрепивший Неву за Новгородом и воспретивший Швеции строить крепости у границы.

В 1348 г. король шведский Магнус объявляет крестовый поход на Новгород. В обмен на помощь псковичей Новгород признает самостоятельность Пскова. Однако в решительную минуту под Ореховцем псковичи оставляют новгородцев одних, вынужденные к тому известием о нападении на их собственную землю. Новгородцы одни справляются с Магнусом и заключают мир, надолго утихомиривший Швецию.

Несмотря на то, что Новгород избег непосредственного разгрома Батыем, общая судьба русской земли не замедлила сказаться и на новгородском искусстве.

В первой половине XIII в. наблюдается упадок строительной деятельности не только в тех русских областях, которые подвергались опустошительному разгрому татаро-монгольских орд, но и в Новгороде. Новгородское искусство этой поры нам известно очень мало. Это объясняется в первую очередь экономическим оскудением Новгорода; татаро-монгольское нашествие окончательно отрезало торговые пути на юг, в Византию, и новгородская торговля испытывает значительный кризис. Но все же архитектурное искусство в Новгороде не замирает.

Единственный сохранившийся памятник русского каменного строительства XIII в. — церковь Николы Липного около Новгорода (1292 г.). Затерянная среди непроходимых болот, церковь Николы Липного, выстроенная при сыне Александра Невского — Андрее Александровиче, представляет исключительный интерес и для истории русской архитектуры и — своими фресками — для истории русской живописи.

Церковь представляет собой почти правильный куб. Деление стены на три части «лопатками» (пилястрами) отсутствует. Кровля первоначально шла по трехлопастным аркам, сопровождаемым пояском декоративных арочек. Такими же арочками украшен барабан под шлемовидным куполом.

Одна глава и одна алтарная апсида подчеркивают монолитность здания. Древние фрески, расчистка которых была начата в 1930 г., представляют исключительный интерес. Изображения Бориса и Глеба, многочисленных фигур воинов в верхних поясах росписи, исполненные русскими мастерами, сильно отличаются от форм византийского искусства и дают важный материал для изучения одежды и вооружения новгородских князей XIII в.

Под ударами батыевой рати погибли многие очаги русской письменности, гибли и самые книги. Так, например, при взятии Владимира, в числе других похищенных в Успенском соборе сокровищ, татары, по словам летописи, «и книги одраша». Не удивительно, что после 1238 г. ряд существовавших до того центров книжности сразу же и надолго замирает. Замирает книжное дело в «матери городов русских» — Киеве, в Чернигове, в Суздале и др. Иной была судьба книжности в тех городах, которые или вовсе избегли разорения (Ростов, Псков, Новгород) или быстро сумели оправиться от него (Галич, Владимир Волынский).

Работа книжников не только не пострадала в Новгороде, но даже заметно выиграла. В Новгород приливают книжные богатства, переселяются и книжники, ищущие здесь спасения от тревог татарщины. Многочисленные новгородские рукописи этого периода сохранились до наших дней в составе Типографской и Синодальной библиотек в Москве. Оба эти кни-

тохранилища, возникшие во второй половине XVII в., бережно сохранили вытребованную в 1679 г. из Новгорода и Пскова специальным приказом патриарха Иоакима большую партию «старобытных», как говорилось в приказе, «харатейных» (т. е. пергаменных) книг для сверки с ними печатавшихся тогда в Москве богослужебных изданий.

Из приписок на новгородских книгах уясняются и мотивы для написания и социально-бытовой облик переписчиков. Из них видно прежде всего, что, кроме новгородской архиепископской канцелярии, так называемого «владычного двора», в деле изготовления новгородских книг участвовали также многочисленные новгородские монастыри и приходские церкви. Так, например, древнейшим очагом новгородской письменности был женский Лазарев монастырь в Неревском конце, упоминаемый иногда в новгородских летописях: там возникли многие древнейшие и ценнейшие памятники русского письма — служебные минеи 1095 и 1096 гг. и ряд памятников XII в. (например, известно Милятино евангелие 1188 г. в Публичной библиотеке в Ленинграде); не прекращалась там работа над книгой и в XIII в.

Из наиболее ранних книжников Лазарева монастыря известны по именам: Матвей, Лаврентий, Домка и Городен. Замечательно, что изготовленные ими еще в XI—XIII вв. рукописи — их всего уцелело девять — не только переплетались там же в XIII—XIV вв., но и сохранялись в том же самом монастыре, для которого когда-то были написаны. Большинство из них поступило в 1679 г. на Московский печатный двор с пометой: «Лазарева монастыря». Такая исключительная по длительности, в целых 500 лет, сохранность книги на месте ее возникновения, едва ли вообще возможная в других областях древней Руси, кроме Новгорода, здесь, напротив, не была, надо думать, большой редкостью. На полях и переплетах древних новгородских рукописей сохранилось немало приписок их владельцев. Эти приписки очень характерны и вводят нас в самую гущу древнего новгородского быта.

Любопытна приписка на Синодике (книге, куда вписывались для поминания в молитвах имена умерших), заполнявшемся в Лисицком монастыре начиная с 1397 г. почти 200 лет, о ежегодных пирах-поминках, устраивавшихся вдовой новгородского посадника Афанасия Евстафьевича: «месяца октября в первый день Покрова святые Богородицы обед Марьин Офонаса Остафьевича посадника, обед вечный на память себе и своим родителям, а служители игумену и священникам по моих родителях, обедня собором, а братья на трапезе бочка квасу слащого, Марьи за здравье и ее сыну Микити з женой и з детьми». Связь богослужебной книги с тогдашним бытом здесь очевидна.

Ряд приписок позволяет установить, когда именно новгородская письменность достигла наивысшего своего расцвета: имя новгородского архиепископа Моисея, управлявшего «домом св. Софии» с 1323 по 1330 и вторично с 1352 по 1389 год, встречается в пергаменных новгородских рукописях не раз, при этом так, что не оставляет сомнения в не случайном характере упоминания. «Повелением архиепископа новгородского Моисея» пишут,

например, «Леонид и Иосиф, владычни робята», то есть чиновники архиепископской канцелярии, в 1356 г. Пролог. Годом раньше, опять-таки «повелением боголюбивого архиепископа новгородского Моисея», тот же Леонид, носивший, как оказывается, прозвище Языковича, в содружестве с каким-то Григорием, тоже, должно быть, владычным дьяком, переписал евангелие, пожаловавшись при этом в заключительной приписке на трудность своей работы: «лихое (плохое) перо, невольное (неудобно) им писать рабу многогрешному Леониду Офонасовичю». Как видно отсюда, на владычном дворе в середине XIV в. книги переписывались систематически одними и теми же должностными лицами из года в год. Однако наряду с инициативой архиепископа новгородская книжность знает в ту эпоху и инициативу «уличан» — общественных организаций отдельных районов города: тrefалогий 1442 г. написан был «повелением раб божиих уличан Михайловцов и Видковлян», т. е. жителей Михайловской и Видковой улиц на Торговой стороне, отстроивших незадолго перед тем заново свою приходскую церковь¹.

Особенное значение для всей русской культуры в целом имело то обстоятельство, что в пору, когда были разгромлены все основные старые центры русского летописания — Киев, Чернигов, Владимир, Переяславль Южный и др., — новгородские летописцы не только продолжали свою работу, но и значительно ее расширяли, непрерывно обогащая замечательные летописные богатства Новгорода.

Начало XIII в. приносит существенный перелом в новгородском летописании. К XIII в. значительно расширяется обычная тематика летописных записей. Летописца начинают интересоваться событиями вне стен его родного города. Появляется понятие «Русская земля», до того почти совершенно отсутствовавшее в новгородской летописи. Этот интерес новгородского летописания к общерусским событиям возникает в связи с политикой новгородского князя Мстислава Удалого, вмешавшего Новгород в дела северо-восточных княжеств. Последующая зависимость Новгорода от северо-восточных княжеств окончательно закрепляет внимание летописца к общерусским событиям.

С начала XIII в. новгородская летопись следит за действиями немцев и татар, а затем и шведов. Годовые летописные статьи становятся пространнее, шире описываются в них события городской жизни: столкновения классов, вечевые раздоры, отъезды и приглашения князей. Летопись приобретает ту широту письма и обширную осведомленность, которая позволила Москве позднее — в XV в. — использовать новгородское летописание в составлении своих грандиозных общерусских сводов.

На всем протяжении XIII—XIV вв. новгородскую летопись характеризуют крепкое бытовое просторечие и разговорные обороты языка, придающие ей тот характер демократичности, которого мы не встречаем ни

¹ Раздел о новгородских рукописях написан на основании неопубликованной статьи покойного В. А. Комаровича «Просвещение XIII—XV вв.».

перед тем — в южном (киевском, галицко-волынском и др.), ни после того — в московском летописании. Летописец говорит о врагах, что они разбежались «куда кто видя» (1228 г.); архиепископа новгородского Антония, рассказывает он, выпроводили из пределов города «пыхающе за ворот» (1228 г.), а Ольгерд обвинял новгородцев в том, что один из посадников «лаял» его и называл «псом». Летописец рассказывает, что во время погрома Торжка тверичами они «одираху до последней наготы, рекше до срачицы (сорочки)» добрых жен и девиц, так, что те «от срамоты и истопшася в воде», и т. д. Новгородская летопись сохраняет некоторые местные особенности произношения и областные выражения, еще и до сих пор бытующие на севере («гора» — в значении берег, материк; «повалить» — в значении лечь), и т. д.

Все это вместе взятое придает новгородским летописям тот характер домашности, непосредственности, непритязательности и деловитости, который вообще выделяет новгородскую литературу из литературы других областей. Характерной особенностью новгородской летописи XIII—XV вв. является то, что летописец записывает события нисколько не медля по их свершении, под свежим впечатлением. Новгородская летопись иной раз близка по характеру к дневнику. Описывая голод 1230 г., летописец восклицает: «на улице скорбь друга с другом, дома тоска, зряще (видя) детей плачуще хлеба, и другая умирающа». Во многих случаях новгородский летописец с такой непосредственностью передает события и сопровождает их такими бытовыми деталями, что мы без труда узнаем в нем если не их участника, то во всяком случае очевидца. Описав, например, разрушение Волховского моста льдом, внесенным в Волхов из Ильменя южным ветром, летописец так определяет время этого происшествия: «только успел посадник перейти со всем вецем (вечем) на Торговую сторону»; или, описав землетрясение, прибавляет: «тресеся земля... в обед, а инии уже бяху отъобедали».

Новгородский летописец много не договаривает, пишет как бы для памяти того, кто был сам участником или свидетелем событий. Большинство записей начинается с определения происшедшего: «бысть мятежь», или «бысть пожар», или «ходили люди молодые на Волгу» и т. д. Например: «В лето 6795. Бысть мятежь велик в Новгороде на Смена Михайловича: въста (восстал) всь (весь) Новъгород, без исправы, поидоша на него изо всех концов, яко сильная рать, всякий в оружии, силою великою; жалостно видение! и тако поидоша на двор его, взяша всь до его с шумом (с шумом). Симеон прибежал к владыце и владыка провади (отправил) в святую Софею; и такоко ублюде (сохранил) бог, и заутра (и на завтра) снюдошася в любовь (т. е. помирились)». В этой характерной для новгородской летописи записи не разъяснено — кто был Симеон Михайлович, почему на него «без исправы» отправился весь Новгород и что было причиной быстрого примирения с ним новгородцев. Летописец не пишет об этом, как о вещах, само собой разумеющихся и, может быть, недостойных упоминания.

В XIII в. летописец нередко выступает еще на стороне черного люда и осуждает бояр. Под 1255 г. летописец рассказывает, как «вятские люди (бояре) составили с(о)вет зол како побе(ди)ти меншии (меньших людей), а князя вывести (пригласить) на своей воли». «Меншии люди» клялись стать всем «любо живот, любо смерть (либо на жизнь, либо на смерть), за правду новгородскую, за свою отчизну». В 1259 г., когда «окаянные татары сыроядцы» приехали переписывать новгородцев, летописец с сочувствием описывает волнение меньших людей, не хотевших платить татарам выкупа и собиравшихся честно умереть за св. Софию. «Творяху бо бояре себе легко, а меншим зло», — пишет летописец. И в том и в другом из приведенных случаев сочувствие летописца всецело на стороне меньших людей.

Однако чем дальше, тем яснее определяется скептическое и отрицательное отношение летописца к вечу, к народным волнениям и к тем известиям, которые доходят до его слуха. Рассказывая, как били на вече и затем свергли с моста в Волхов Иганта Беска, летописец прибавляет: «творяхуть бо его перевет державша (т. е. обвиняли его в измене) к Михаилу (князю-изменнику); а бог то вестъ». Иногда свое скептическое и недоверчивое отношение к происходящему летописец выражает пословицей: «еже бо сееть человек, то же и пожнетъ», или «кто под другом копает яму, сам впадется в ню». Простодушно молит летописец бога, чтобы он покарал грабителей «оканьны человеци, бога не боящися, ни суда божия помняще: въздажь им, господи, по делом их».

Летописец осуждает одних, молится за других, прося им у бога отпущения грехов «в сий век и в будущем», сомневается по поводу верности слышанных им сведений и т. д. Эти сомнения, проклятия и молитвы летописца передают читателю тревожную атмосферу новгородской жизни, еще не остывшие следы которой ощущаются в летописи.

Летописец постоянно подчеркивает бессмысленность, ничтожность городских междоусобий. Новгородские междоусобия в толковании летописца всегда начинаются внезапно («воссташа весь город», «смятошася людие») либо вовсе без поводов, либо от какой-нибудь случайной драки «некоего человека» с боярином. Такое отношение к городским волнениям было, очевидно, обычным в Новгороде. Об этом можно судить хотя бы по тому, что и позднейшие былины новгородского цикла (о Василии Буслаеве, Садко и др.) устойчиво хранят в себе те же приемы в их изображении:

От того ли от бою кулачного
Начиналася драка великая.

Новгородский летописец находит вкус в описании военных столкновений с внешним врагом, иногда в описании быта и нравов своего города и всегда точен и не по-церковному энергичен, когда предоставляет слово непосредственным участникам событий. В этой краткости и энергичности речей новгородцев как бы отразился язык вечевых собраний. Несомненно, что вече выработало какие-то свои формы обращения к массе, умение сжато и энергично выразить политическую программу в легко доступной и легко

запоминающейся формуле. Едва ли не именно этот отголосок веча составляет наиболее любопытную сторону новгородской летописи. Такова, например, знаменитая речь посадника Твердислава на новгородском вече, неоднократно приводившаяся историками для характеристики лаконизма новгородской летописи: «тому есм рад, оже вины моеи нету; а вы, братье, в посадничестве и в князех» (1218 г.) (т. е. «я рад тому, что вы не находите меня виновным; вы, братья, вольны в выборе посадников и князей»).

Не только лаконизм, но и образность, почти пословичность отличают речь новгородской летописи. Сильна и выразительна угроза Юрия новгородским послам, которой он подкрепил свое требование выдать ряд своих недругов: «не выдадети ли, а я поил есмь коне Тъхверью (рекою Тверью), а еще Волховомъ напою» и ответ новгородцев: «княже! клянємьтися; а братьи своей не выдаваем, а крѣви не проливай; паки ли твой мець, а наше головы?» (1225 г.) (т. е. «князь, кланяемся тебе, но братии своей не выдаем; крови же не проливай; если же не согласишься, то твой меч властен над нашими головами»); или речь того же Юрия на вече: «не хочю у вас княжити, иду Църнигову (т. е. к Чернигову); гость (т. е. купцов) к мне пускайте; а яко земля ваша, тако земля моя». Такова же энергичная речь Мстислава Удалого, сказанная им на вече против Ярослава, пытавшегося перенести центр новгородской торговли в Новый Торг (Торжок): «да не будетъ Новый Търг Новгородом ни Новгород Тържьком; но кѣде святая София — ту (тут) Новгород», или другая его речь на Ярославовом Дворище перед походом на Суздаль... «любо изищу мужи новгородьстии и волости, паки ли а головою повалю за Новъгород» (1215 г.) (т. е. «либо отобью мужей новгородских и владения Новгорода, либо голову свою сложу за Новгород»). Характерный признак этих речей составляет антитеза: «Мы себе, а ты себе», «да не будетъ Новый Търг Новгородом, ни Новгород Тържькомъ», «твой мець, а наше головы», «яко земля ваша, тако земля моя» и т. д.¹

Дух новгородского веча, легко воспринимаемая поговорочная форма, в задачу которой входило привлечь сторонников и объединить их крылатой формулой, — все это составляет характерную черту прямой речи в новгородской летописи. Невольно и в этом отношении напрашивается сравнение летописи с новгородскими былинами, прямой речи летописи с лаконичным и энергичным приглашением новгородского ушкуйника Васьки Буслая вступить в его дружину:

Кто хочет пить и есть из готового:
Вались к Ваське на широкий двор.

Летописец, как мы уже видели, с осуждением повествует о вечевых драках и потому сдержан в приведении деталей, которые оживили бы его

¹ Эта же форма антитезы выражена, кстати, и в новгородских договорных грамотах, например: «что новгородцев, то новгородцем, а что пошло князю, а то княже», или: «а кто речеть суд, а тому суд» и т. д.

рассказ. Он подчеркивает случайность раздоров и неохотно вдается в подробности, но за этим привычным лаконизмом новгородской летописи мы узнаем те же детали столкновений, которые нам известны и по былинам новгородского цикла: драки на Волховском мосту, где выходила одна сторона против другой, грабеж, в котором принимали участие лихие люди, «ниже бога не обаятся», не разбиравшие ни своих, ни чужих, участие в драках женщин, примирительная роль владыки, выходившего на Волховский мост прекращать усобицу. Как видно по летописи, причины драк на «мостике на Волховском» гораздо серьезнее, чем это изображено в народной поэзии. Не спор о заклад, а глубокие социальные противоречия лежали в их основе, хотя летописец и склонен преуменьшать внутренний смысл событий. Есть различие и в отношении к этим столкновениям: былины любуются удалством и кровопролитными шуточками новгородских молодцов, — летопись же с осуждением относится к «пьянчивым и драчливым» людям, рассматривая усобицы как козни дьявола.

Еще одно явление новгородской жизни оказалось отмеченным в летописи и сохранилось в былинах новгородского цикла: это — «ушкуйничество». К сожалению, летопись чрезвычайно кратка в упоминаниях об этом явлении, например: «Ходили молодые люди и положила всю Волгу пусту».

Под 1320 г. новгородская 4-я летопись занесла известие о неудачном походе ушкуев Игната Малыгина на самую Норвегию. В 1349 г. новгородцы снова ходили на берега Норвегии. В 1366 г. грабежи ушкуйников на Волге вызвали жалобу великого князя московского. По-видимому, жалоба пристыдила новгородцев, потому что летопись, как бы оправдываясь, записывает, что «люди молодые» ходили на Волгу «без новгородского слова» (т. е. без новгородского разрешения).

Краткостью и немногословностью отличается новгородская летопись и в описаниях столкновений с немцами и шведами. Летописец верен себе, когда передает совершившееся лишь в нескольких словах, деловито избегая подробностей и литературных распространений. Но немногословие летописца многозначительно. Рассказывая о взятии Юрьева новгородцами в 1262 г., летописец отмечает: «И бяше град тверд Юрьев, в 3 стены; множество людей в немь всяких». Однако «ни во что же твердость та бысть, но помощью божиею однимъ приступлениемъ (одним приступом) взят бысть». Летописец не останавливает своего внимания ни на приступе, ни на деталях похода, объясняя все дело только тем, что «сила святой Софии всегда низлагает неправду имеющих».

Под 1300 г. летописец рассказывает, как пришли из-за моря в Неву шведы с наместником короля, как привели с собой мастеров из своей земли и от папы римского и построили в устье Опты над Невою крепость, утвердив ее «твердостью несказанною», поставили метательные орудия, «похвалившись оканьии, нарекоша его Венець земли» (Ландскрона) и т. д. Сведения эти вполне точны: маршал Торкель Унутсон, правивший Швецией вместо малолетнего короля Биргера, сам присутствовал при построе-

нии Ландскроны. Дальнейший рассказ новгородской летописи необычайно краток: новгородцы с великим князем Андреем, сыном Александра Невского, «потягнуша крепко» и в результате «твердость та ни во чтоже бысть». Новгородцы взяли город, запалили и разнесли до основания. Единственное замечание от себя, которое позволяет себе летописец: «А покой, господи, в царствии своемъ душа тех, иже у города того головы своя положиша за святую Софию».

Последующие записи летописей не менее лаконичны: «Того же лета (1368) приходиша немци ратью великою, сам бискуп (епископ) и мастер и кумендере (командор) под Изборск; и новгородци поидоша на них, и доидоша до Пьскова; и немце от Изборьска побегоша, а пороки (стенобитные орудия) посекши».

Одновременные новгородской летописи хроники Ливонии показывают, насколько ожесточенной была борьба русских с натиском немцев; победы давались новгородцам не легкою ценою.

Однако, пропуская подробности одержанных новгородцами побед, летописец подчеркивает, что иного исхода борьбы и быть не могло. Скрытая мысль летописца довольно ясна: новгородцы побеждают немцев, несмотря на все их хитрости, потому что правда на стороне новгородцев, а немцы нарушают договоры, лживы, высокоумны и горды. В данном случае скрытая мораль летописных повествований о борьбе с немцами не эпизодична и не случайна: она близка к народной морали позднейших былин новгородского цикла, проникнутых мыслью о правоте скромного, о наказании хвастливого и гордого.

Именно поэтому в былине прощается Садко все его бахвальство, когда он выбрал у подонного царя в невесты самую последнюю из трехсот показанных ему девиц — девушку Чернавку. Только тогда оказывается он на берегу реки Чернавки у Новгорода. В былинах о Василии все беды обрушиваются на него оттого, что он на пиру порасхвастался или, пренебрегая предостережением, чересчур понадеялся на свои силы. Самую дружину Василия Буслаева составляют типичные в этом отношении лица: Фомушка Горбатенький, Васинька Маленький и Потанюшко Хроменький.

Идет на пир Потанюшка маленький,
Маленький Потанюшка, храбренький,
На ножку припадает, с подлобья выглядывает.

Эта-то дружина Василия, шуточки пошучивавшая на Волховском мосту, составляла, очевидно, и те рати, которые ходили на немцев и шведов. И в летописях и в позднейших былинах состав дружины определял и характер повествования об ее подвигах.

Из Волхова воды не выпити,
Во Новгороде людей не выбити!
Стсим мы, молодцы, не хвастаем...

Так оно исторически и было.

Совпадения в тематике и в освещении событий между новгородской летописью и народным творчеством последующих веков знаменательны. Они показывают, что новгородская летопись являлась выразительницей настроений довольно широких слоев населения Новгорода.

Основные черты новгородской литературы XII—XIV вв. могут быть определены с достаточной ясностью. Демократизм языка, немногословие, трезвость, деловитость и простота изложения, интерес к быту родного города и вместе с тем к произведениям искусства объединяют разрозненные, случайно сохранившиеся литературные произведения Новгорода XIII—XIV вв. Новгородский писатель не фантазирует и редко следует литературным трафаретам своего времени, предпочитая писать о том, чему сам был свидетелем или чему свидетелями были его «дети-новгородцы».

К XIII—XIV вв. относится наибольшее количество находок в Новгороде так называемых берестяных грамот. Открытие берестяных грамот в раскопках 1951 г., руководимых А. В. Арциховским, было одним из значительнейших событий в советской науке. Это записки простых новгородских людей, процарапанные заостренными металлическими инструментами для письма на кусочках бересты: то это счет, то запись долговых обязательств, то частное письмо, то упражнение ученика, то завещание, иногда шутка, иногда приказание, иногда любовное послание. Пишут мужья к женам, крестьяне к боярину, ремесленники, торговцы, дети, жены и т. д. Некая Амвросия пишет к Степану (XIII в.), что из-за полой воды она не может с ним увидеться и видит его только в мысли. «Вся тако буду к тоби. А ты видиши ли?» — спрашивает она Степана и просит его взять ее подарок, обещая прислать еще больший. В другом случае (XIV в.) некий Борис пишет своей жене Настасье: «От Бориса ко Настасии. Како приде ся грамота, тако пришли ми цоловек (человека) на жерепце, зане ми здесь дел много. Да пришли сороцицю (сорочку), сороцице забыле». В другом случае Настасья пишет об этом самом Борисе своей братьи, сообщает им, что Борис умер и просит их попечалиться о ней и о ее детях: «Поклон от Настасьи к господину, к моей к братьи. У мене Бориса в животе нет. Как се, господо, мною попецалуете и молими детми». Не менее трогательно письмо, в котором крестьяне бьют челом своему господину Юрию Онцифоровичу, жалуясь на его ключника, который их притеснял: «Биют целом (бьют челом) крестьяне господину Юрию Онцифоровичю о ключнике, зандо господине, не можем ницим ему удобриться. Того, господине, с села... господине, буянить. А себе, господине...»

Перед нами непрерываемое свидетельство широкого распространения грамотности в народе, памятники народной жизни, народного языка, народных знаний, правовых представлений своего времени и т. д.

Уже не может вызывать сомнений то место в былинах о Василии Буслаевиче, где последний собирает себе дружину, рассылая по Новгороду «ярлыки скорописчатые». «Скорописчатые» грамоты, во множестве найденные в Новгороде, говорят о том, что простые люди Новгорода пользовались своею грамотностью в обиходе повседневной жизни.

ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В НОВГОРОДЕ

На смену Сергию в Новгород был прислан архиепископ Чудовский архимандрит Геннадий. Будучи ставленником Москвы, Геннадий не относился к Новгороду как москвич, но и в отношениях с Москвой не был новгородцем. Он не оскорблял местного патриотизма, отдавал должное новгородским обычаям и традициям, если они не противоречили московской политике, и вместе с тем исподволь вводил общерусские порядки. Однако и этим методам Геннадий встретил сопротивление, которого не предвидел и значение которого было на первых порах далеко не ясно для самой Москвы.

* * *

В конце XV в. большинство русского населения ожидало «конца мира» в 7000 (1492) году. Ожидание это вызывалось особенно значимостью для средневекового мировоззрения числа семь: по толкованиям богословов семь дней творения богом мира соответствовали семи тысячелетиям его существования, и в 7000 г. должно было наступить светопреставление. Слухи о наступающем конце мира были широко распространены в Новгороде, где они поддерживались еще грозными для новгородцев событиями последних лет. Одна из новгородских пасхалий, доведенная только до 7000 г. от «сотворения мира», заканчивалась следующими словами: «зде страх, зде скорбь... в сие лето чаем и всемирное твое пришествие». Сам архиепископ Геннадий был поражен этими настроениями и во время крестных ходов по Новгороду пел акафисты о страшном суде. В послании к Иоасафу Ростовскому Геннадий с чувством спасения писал: «прейдут три лета, кончается седмая тысяща».

Все эти ожидания сеяли панику, но вместе с тем пробуждали и скептицизм. В то время как некоторые новгородцы покорно ждали конца мира, другие занимались светскими науками, свободно обсуждали вопросы религии и государственного устройства.

Разразившиеся в конце XV в. события показали, что это движение вольнодумцев, ставшее особенно опасным после того, как ожидания кончины мира не исполнились, могло потрясти Русское государство в большей мере,

чем военные столкновения с Новгородом. Вооруженное сопротивление московскому войску, сменившееся идеологическим сопротивлением московским церковным обычаям, превратилось затем в сопротивление церковности вообще, вылилось в антицерковное движение «жидовствующих».

Насколько можно судить по дошедшим памятникам литературы «жидовствующих», движение это не было ересью в собственном смысле этого слова. Это была не столько «богословская ересь», сколько идейное антиклерикальное течение гуманистического характера.

Новгород всегда был на Руси центром всякого нарушения церковных порядков и неоднократно вызывал пространные увещевания митрополитов. В XIV в. здесь прочно свила себе гнездо пришедшая из Пскова ересь стригольников. Здесь постоянны были колебания между московским митрополитом и литовским митрополитом-униатом.

О возникновении движения «жидовствующих» полнее всего рассказывается в «Просветителе» Иосифа Волоцкого. Иосиф Волоцкий выразил, однако, тенденциозный официальный взгляд и всячески стремился опорочить движение. Иосиф возводит возникновение ереси к 1470—1471 гг., когда в Новгород приезжал литовский князь Михаил Олелькович. Приглашение Михаила Олельковича было, как известно, с московской точки зрения самым крупным из преступлений новгородцев. С этим литовским князем, утверждает Иосиф, приехал в Новгород и еврей Схария, от которого якобы и пошла ересь. Схария совратил в еретичество попа Дионисия, Дионисий привел к нему попа Алексея. И Дионисий и Алексей хотели якобы совершить обрезание, но Схария запретил им это, велел соблюдать ересь в тайне. На помощь Схарии явились вскоре и иные евреи: Иосиф Шмойло Скарявей и Моисей Хануш.

Сведения Иосифа подозрительно противоречивы. Схария, склонив Алексея и Дионисия в иудейскую религию, запрещает им совершить обрезание! Странно и то, что «еретики» не отказывались от священства, продолжая служить в храмах. Вряд ли можем мы предположить вместе с Иосифом, что это делалось ими из одного лишь коварства. Иосиф явно стремится всячески опорочить движение и использует традиционные приемы, связывая измену вере с изменой родине, и с легкостью, обычной в московской практике и последующих веков, причисляет «жидовствующих» к «еретикам».

Таким образом, самое появление движения окутано тайной.

Не менее противоречивы сведения и о сущности «жидовства». Геннадий видел в нем ереси «маркианскую» и «мессалианскую», Иосиф находил в нем «ереси многи» и т. д. Не согласуются известия об ереси и в другом. Так, например, в «Просветителе» Иосиф указывает, что сам митрополит Зосима отрицал загробное существование: «А что то царство небесное, а что то второе пришествие, а что то воскресение мертвых, — ничего того несть, умерло кто — он по та места и был», а в другом месте говорится о том, что «жидовствующие» не признавали служб по умершим, так как праведники спасутся и без того, то есть все же признавали загробное существование. По некоторым известиям, «жидовствующие» отрицали поклонение иконам, кро-

ме иконы Христа, по другим же известиям — отрицали в Христе божественное начало и, следовательно, вряд ли могли выделять почитание его иконы. Наконец Иосиф Волоцкий обличал еретиков в отрицании догмата о троичности бога и, вместе с тем, счел почему-то необходимым в своем «Просветителе», направленном против «жидовствующих», доказывать неверность католического учения об этой троичности.

Вместе с тем косвенно мы находим все же и в посланиях Геннадия и в том же «Просветителе» Иосифа многое, отражающее действительное направление умственного течения «жидовствующих». Так, например, мы узнаем, что «жидовствующие» усиленно занимались астрологией, логикой, нападали на Ефрема Сирина за картину второго пришествия и т. д. По-видимому, движение «жидовствующих» было движением свободомыслящих, связанным своим происхождением с отголосками гуманистического течения на Западе, возможно — через литовских евреев. Отдельные представители этого движения по-разному углублялись в это свободомыслие и тем давали повод к противоречиям в характеристике «жидовства».

С движением «жидовствующих» связывается целый ряд западнорусских рукописей XV и XVI вв., гуманистический характер которых выражен более или менее ярко либо в самом изложении, либо в выборе темы, характерной для эпохи Рейхлина и Эразма.

Обнаружить эти рукописи удалось в конце XIX и начале XX в. по тем указаниям, которые дали на литературу «жидовствующих» противники движения Геннадий и Иосиф Волоцкий. Последние упоминают «Шестокрыл», «Логикку», особую Псалтырь, сочинения астрологического и чернокнижного характера и др.

«Шестокрыл» представляет собою рукопись астрологического содержания, автором которой был еврей Иммануэль-бар-Якоб, живший в XIV в. в Италии. Она явилась плодом того увлечения астрономией и астрологией, которое было характерно для Италии XIV в. Перевод «Шестокрыла» отражает общий гуманистический интерес «жидовствующих» к астрономии и имел существенное значение в опровержении мнения о грядущей кончине мира в 7000 (1492) году. В «Шестокрыле» имелся ряд указаний о том, как вычислять новолуния, затмения солнца (так пугавшие новгородцев) и т. д. Язык перевода — белорусский, с немногими еврейскими терминами (например, в названиях знаков зодиака).

По-видимому, мы должны представить себе движение «жидовствующих» как умственное направление, лишенное стройности и единой концепции. Это было движение гуманистического характера, захватившее по преимуществу лишь образованные круги Новгорода и Москвы. Движение не затронуло низов населения, оставаясь, в сущности, так же, как и течение гуманистов на Западе, чисто «интеллигентским», доступным для немногих. Социальное значение движения невелико и противоречиво: в Новгороде «жидовствующие» противодействовали Геннадию, то есть московской церкви, и были, очевидно, связаны с литовской партией, а в Москве литература «жидовствующих» служила делу боярской партии. Вместе с тем движение «жидовствующих»

имело серьезное прогрессивное значение, будя мысль, вводя в круг образованности новые книги, создав в конце XV — начале XVI в. большое умственное возбуждение.

Закончилась «ересь» трагически. Иван III, пользовавшийся вначале «жидовствующими», так же как впоследствии заволжскими старцами, для устрашения и некоторого нажима на церковь, достигшую в XIV—XV вв. чрезвычайной влиятельности, в конце концов переменил свою политику. На соборе 1490 г. «жидовствующие» были преданы проклятию. В 1504 г. собор снова осудил «жидовствующих», и некоторые из них, по примеру испанских инквизиционных расправ с еретиками XV в., были казнены.

Ближайшим последствием «ереси» для Новгорода было возобновление литературной деятельности владычного двора. Геннадий не только сам был опытным литератором и полемистом, но и умел концентрировать вокруг себя книжников. По заказу Геннадия в 1489 г. грек Дмитрий Трахониот составляет справки «О летах седьмой тысячи» в опровержение мнений о конце мира в 7000 (1492) году. В 1490 г. в Новгороде были записаны «Речи посла цесарева» (Георга фон Турна), рассказывавшего об испанской инквизиции и о способах борьбы с еретиками. Специальные богословские заказы делаются проживавшему в Новгороде доминиканцу Вениамину. Приезжает в Новгород и знаменитый любекский типограф Варфоломей Готан. Ряд поручений¹ выполняет для Геннадия один из самых образованных русских людей XV в. — Дмитрий Герасимов. Заказы даются в Рим Дмитрию и Мануилу Ралеви. От эпохи Геннадия дошло пособие для изучения латинского языка (латинский текст Псалтыри с междустрочными пропусками для заполнения переводом). Геннадий проектировал особые школы и т. д.

Наконец, самым большим из литературных предприятий Геннадия следует признать составление грандиозного, первого на славянских языках свода библейских книг — так называемой Геннадиевской Библии 1499 г.

Геннадий собрал тексты библейских книг по русским библиотекам, из которых важнейшей была чрезвычайно богатая библиотека Софии в Новгороде. Кроме того, Геннадий пополнил свой текст переводами из латинской Библии Иеронима (IV в.). Геннадиевский текст лег в основу первой на славянском языке печатной Библии XVI в., так называемой «Острожской». По выражению исследователя Геннадиевской Библии Евсева: «Геннадиевский свод славянской Библии 1499 года был средоточием и высшим завершением всей библейской деятельности на славянской почве у южных славян и у русских»².

¹ Переводы сочинений Николая де Лиры.

² «Труды XV Археологического съезда в Новгороде 1911 г.», т. II, 1916, стр. 16.

ЭПОХА РАСЦВЕТА НОВГОРОДСКОГО ИСКУССТВА

(Предренессанс в Новгороде)

В конце XIV в. намечаются важные изменения в расстановке классовых сил в Новгороде. На политическую арену выдвигаются средние слои новгородского общества — «житьи люди», совместно с купцами и черными людьми выступающие против боярства, тяготеющие к Москве и к твердой княжеской власти. Все сильнее становятся классовые противоречия, все чаще — городские восстания, все уже круг боярских семей, стоящих во главе управления, и все шире система подкупа «худых мужиков вечников».

Близким и неизбежным становилось падение новгородской независимости, неизбежным — и потому, что Новгород сам по себе вырастал из тесных рамок прежней изолированности, и потому, что на востоке, в непосредственном соседстве с основными новгородскими колониями, создавался прочный центр национального объединения — Москва.

Первым важнейшим общерусским событием, предопределившим собою падение новгородской независимости и присоединение Новгорода к Москве, была битва на Куликовом поле, в которой соединенные русские войска, руководимые московским великим князем Дмитрием Ивановичем, наголову разбили полчища Мамаю. Победа на Куликовом поле показала, что Москва — настоящее средоточие и сердце Русской земли. Становилось ясным, что только вокруг Москвы может совершиться объединение русского народа.

Середина XIV в. отмечена для Новгорода общими для всей тогдашней Европы явлениями предренессанса. Культурное возрождение, начавшееся в XIV в. и в Византии, и в Италии, и на Кавказе, захватило своими могучими токами Псков, Москву, Тверь и в особенности Новгород. На всем пространстве этой колоссальной территории мы встречаемся с однородными явлениями, вызванными к жизни развитием демократической жизни в городах. Однако из всех русских городов предренессансное движение встречало наиболее благоприятную почву именно в Новгороде. Обширная мировая торговля Новгорода вызывала усиленный приток средств.

Кроме того, с первой половины XIV в. начались деятельные сношения Новгорода с Византией, имевшей исключительное значение в общем европейском движении предренессанса. В XIV в. между Византией, подвластными ее культурному влиянию южнославянскими странами и Русью устанавливается интенсивное общение. На Русь приезжают болгарские, сербские книжники (Григорий Цамблак, Киприан, Пахомий Серб), а сами русские, и в особенности новгородцы, образуют целые колонии на Афоне и в Константинополе, занятые перепиской рукописей. Русские оказывают влияние на культуру южнославянских стран.

Насколько основательным было влияние русских книжников, живших на Афоне и в Константинополе, можно заключить хотя бы из того, что серб Константин Костенческий в своем сочинении о правописании называет русский язык «красивейшим и тончайшим» и сообразует с ним свои правила орфографии. Русский язык оказывает существенное влияние на болгарский литературный язык XIV в.

Предвозрождение резко изменило культурное лицо средневековья, принесло огромное тематическое обогащение искусству.

В XIV в. возникло первоначальное оправдание античности. Богословы XIV в. терпимее относились к античности, считая, что в античности были предсказаны все идеи христианства. Введенные, таким образом, в систему христианского богословия античные авторы (Платон, Вергилий, Апулей и др.) становились дозволенными и желанными. Греки прилежно изучают Гомера, Пиндара, Платона, Демосфена, пишут к ним схолии (ученые примечания), исправляют тексты, переводят с латинского и т. д. Образованные греки разносят знакомство с античностью в Италию. Известно, что учителем Петрарки в греческом языке был знаменитый византийский монах Варлаам, создатель движения варлаамитов.

Отныне искусство становится более эмоциональным и психологическим. Само христианство, рассудочное, схоластическое в предшествующие века, стремившееся к созданию энциклопедического знания¹ и грандиозных богословских построений, находит новую опору в узко личных психологических и мистических переживаниях индивида, становится более сентиментальным и эмоциональным.

Эти новые настроения на Западе поддерживают вновь образованные нищенствующие монашеские ордена доминиканцев и францисканцев, внесших в религию психологическую сентиментальную струю и усиленно культивировавших уединенное молитвенное самогубление. В Византии предвозрожденческие идеи с особенной силой сказались в движении психастов.

Глава движения психастов Григорий Палама трактует в своих сочинениях о душевных силах, о человеческих чувствах, внимательно анализирует внутреннюю жизнь человека.

¹ Ср. знаменитые энциклопедии XIII в. Винченца де Бовэ, Фомы Кантипратана, Варфоломея Английского и др.

Психологическая теория Паламы представляла собой ярко прогрессивное явление для XIV в. Он обращает внимание на роль внешних чувств в формировании личности. Палама учит, что чувственные образы происходят от тела. Эти чувственные образы являются отображением внешних предметов, их зеркальными отражениями. Содержание трактата Паламы «Олицетворение» составляет суд между душой и телом. Побеждает тело.

Выдвижение в эпоху предвозрождения на первое место чувств, чувственного опыта, внутренней жизни человека и первые проблески индивидуализма имели очень большое значение для всего европейского искусства и, в частности, для поразительного по силе изобразительного искусства Новгорода XIV в.

Те же веяния, которые ощущаются в Западной Европе в искусстве Чимабуэ, Джотто, Дуччио, а в Византии — в фресках Кахрие Джамии и Мистры, — пронизывают собою и новгородские фрески XIV в., фрески Михайло-Сковородского монастыря (1355 г.), Волотова (1363 г.), Федора Стратилата (около 1370 г.), Спаса Преображения (1378 г.), Ковалева (1380 г.), церкви Рождества на Кладбище (1382 г.) и др.

Поразительно, то многие черты общеевропейского предвозрождения сказались в новгородской живописи с большею силою, чем где бы то ни было. Вместе с тем нигде в Европе живопись XIV в. не была представлена (до второй империалистической войны) в таком обилии памятников и в такой превосходной сохранности.

Живопись этой поры обогатилась новыми темами, ее сюжеты значительно усложнились, в них много повествовательности, события трактуются психологически, художники стремятся изобразить переживания действующих лиц, подчеркивают страдания, скорбь, тоску, страх или радость и экстатическое волнение.

Священные сюжеты трактуются менее торжественно, интимнее, обыденнее. В трактовке человеческого образа сказалось живое наблюдение. Вместо изображения изолированных и неподвижных человеческих фигур с прямо устремленным на зрителя взором, которые были так характерны для стенописи XI—XII вв. (например, для фресок Нередицы), живопись XIV в. изображает человека в сложных композициях, в сильном движении. Человеческие фигуры обращены не к зрителю, а как бы вовлечены во внутреннюю, не зависящую от зрителя жизнь композиции. Художники заставляют человеческие тела изгибаться, обращают их друг к другу, разворачивают складки их одежды, как бы колеблемые сильным ветром. Широкие и плавные жесты, легко стремящиеся друг к другу несколько удлиненные фигуры, одежды в многочисленных и беспокойных складках характерны для новгородских фресок этой поры, сделавших значительные шаги к реализму. Значительно усилилась роль пейзажа, охваченного тем же бурным, все пронизывающим движением. В орнамент этого времени проникают натуралистические детали, элементы наблюдения природы. Особенно часты в нем растительные мотивы: расцветающие почки, сильно изогнутые листья каких-то фантастических трав.

В трех километрах от Новгорода, на берегу одного из рукавов Волхова — Волховца (или Жилотуга), находилась прославленная своими фресками церковь Успения на Волотовом поле. До разрушения ее фашистами она представляла собою одну из самых больших ценностей русского искусства. Волотовская церковь была построена в 1352 г. архиепископом Моисеем. Четыре столба поддерживали единственный купол. Единственная алтарная апсида не достигала верха здания. Покрыта церковь была посводно: каждый из фасадов завершался изящной трехлопастной аркой, по которой и шла кровля. Сравнительно с грандиозными, торжественными и сложными по своей конструкции архитектурными сооружениями XI—XII вв. Волотовская церковь была значительно проще, обыденнее, интимнее. Главная достопримечательность церкви заключалась в ее прекрасно сохранившихся фресках, основная часть которых относилась к 1363 г.

Фрески Волотовской церкви были выдержаны в одной гамме, сочетающей глубокие серовато-синие тона с розовыми и зеленоватыми. Общая композиция фресок была схвачена единым движением, которое наполняло собою всю церковь. Человеческие фигуры, изображения скачущих всадников, молниевидные изломы скал казались разметанными ветром по стенам. Большинство сложных изображений имело диагональную композицию, подчеркивавшую движение и прямо противоположную застылости строгих вертикальных композиций XI—XII вв. Изображения исполнены мягко, эскизно, их контуры несколько растушеваны, художник стремился передать ощущение пространства, и фигуры производили впечатление реюющих перед стеной призраков.

В композиции «Рождества» поразительно сильно выражено движение волхвов, мчащихся в развевающихся одеждах на белых конях на фоне динамического, напряженного горного пейзажа. Все движение этой композиции подчинено властному, обращенному вперед жесту руки женской фигуры, символизировавшей собою рождественскую звезду, показавшую волхвам путь в Вифлеем.

В композиции «Вознесения» апостолы в бурном движении как бы стремятся взлететь вслед за возносящимся Христом. Тем же порывом охвачены извивы пейзажа и складки раздуваемых ветром одежд апостолов.

Исключительной порывистостью отличается поза отпрянувшего от Марии Магдалины Христа в фреске «Воскресение».

В композиции «Воскрешение Лазаря» Мария распростерта на земле и всем телом тянется к ногам Христа; Марфа быстро устремляется от земли к Христу, требуя чуда. Повелительный жест Христа, воскрешающего Лазаря, исполнен силы. Вся композиция проникнута исключительным драматизмом.

Меняется и самый облик богоматери: из величественной «царицы небесной» она становится девочкой с еще детским лицом, остро выражающим человеческую скорбь о Христе (в композиции «Вознесения»).

По своему содержанию и по трактовке «священных» сюжетов росписи Волотова значительно отступали от церковной традиции. Отдельные детали композиций и целые сюжеты были в них заимствованы из народных ле-

генд, проникнутых ненавистью к богатым и к господствующим классам. Одна из композиций изображает Христа в образе нищего с сумой и посохом, в рубище, босого, пришедшего в богатый монастырь к игумену во время пиршества и безжалостно прогнанного им. Жизненны и естественны полные движения позы пирующих, их одежды современны, возможно, даже следуют правилам тогдашней моды.

М. В. Алпатов указывает на связь волотовских росписей с предвозрожденческими идеями XIII—XIV вв. Он пишет: «Прежде чем средневековый человек решился объявить человеческую природу достойной прославления, а реальный мир главным предметом искусства, он долгое время искал на «грешной земле» хотя бы отблеск высшего блага. В XIII—XIV вв. в искусстве Запада многократно разрабатывалась тема земного странствия Христа. В XIII в. среди скульптур Реймоского собора нашло себе место изображение Христа в войлочной шляпе с посохом в руке. В 1358 г. Гильом де Гельвиль пишет поэму о странствии Христа; в иллюстрациях к ней представлено, как бог-отец передает суму и посох голому юноше — Христу. В XIII—XIV вв. на Западе получают широкое распространение рассказы о явлении Христа отдельным людям»¹. В этой связи М. В. Алпатов закономерно рассматривает и волотовскую композицию «явления Христа в образе нищего некоему игумену». Религия очеловечивается, становится все менее официальной, сближается с еретическими настроениями, в нее проникает осуждение богатых и высшей церковной иерархии.

Не лишены, очевидно, портретного сходства изображения в Волотове новгородских архиепископов Моисея и Алексея — современников волотовских росписей. Волотовский мастер, гениально расписавший стены этой небольшой церкви, стремился как бы приблизить религиозные сюжеты к современности, насытить их человеческим содержанием, передать психологические переживания, внести в них то религиозное вольнодумство, которое привело в XIV в. и в Новгороде и в Пскове к появлению ересей.

К 1360 г. относится построение церкви Федора Стратилата на Торговой стороне. Изначальное покрытие этой церкви, по-видимому, четырехфронтонное. Многолопастная арка, бегущая под карнизом, имеет здесь чисто декоративное значение. Чуть покатые стены по-старому делятся на три части четырьмя лопатками-пилястрами, имеющими, однако, более декоративное, чем конструктивное значение. Окна сужены и слегка заострены кверху. Особенно нарядное впечатление производит барабан, в котором простыми и лаконичными приемами удалось добиться впечатления роскошной, почти ковровой орнаментации.

Примененная здесь разделка барабана фризами из зигзагов и треугольных впадинок становится затем одним из излюбленных приемов новгородской архитектуры.

¹ М. В. Алпатов. Фрески храма Успения на Волотовом поле. В сб. «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР», под ред. академика И. Грабаря. М.—Л., 1948, стр. 123—124.

Фрески Федора Стратилата мягче, лиричнее фресок Волотова. Их розово-сиреневатая, дымчатая гамма еще прозрачнее волотовской. Движение ритмичнее. В более просторных помещениях храма еще резче проявляется характер призрачности росписи. Вместе с тем в них еще сильнее сказывается сентиментальный, эмоциональный дух, особенно типичный для XIV в. и как бы противостоящий духу официальной догматики. В композиции «Сошествие во ад» Христос всепрощающим жестом привлекает к себе грешников. Он избавляет их от страданий в аду, и грешники со всех сторон устремляются к Христу, полные любви к своему спасителю.

В 1374 г. на Ильиной улице была поставлена церковь Спаса Преображения — наиболее нарядная из построек Новгорода XIV в. Освобожденная от позднейших пристроек и реставрированная в советское время, церковь Спаса является одной из самых больших достопримечательностей Новгорода. Летопись сохранила нам имена лиц, «трудившихся» над ее украшением: это «боярин Василий Данилович, со уличаны Ильины улицы», художественному вкусу которых мы обязаны приглашением для ее росписи Феофана Грека. Церковь Спаса была создана в том художественном соревновании, которое было характерным явлением новгородской жизни XIV в. Эта атмосфера искусства отразилась, в частности, и в новгородской летописи, обычно скупой и лаконичной, но точной в упоминаниях имен строителей церквей, в датировке их построения, переделок и настенных росписей. По своему типу и размерам Спас на Ильине во всем подобен построенной за 14 лет до него церкви Федора Стратилата. Однако по изяществу своих пропорций и насыщенности декоративными элементами Спас на Ильине превосходит своего предшественника. Церковь Спаса обильно разделана вкладными крестами, красивыми дорожками из треугольных впадинок, узорными поясами из полукруглых ниш и зубчиками. Вся эта декоративная разделка стен напоминает народную резьбу по дереву или кости. Узор, однако, не мельчится, умело рассчитан на различимость издали, прост и не уменьшает впечатления от монументальности сооружения. Впечатление богатства и пестроты создается самыми скупыми, лаконичными средствами.

Росписи церкви Спаса Преображения выполнены замечательным мастером XIV в. Феофаном Греком, которому принадлежит немалая роль в интенсивном художественном движении Новгорода XIV в.

До прибытия в Россию Феофан «своею рукою» расписал ряд церквей в Константинополе, Халкидоне, Галате и Каффе (ныне Феодосия в Крыму); из последней, очевидно, Феофан и был приглашен в Новгород. Летописи неоднократно упоминают работу Феофана. В 1378 г. он «подписывает» Спаса на Ильине в Новгороде; в 1395 г. вместе с Семеном Черным и своими учениками расписывает церковь Рождества с приделом Лазаря в Москве; в 1399 г. с учениками расписывает Архангельский собор в Кремле и, наконец, в 1405 г. вместе с Андреем Рублевым и старцем Прохором расписывает московский Благовещенский собор. Этим не исчерпывается объем работ Феофана. По словам Епифания Премудрого, оставившего нам восторженный панегирик Феофану, всего им было расписано до 40 каменных церквей.

Более 30 лет прожил Феофан в России, не только уча, но и участь. Как и многие из приезжавших впоследствии в Россию художников, Феофан подпал под мощное воздействие русской художественной традиции и, вместе с тем, как нельзя более вовремя сумел привить ей много нового и жизненно необходимого. Епифаний Премудрый называет в своем письме Феофана Грека «изографом» и отмечает его дар сочинять и рисовать от себя без помощи образцов и «переводов». Характерная особенность искусства Феофана, как мы можем судить о нем на основании двух сохранившихся от него росписей в Новгороде (церковь Спаса на Ильине), состоит в необыкновенной уверенности его мазка, широте и твердости письма. Живописный опыт, умение рассчитывать расстояние, с которого будет обозреваться его работа, реалистическая трактовка голов и чутье колориста отличают Феофана. Епифаний отмечает, что, когда Феофан работал, он «ногама же без покоя стояше». В этом наблюдении Епифания мы узнаем характерную манеру художника-монументалиста, которому приходилось все время отступать от своей работы, чтобы обозреть ее со стороны. Фреска требовала умения быстро работать по еще сырой штукатурке и заранее твердо держать в голове точный план всей росписи, так как изменять что-либо в письме было бы уже поздно.

Церковь Спаса Преображения расписана Феофаном Греком двумя-тремя близкими, интенсивными, теплыми тонами (коричневатыми, красновато-желтыми). Его мазок энергичен, резок, короток, светотень выражена резко, контуры до предела обобщены. Внешнего движения в росписях Спаса Преображения меньше, чем в фресках Волотова и Федора Стратилата, но человеческие фигуры исполнены внутреннего напряжения, полны повышенного психологизма, динамики чувств. Психологические характеристики, данные им в изображении праотцев, пророков, столпников, — изумительны по силе. Фрески Феофана производят впечатление необычайно мощных, монументальных, письмо отличается «корпусностью» и вместе с тем какою-то особой трагичностью мировосприятия. Его знаменитая «Троица» сравнительно с легкой и человечной «Троицей» Андрея Рублева производит впечатление видения страшного суда — такой карающей силы исполнены ее грозные ангелы.

Искусствоведы неоднократно указывали на связь нового направления новгородской живописи с еретичеством. Связь живописи Феофана Грека с еретическими и мистическими движениями XIV в. была отмечена уже Б. В. Михайловским. «Творчество Феофана, — пишет он, — было проникнуто тем мрачным дуализмом, теми представлениями о могуществе зла в мире, тем экстатическим порывом к освобождению от материального и к слиянию с духовным, которые несли в мир утонченной византийской культуры еретические секты переднеазиатского Востока (вроде богомилов, гезихастов и др.)»¹. В более осторожной форме ту же связь отмечает и В. Н. Лазарев:

¹ Б. М. Михайловский и Б. И. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в. М.—Л., 1941, стр. 28.

«В век, когда еретические движения разлились широким потоком по территории Западной и Восточной Европы, остро субъективное искусство Феофана должно было пользоваться большим успехом»¹. Связь живописи Феофана Грека с определенными идеями была замечена и его современниками, называвшими его «философом». Те же типично еретические особенности были отмечены исследователями и в волоотовских росписях, о которых мы уже говорили выше. Волоотовские росписи, думается, не случайно были выполнены по постановлению ставленника новгородских ремесленников, архиепископа Василия Калики².

Резко иной характер имели ныне уничтоженные фашистскими захватчиками фрески Ковалева (1380 г.), которые обычно принято сопоставлять с современными им росписями сербских храмов. Рисунок их тяжелее, тона глуше.

Интересным дополнением к перечисленным фрескам являются фрески новгородской церкви Рождества на кладбище и раскрытые в 1937 г. фрески Сквородского монастыря, вскоре уничтоженного фашистскими захватчиками. Фрески церкви Рождества выражают стремление к более отчетливому письму, к многоцветности, к измельчанию рисунка. Теми же особенностями отличались и фрески Сквородского монастыря, выдержанные в синевато-фиолетовых, зеленоватых и желто-оранжевых тонах. Среди расчищенных фресок имелись сложные многофигурные композиции «Вознесения», «Воскрешения Лазаря» и «Входа в Иерусалим», выполненные не одним, а по-видимому, несколькими мастерами.

Фрески Волотова, Михайло-Сквородского монастыря, Федора Стратилата, Спаса Преображения, Ковалева, Рождества на кладбище свидетельствуют о необычайной интенсивности художественной жизни Новгорода, о наличии многих мастеров и существовании нескольких художественных школ. И так же совершенно очевидно, что те культурные явления, которые характеризовали европейский предренессанс XIV в., были свойственны и Новгороду. Более того, именно в Новгороде предренессансная живопись XIV в. представлена в своих наиболее типичных и многочисленных образцах.

Для всей новгородской фресковой живописи XIV в. характерен своеобразный мистический индивидуализм, свободное отношение к обрядовой стороне религии, к официальной церковности, внесение в религию простых человеческих чувств.

Влияние искусства фресок испытывают на себе и прославленные новгородские иконы XIV в., отличающиеся необычайной интенсивностью цвета, яркостью красок и, в известной мере, свободой композиции. Но вместе с тем необходимо отметить, что иконная живопись в гораздо большей степени, чем

¹ «История русского искусства». Под ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова и В. Н. Лазарева, т. 2. М., 1954, стр. 159.

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948. стр. 767—776. *

фресковая, находится во власти традиций живописи XII—XIII вв. вследствие сложности своей техники, требовавшей устойчивых приемов работы.

На этом общем фоне новгородской художественной жизни XIV в. примечательно исключительное внимание новгородской летописи ко всему, что касается искусства. Новгородские летописи донесли до нас многие события, так или иначе связанные с произведениями архитектуры и монументальной живописи: построение церквей, закладка сводов, переделка кровли, куполов, росписи внутренние и внешние, построение палат, пожары церквей, побелка стен и т. д. Все эти мелкие, казалось бы, факты нашли отражение в новгородской летописи наряду с важнейшими событиями политической жизни Новгорода. Археологические исследования показали, насколько точными и полными являются в этой части сообщения новгородской летописи.

В своем интересе к произведениям искусства многочисленные описания новгородских путешествий XIV в. разительно схожи с новгородскими летописями.

Главное, что притягивало внимание новгородцев в Константинополе, было начавшееся при Палеологах возрождение византийского искусства. Константинополь издавна славился исключительным богатством памятников искусства. В начале XIII в. Константинополь был городом величественных храмов, монументальных общественных построек, грандиозных дворцов. Сюда были в разное время свезены произведения из Египта (обелиск около ипподрома), из Дельф (бронзовая змеяная колонна — одна из подставок грандиозного треножника, сооруженного в V в. до нашей эры союзными греческими государствами в память победы при Платее), из Италии, Малой Азии и т. д. Все это поддерживало в Константинополе ту атмосферу искусства, в которой жил этот город до завоевания его турками. Далекó не случайно, что новгородские паломники в Царьграде прежде всего описывают памятники искусства и делают это с тщательностью, позволяющей и сейчас использовать эти описания при археологическом исследовании Константинополя.

В отличие от предшествующих «хождений» XI—XII вв. (например, новгородца Антония), «хождения» в XIV в. впервые приобретают характер путеводителей, в которые оказывается внесено большинство из наиболее замечательных произведений монументального искусства Константинополя. Путешественники-новгородцы отмечают прежде всего наиболее значительные здания, памятники, те или иные предметы искусства и религиозные достопримечательности.

К середине XIV в. (1348—1349 гг.) относится «хождение» в Царьград Стефана Новгородца. Стефан пришел в Константинополь не один, а с «други осемью». Кто были эти «други» — мы не знаем, так же как не знаем и цели, с которой приходил Стефан: был ли он торговым человеком, или приходил по делам новгородской церкви. Приехал он, по-видимому, на корабле, так как первое, что привлекло его внимание в Константинополе, был издали видный с моря колосс императора Юстиниана: «Ту стоит столп чуден вельми толстотою и выотою и красотою, из далече с моря видеть его, и на

верх его седить Иустиниан Великий на коне велми чуден, аки жив, в доспехе сороцинском (арабском), грозно видети его, а в руце (в руке) — яблоко злато велико, а в яблоце крест, а правую руку от себе простер буйно на польдни (на юг) в Сороцинскую землю к Иерусалиму». Русские города не знали городских монументов и скульптуры, и поэтому Стефан прежде всего отмечает их многочисленность в Константинополе. Стефан с самого начала обращает внимание читателя на то, что отличает Царьград от русских городов, и тем самым вводит его в атмосферу иностранного города.

Наиболее подробно Стефаном была осмотрена центральная часть города, где было больше всего памятников искусства. Самый маршрут Стефана планомерен и продуман.

Стефан описывает знаменитые колонны Софийского храма, отмечает статую Христа в «Новой» базилике, колонну Константина Великого, описывает украшения и художественную утварь храмов. При этом он прежде всего всюду обращает внимание на то, что отсутствовало на его родине и что казалось для него самым необычным: скульптуру, колонны, портики и т. д.

Особенно любовно описывает Стефан мрамор. Этот великолепный строительный материал не мог не привлечь внимания настоящего новгородца, родной город которого издавна славился своим строительным искусством. Стефан отмечает твердость мрамора, так разительно отличавшегося от рыхлых новгородских известняков, и всюду описывает его цвет: красный, багряный, черный, с прожилками (дятлен) и т. д. «Мрамором бо зовется камен гладок и красен (красив) вельми». «Железо камени того не иметь», — говорит он в другом месте. Стефан так описывает колонны новой базилики: «и ту стоят столпове от камени красного мрамора оковани чудно», или «от камени багряна, красны вельми, пропестри (т. е. с прожилками), аспиду подобни; видети в них человеку лица своего образ, аки в зеркало¹; от великого Рима привезены суть».

Поразила Стефана в Константинополе гавань с решетчатыми воротами, которыми «море введено внутрь города...», «и коли бывает рать с моря, и ту держат корабли и катарги (галеры) до треусот». Стефан описывает катарги — военные суда в 200 и 300 весел: «в тех судех по морю рать ходить; а оже будет ветер, а ини (иные) бежат и гонят, а корабль (галера) стоит — погодия ждеть». Гавань Константинополя — Золотой Рог — действительно одна из лучших, и восхищение Стефана — жителя портового города Новгорода, — высоко оценившего ее замечательные качества, не удивительно.

Знакомство Стефана с Константинополем почти не коснулось других его сторон. Он не описал ни быт города, ни его торговлю, ни управление, ни словом не обмолвился о его населении. Один только раз привлекают внимание Стефана местные обычаи — в описании монастыря Феодосии, куда каждую среду и пятницу стекались толпы больных для исцеления. Намек на те условия, в которых протекал его осмотр города, можно видеть лишь в заклю-

¹ Описываемые Стефаном столпы действительно славились своей замечательной полировкой.

чительных, обобщающих строках его «хождения»: «а в Царьград аки в дуброву (в дубраву) велику внити (войти): без добра вожа (т. е. без хорошего проводника) не возможно ходити».

Из Константинополя Стефан отправился в Иерусалим, но описание «хождения» Стефана в Иерусалим не сохранилось, возможно, его и не было вовсе. И то и другое — не случайно. Иерусалим мог заинтересовать новгородцев лишь своими религиозными достопримечательностями, но ни с точки зрения новгородской церковной политики, ни как средоточие произведений искусств Иерусалим не имел для новгородцев той притягательной силы, которою обладал Константинополь.

«Хождение» Стефана написано просто, сжато и носит деловой, строго фактический характер. Немногие отступления, в которых Стефан отходит от фактичности изложения, отражают настроение восторга перед теми предметами искусства и религиозными реликвиями, которые ему пришлось видеть. Нигде Стефан не морализирует и не прибегает к дидактике, обычной в западноевропейских описаниях паломничеств. Вразумительность и ясность логического смысла текста заботят его прежде всего. Благодаря этому «хождение» Стефана, так же как и многие литературные произведения Новгорода, прежде всего поражает лаконичностью и отсутствием внешней украшенности.

Кроме «хождения» Стефана Новгородца, к XIV столетию относятся еще два новгородских произведения, посвященные Константинополю, в которых характер путеводителя выражен еще более ясно. Это «Сказание о Царьграде» и «Беседа о святынях Царьграда». Оба эти памятника составлены не очевидцами и восходят к какому-то не дошедшему до нас третьему описанию Константинополя.

Начинаются «Беседа» и «Сказание» с описания главной достопримечательности Константинополя — Софии. Паломника больше всего поражают отсутствовавшие у него на родине статуи, колонны, открытые гелереи. Так же как и Стефан Новгородец, паломник проникнут уважением к памятникам искусства, восторгается остатками эллинистического Константинополя. Он описывает императорский дворец Константина, знаменитый ипподром — «игрище», и всюду со скорбью отмечает следы запустения и обнищания. Паломник восхищается «мовницей» (баней) императора Константина и особенно водопроводом, когда-то к ней проложенным: «и вода возведена была там и корыта аспидна, желобы были аспидные; да уже все потеряно (то есть разрушено)». Паломник всюду описывает следы разрушений, причиненных памятникам искусства крестоносцами, варварски уничтожавшими и грабившими Константинополь в 1204 г.: «над морем высоко вельми поставлен столп камен, а на том столпе 4 столпци каменных, их тых столпцех положен камен, а в том камени вырезаны псы крылаты и орли крылаты камены и бараны камены; бараном роги збиты, да и столпы обиты; то же били фрязове (т. е. крестоносцы), коли владели Царимградом, и иных узорочей много потеряли (т. е. уничтожили)». Чувство запустения и гибели произведений искусства, которое могло быть свойственно только настоящему их ценителю, сопровождает паломника на всем его пути.

Характерные особенности русских описаний Константинополя половины XIV в. лучше всего вскрываются при сравнении с одновременными им западноевропейскими путешествиями. Так, например, компилятивное путешествие Мандевиля, пользовавшееся огромным успехом в течение всего средневековья, в главе, посвященной Константинополю, занято главным образом религиозными легендами с нравоучительным и назидательным смыслом. В описании самого города очень мало фактического материала и много неточностей.

Под 1347 г. новгородская летопись включила в свой состав послание архиепископа новгородского Василия к епископу тверскому Федору о земном рае. Непосредственной темой послания послужил спор о том, существует ли на земле рай, в котором жили Адам и Ева, или материальный рай погиб и есть только мысленный, то есть идеальный, неземной.

Спор этот, довольно типичный для средневековья, касался одной из основ религиозного мировоззрения той эпохи и, по существу, был близок к известному западноевропейскому средневековому спору номиналистов и реалистов. «Еретики» несториане и яковиты, сторонники прямого и непосредственного понимания библейской истории как реально существовавшей, верили в материальный рай на земле, доступ в который крайне затруднен для людей, но возможен.

В этом споре глава новгородской церкви Василий становится на одну точку зрения с «еретиками» несторианами и яковитами, утверждает, что рай Адама и Евы существует, и отказывается понимать его как «мысленный».

В своем послании Василий приводит свидетельства о том, что рай до сих пор еще существует на Востоке. В своей аргументации Василий не прибегает к богословским доказательствам, ссылаясь лишь на непосредственные указания писания и очевидцев.

Наибольший интерес имеют в послании ссылки на свидетельства моряков-новгородцев. В обширном портовом городе — Новгороде, очевидно, много ходило всяких рассказов о дальних странах. В «Повести временных лет» и в Ипатьевской летописи есть несколько описаний дальних полных (то есть северных) земель, где небо сходится с землею, описаний Югры, переданных летописцами-новгородцами: Гюрятой Роговичем и др.

Василий ссылается на свидетельство новгородцев, которые видели в своих путешествиях не только ад на Западе, но и рай на Востоке. «Видоками» тех мест были новгородцы Мстислав и Яков. Еще «нынча», пишет Василий, «дети внучата» тех новгородцев «добри-здорови». Путешествие этих «видоков» Мстислава и Якова описано с чертами реальности. Новгородцы плыли на трех юмах, одна из них погибла, две другие «долго носило море ветром» и принесло к высоким горам. Новгородцев поразил «многочастный» и «самосиянный» свет «светлуясь паче солнца». «А на горах тех ликования многа слышахуть, и веселия гласы вещающа». Новгородцы послали одного из своих спутников посмотреть, что за горой. Посланный всплеснул руками, засмеялся и побежал на звуки ликования. Новгородцы удивились и послали другого, но и тот «также створи, нимало возвратися к своим, но с великою радостью

побеже от них». Новгородцы испугались и послали третьего, привязав его «ужищем» (веревкой) за ногу. Третий также бросился было бежать, всплеснув руками, «в радости забыв ужища на ноге своей». Новгородцы сдержали его за веревку с горы «и в том часе обретесе мертв». Испуганные новгородцы «побегоша вспять», не видав ни неизреченной светлости райской, ни ликования, ни веселия.

Интересные западноевропейские параллели к рассказу Василия были приведены А. Н. Веселовским. Однако одна деталь делает рассказ Василия о моряках, нашедших рай, типично новгородским. Горы, стеной отделяющие рай со стороны моря, несут на себе грандиозную живописную композицию, написанную «лазорем чудным». Лазорь — синяя, привозная, очень дорогая краска, к которой новгородцы чувствовали в XIV в. особенное пристрастие.

Вкус новгородцев к монументальной живописи, в которой они были так сильны в XIV в., сказался здесь в полной мере. Фантазия новгородцев клонилась к тому, чтобы горы украсить фресками, написав их драгоценнейшим лазорем, которого в действительности едва хватало на миниатюры.

Гора среди моря, исписанная огромным изображением деисуса, — так выглядела в представлении новгородцев ограда рая.

Таким образом, эпоха расцвета новгородской живописи отмечена в литературе Новгорода усиленным вниманием к искусству, живописи и архитектуре. Атмосфера искусства наполняет собою все явления культурной жизни Новгорода второй половины XIV в.

Глава VI

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА НОВГОРОДСКОГО БОЯРСТВА С МОСКВОЙ

Рыцарь Гильер де Ланнуа, побывавший в Новгороде в 1413 г., писал о нем: «Великий Новгород удивительно большой город; он расположен на большой равнине, окруженной большими лесами, и находится в низкой местности среди вод и болот. Посреди упомянутого города течет большая река по имени Волхов. Город обнесен плохими стенами, сделанными из плетня и земли, тогда как башни каменны. Этот город независим и имеет общинное правление. Здесь есть епископ, который представляет как бы их начальника. И содержат они, равно как и все прочие русские в Руси, которая очень велика, христианскую религию по своему обряду, такому же, как и у греков. Они имеют замок, расположенный на берегу упомянутой реки, и в нем соборная церковь св. Софии, которую они почитают, и там живет их упомянутый епископ. Внутри упомянутого города живет много больших синьоров, которых они называют боярами, и там есть такие горожане, которые владеют землей в 200 лье длины, богаты и могущественны удивительно. И не имеют русские великой Руси других властителей, кроме этих бояр, выбираемых по очереди, как хочет община. Монета их состоит из кусков серебра, весящих около 6 унций — без оттиска, потому, что вовсе не куют золотой монеты, а мелкая их монета состоит из мордок белок и кун. Они имеют двух начальников: тысяцкого и посадника, которые управляют сказанным городом. Эти правители возобновляются из года в год. И там я был у упомянутых епископа и синьоров. Женщины носят волосы, заплетенные в 2 косы, висящие сзади на спине, а мужчины — носят одну косу. Я был девять дней в этом городе, и упомянутый епископ присылал мне каждый день более 30 человек с хлебом, мясом, рыбой, буковыми орехами, пореем, пивом и медом, а вышеупомянутые тысяцкие и посадники дали мне обед — самый странный и самый удивительный из всех, виденных мною когда-либо. В ту зиму было так холодно, что занимательно было бы рассказать о стужах, которые там были...

Все синьоры Новгорода Великого владеют 40 000 конницы и бесчисленною пехотою. Они часто воюют с соседями и особенно с рыцарями Лифляндии и выиграли много больших сражений»¹.

Как бы ни было велико внешнее могущество и богатство Новгорода в начале XV в., реальный рост его опережала Москва, чья роль объединительницы Руси отчетливо определилась уже в XV в.

Объединительная политика Москвы встретила чрезвычайно сильное сопротивление новгородского боярства, опасавшегося потерять свои обширные земельные владения, и крупного новгородского купечества, боявшегося конкуренции Москвы в торговле с Западом. Новгородское ушкуйничество нарушало московскую торговлю на севере и северо-востоке; беспокойная новгородская политика грозила постоянными неожиданностями. Однако в самом Новгороде, как и в других русских областях, увеличивалось «в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья»².

Демократические низы Новгорода явно тяготели к Москве, к сильной великокняжеской власти, в которой надеялись найти опору против боярства.

Конец XIV в. характеризуется крайним обострением борьбы Москвы и Новгорода. Эта борьба стала особенно напряженной в 90-х годах XIV в. в связи с отказом новгородцев выезжать на суд к московскому митрополиту. Новгородское боярство посылало послов с жалобами в Константинополь, угрожало Москве переходом в латинство (католичество), клялось на вече не судиться у московского митрополита. Только после того, как войска великого князя Василия Дмитриевича захватили Торжок и начали опустошать новгородские волости, новгородцы изъявили покорность.

Образование в первой половине XV в. двух враждебных митрополий — Московской и Киевской — позволило новгородскому боярству вести двойную политику и постепенно добиваться от Москвы уступок угрозами подчиниться киевскому митрополиту. С этой поры церковный вопрос в Новгороде приобрел первостепенное политическое значение. Пользуясь смутой в церковных делах, архиепископ Евфимий II получил «поставление» в Смоленске у киевского митрополита Герасима, и это дало Новгороду независимость от московской церкви. В Новгороде приобрели значительную силу антимосковские настроения. Показателем новгородской политики служило то, что в Новгороде находили убежище противники московского великого князя — Дмитрий Шемяка и Василий Гребенка.

¹ «Памятники истории Великого Новгорода и Пскова». Подготовил к печати Г. Е. Кочин. Л., 1935, стр. 69.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 443.

Архиепископ Евфимий II активно способствовал западному влиянию и оказывал покровительство иноземцам. «От странных же (то есть иностранных) или чуждых стран приходящих всех любовно принимае, всех упокоиваше, всех по достоинству миловаше», — говорит о его любви к иноземцам писатель XV в. Пахомий Серб.

* * *

Лихорадочная и беспокойная строительная деятельность Евфимия II ярко отражает поиски идейного обоснования антимосковских позиций новгородского боярства. Евфимий II обстраивает новыми зданиями архиепископский двор Детинца, строит на Софийской и на Торговой сторонах Новгорода, строит в Старой Руссе, в Вяжищах, в Хутыне и т. д. Эпохе Евфимия принадлежат здания светского характера, промышленного назначения, церкви и правительственные палаты. Под 1433 г. летопись рассказывает, что «в Великом Новгороде владыка Евфимий поставил на дворе у себя палату каменну, а дверей в ней тридцать, а мастера ставили новгородские и немецкие из-за моря». Очевидно, что антимосковские устремления боярской литовской партии были настолько сильны, что привели даже к привлечению заморских строителей. Воздвигнутая в 1433 г. Евфимием Грановитая палата (в ней заседал затем Совет господ) представляет собой готическое по своей внутренней разделке здание, крестовые своды которого опираются на центральный столп. Многочисленные грани этих сводов разделены жгутами (нервюрами), типичными для западноевропейской архитектуры.

Через несколько лет после возведения единостолпной Грановитой палаты Евфимий привлек иноземных мастеров ставить «комнатку малу», а затем (в 1443 г.) построил своеобразную ратушевую башню, так называемую Евфимиевскую часозвоню, на которой впоследствии были поставлены часы, оглашавшие боем весь город. Часозвоня Евфимия — одна из первых построек типа колоколен. Несмотря на общую западную идею ратушной башни, она сохраняет излюбленные новгородские архитектурные приемы, в частности типично новгородские обширные глады стен.

Особое место в строительной деятельности Евфимия II занимало массовое возрождение новгородских архитектурных форм XII в. В 1454 г. Евфимий реставрировал церковь Ивана на Опоках первоначальной постройки 1127—1130 гг. В 1455 г. он построил «на старой основе» церковь Ильи на Славне, первоначальное здание которой относилось к 1198—1202 гг. Церкви этой строители Евфимия придали нарочито архаические формы. Так, например, в эпоху Евфимия II новгородские церкви имели снаружи один алтарный выступ, в XII же веке их строили три; церковь же Ильи на Славне строители Евфимия восстановили даже с пятью выступами, отличающимися необычайной толщиной и мощностью. В 1442 г. «на старой основе» 1198 г. Евфимий воздвиг Преображенский собор в Старой Руссе. На старой же основе XII в. восстанавливались церкви Бориса и Глеба (в 1445 г.), Жен-

мироносиц (в 1445 г.), Богородицы на Торгу (в 1458 г.) и др.¹ Евфимий II возродил строительные приемы монументальной архитектуры XII в., напоминавшие своими выразительными и внушительными формами о былом величии Новгорода. Разнообразной строительной деятельностью Евфимия II восхищался Пахомий Серб, в восторженных выражениях описавший выстроенные Евфимием II храмы Детинца, которые «яко звезды или горы» стоят вокруг Софин.

Массовое восстановление Евфимием II старых церквей XII в. связано с одновременным установлением культа «преждеотшедших» (т. е. умерших) новгородских архиепископов, с огромным развитием летописного дела, отразившим повышенный интерес к истории Новгорода, созданием цикла литературных произведений вокруг новгородского архиепископа Иоанна, при котором в 1170 г. новгородцы отбили от стен Новгорода войска северо-восточных княжеств. Вся эта деятельность Евфимия II и боярской партии Новгорода имела в виду идеологическую борьбу с Москвой, объяснялась намерением найти идейную почву для своих антимосковских устремлений в старине Новгорода, противопоставить общерусским объединительным тенденциям Москвы местный патриотизм.

Такая узость идейных позиций новгородского боярства не могла не вызвать некоторого упадка искусства. Архитектурные сооружения эпохи Евфимия значительно уступают по стройности и законченности форм новгородским постройкам XIV в. Постепенно падает и искусство фресковой живописи. В XV в. на стенные росписи начинает усиленно влиять иконное письмо. Влияние это было роковым для искусства фрески.

Фрески XV в. (фрагменты росписей церкви Сергия в новгородском Детинце, фрески Зверина монастыря и Гостинополья) стремятся подражать иконе в густоте колорита, мельчат композицию; в них часты поясные изображения, застывшие, малоподвижные фигуры. Пропадает характерное для фресок XIV в. умение рассчитывать расстояние, с которого будет обозреваться изображение, умение согласовывать росписи с архитектурными формами. Искусство фрески клонится к явному упадку. На прежнем уровне находилось лишь блестящее мастерство новгородских иконников, значительно больше зависевшее от частной инициативы и в котором меньше сказывались политические установки боярской партии.

* * *

Около 1432 г. при Евфимии II в Новгороде был составлен новый летописный свод «Софийского Временника» (так называлась летопись, ведшаяся при дворе архиепископа), который должен был дать новую историческую концепцию, поставив в центр русской истории историю Новгорода. Однако вскоре после составления этого свода стал ясен его основной недостаток, не

¹ См. подробнее: Ю. Н. Дмитриев, К истории новгородской архитектуры. «Новгородский исторический сборник», вып. 2. Л., 1937.

позволявший ему конкурировать с обширными московскими летописными сводами начала XV в. В то время как московское летописание было в подлинном смысле этого слова общерусским, объединяло в своем составе известия самых разнообразных областей и освещало историю всего русского народа в целом, новгородский свод 1432 г. по составу своих известий оставался узко местным. Поэтому при том же Евфимии II в 30-х годах в Новгороде было предпринято составление нового летописного свода. Различные переработки этого свода явились лучшими и наиболее полными русскими летописями, которыми и поныне пользуются историки при изучении русской истории XIII — первой половины XV в.

Свод 30-х годов был первым новгородским сводом с ярко выраженным общерусским характером. Это уже далеко не узкая, местная летопись, редко выходящая за пределы родного города. Свод 30-х годов описывает судьбы русского народа в целом, хотя преимущество по-прежнему отдает Новгороду и, следовательно, в нем видит центр событий русской истории. Замечательно, что свой общерусский характер свод 30-х годов получает в результате заимствования основной массы записей из московских летописей. Стремясь создать свою историческую и политическую концепцию, противостоящую московской, Новгород все же опирался на Москву и ее книжность. Характерно также, что в противоположность московским летописцам конца XIV — начала XV в., нередко оценивавшим события с точки зрения демократических слоев населения, составитель свода 30-х годов во многих случаях проявил себя как представитель интересов боярской партии — владычного двора. Он с осуждением отнесся к черному люду — к «голодникам», «ябедникам» — и к городским волнениям.

Описывая народные волнения или неурядицы новгородской жизни, вызванные плохим судом и «неправым поклепом», летопись оглядывается на «суседей», скорбит за своих сограждан, воспринимает усобицы как провинность всего новгородского населения и нередко противопоставляет современность старине.

Сознание трагичности современного летописцу положения его родного города достигло в своде 30-х годов крайней обостренности, переходя иногда в пессимизм и апатию. В летописи усиливается церковный элемент, большое место приобретает нравоучение. Язык летописи становится более церковным и украшенным; в нем попадаются такие сложные словосочетания, как «пламеновиден», «громогласный», «самойзволен», «тученосный», или такие сочетания, как «древеса плодовита», «скорбь пожарная», «облаци дождевные» и др. В летописи попадаются и шведские и немецкие термины (местер, кумендер, шнека), итальянские строительные термины («комната» от *caminata*), западные церковные термины (легатос, каплан).

Не всегда, правда, новгородский свод 30-х годов пользовался подобным сложным языком для описания городских событий и явлений природы: не редки случаи, когда в новгородской летописи по-прежнему присутствует лапидарный и энергичный стиль XII—XIII вв., скупые и деловитые записи, простой разговорный язык, близкий к языку грамот и «Русской Правды».

Установлением летописного свода 30-х годов новгородское летописание половины XV в. не ограничилось. Всего на протяжении 20 лет правления Евфимия II были составлены один за другим три грандиозных летописных свода и около десятка мелких. Составители их проделали огромную работу в поисках различных летописных списков для восполнения недостающих сведений по русской истории.

Со времени составления в Киеве в начале XII в. «Повести временных лет» работа русской исторической мысли никогда еще не была так интенсивна, как в Новгороде в середине XV в. Летописные своды с чрезвычайной последовательностью создавались один за другим, но самостоятельной, стройной новгородской исторической концепции, подобно той, которая была создана в XV в. в Москве, не получилось. Содержание новгородских летописей осталось таким же противоречивым, как противоречива была и сама новгородская жизнь.

В своих попытках возбудить местный новгородский патриотизм, противопоставив его Москве, Евфимий II не ограничился только заботой о летописании. В 1436 г. в церкви Усекновения главы, в новгородском Детинце, упавший сверху камень пробил «велию скважину», в которой обнаружилось нетленное тело неизвестного святого. Оповестили Евфимия. Евфимий, убедившись в «нетленности» мощей, начал молить бога: «да явит имя, кто есть». В ту же ночь «явился» Евфимию архиепископ Иоанн, «открылся», что мощи принадлежат ему, и «велел» праздновать себя каждое 4 октября. Открытие мощей Иоанна было глубоко продуманным политическим ходом Евфимия. Иоанн (1163—1186 гг.) — первый официальный новгородский архиепископ; он был известен в Новгороде как владыка, при котором в 1169 г. произошло «чудесное» спасение города от подступивших к нему войск северо-восточных княжеств. Наследницей этих северо-восточных княжеств теперь, в XV в., была Москва. Это позволяло новгородской боярской партии видеть в Иоанне своего рода «защитника» независимости Новгорода от Москвы.

Само собой разумеется, что открытые так «кстати» упавшим камнем мощи Иоанна были торжественно водворены в Софийском соборе, и почитание этого новоявленного святого приобрело формы почти политической антимосковской демонстрации. Вокруг архиепископа Иоанна и чуда спасения Новгорода от войск суздальцев создается цикл легенд: своего рода культ новгородской независимости.

Основание культа новгородских святых и возвеличивание новгородского прошлого несколько позднее обставлено было и другой легендой. Под 1439 г. летопись сохранила сказание пономаря Аарона. В одну из ночей пономарь Аарон увидел, как в церковь Софии «прежними дверями» (очевидно, теми, которыми перестали пользоваться) вошли все «преждеотшедшие» новгородские архиепископы, молились в алтаре и перед иконою Корсунской божьей матери. Пономарь рассказал о своем видении Евфимию, и тот «бысть радостен о таком явлении», велел служить панихиду по всем новгородским архиепископам, а затем установил и более регулярное чествование своих предшественников.

Выходило так, что не Евфимий II насаждал почитание новгородских святых и воскрешал память о забытых временах новгородского расцвета, а само прошлое как бы напоминало о себе, стучалось в плотно запертые двери новгородской независимости. «Преждеотшедшие» архиепископы молились за Новгород, «объявляли» свои мощи и т. д.

Из цикла сказаний, связанных с архиепископом Иоанном, особенный литературный интерес имеет легенда о путешествии Иоанна на бес в Иерусалим. В сказании много бытовых, натуралистических подробностей, ярко рисующих жизнь и атмосферу Новгорода. Особенно характерен в этом отношении первый из эпизодов повести.

Стоя на молитве в своей «ложнице», Иоанн услышал, что в умывальнике, стоявшем неподалеку, кто-то плещется в воде («бороброща в воде»). Догдавшись, что это бес, Иоанн запер его в нем силою молитвы. Пойманный бес начал «вопети»: «о люте нужде сея! се бо палим есмь огнем: не могу теръпети; скоро испусти, святче божий!». Происходит любопытный диалог между пойманным бесом и Иоанном. Иоанн требует, чтобы бес, обернувшись конем, за одну ночь сvez его в Иерусалим. Бес обещает, исходит тьмою из сосуда и, обернувшись конем, становится перед кельей святого.

В Иерусалиме Иоанн посещает храм гроба господня. Перед ним сами собой отворяются двери, зажигаются свечи и паникадила. Вернув Иоанна в Новгород, бес просит его никому не рассказывать о происшедшем. Иоанн, однако, не выдержал и однажды «в духовной беседе» похвастался, что он знает человека, который за одну ночь успел побывать из Новгорода в Иерусалиме. С этого момента бес начал наводить на Иоанна «искушение». Горожане неоднократно видели выходящую из кельи святого «жену блудницу», в самой келье находили женскую одежду, сандалии, монисто; все это показывал «мечтуя» бес.

Народ решил изгнать владыку «яко блудника». Когда толпа собралась у кельи Иоанна, бес выбежал из нее «во образи отроковици». Ее пытались догнать, но безуспешно. Разгневанная беспутством Иоанна толпа вывела его к Волхову, посадила на плот и пустила вниз по течению. Однако плот, никем не подталкиваемый, поплыл внезапно вверх по Волхову «противу великие быстрины». Пораженный ужасом и раскаянием, народ шел по берегу за Иоанном и умолял его о прощении. Даже виновник всего — бес «посрамися» и «возрыдася». Святой, стоя на плоту, молился о прощении обидевших его. Не доплыв немного до Юрьева монастыря, плот остановился, Иоанн вышел и был встречен крестным ходом монахов.

Легенда соткана из целого ряда ходячих мотивов, известных из западных житий, народных сказок и патериков. Таковы, например, распространенные мотивы о бесе или бесах, которых святой заставляет на себя работать (например, при построении монастыря), мотив плавания против течения (против течения плывут обычно мощи святых, иконы), мотив прибытия святого в монастырь по воде (например, в житии Антония Римлянина, см. ниже), мотив оборачивающегося животным, женщиной беса (обычно при искушениях), мотив самоотворяющихся дверей и самозажигающихся свечей при

появлении святого в церкви, мотив путешествия на бесе (в сказках, откуда он перекочевал, между прочим, и в «Ночь перед Рождеством» Гоголя) и т. д.

Центральная легенда цикла, связанного с архиепископом Иоанном, — легенда о чудесном спасении Новгорода во время осады суздальцев. Наибольшую популярность эта легенда получила в переделках югославянского ритора Пахомия Серба, которого Евфимий пригласил между 1429 и 1438 гг. в Новгород для своих многочисленных литературных начинаний и для создания церковного почитания новых новгородских святых.

Составленное по заказу Евфимия «Сказание о чуде спасения Новгорода в 1169 г. от войск суздальцев» героизирует борьбу Новгорода за свою независимость.

СТОРОННИКИ ВОССОЕДИНЕНИЯ С МОСКВОЙ В НОВГОРОДЕ

В 1456 г. Василий Темный разбил ополчение Новгорода, поддержавшего Дмитрия Шемяку в последние годы его борьбы с Москвой. Яжелбицкий мир, заключенный между Новгородом и Москвой, ставил Новгород в политическую зависимость от Москвы. Самостоятельность Новгорода была ограничена, и он обязан был выплатить Василию Темному огромную контрибуцию, что на время привело к сокращению строительства в Новгороде.

К концу 50-х гг. XV в. перевес Москвы настолько определился, что представителям боярской партии в Новгороде приходилось думать уже не столько об открытой борьбе, сколько о политике отсрочки, неизбежного, по существу, конца новгородской независимости. Растет и сочувствие демократических слоев населения Новгорода Москве. Роль заступника и постоянного ходатая за Новгород перед московским великим князем принадлежит избранному после смерти Евфимия II архиепископу Ионе, искусно ведущему свою политику между крайностями боярской партии и энергичным натиском Москвы.

Иона ознаменовал свое архиепископство целым рядом предприятий, клонившихся к закреплению мирных отношений с Москвою. Характерно, что, по позднейшей легенде, Ионе было в детстве предсказано архиепископство открытым сторонником московского великого князя Михаилом Клопским. В житии Ионы отмечено, что «московистии князи много любяхуть его». Иона установил в Новгороде культ московского святого — Сергия Радонежского, построил ему церковь (1463 г.), ездил в Москву, где слезно заступался за новгородцев перед великим князем.

При Ионе вторично приезжает в Новгород Пахомий Серб. Иона, как и Евфимий II, заказывает Пахомию различные церковные службы, но при этом, наряду со службами новгородским святым, заботится и о службах святым, имевшим общерусское значение. Из работ Пахомия этого периода сохранились службы Евфимию II (Великому), Антонию Печерскому, Савве Вишерскому. Особенный интерес имеет заказанное Ионой Пахомию «Сказание о чуде преподобного Варлаама Хутынского» (1460 года).

«Чудо» это, случившееся в первый же год архиепископства Ионы, весьма симптоматично. Оно — яркое следствие поворота новгородской политики. Во время приезда в Новгород московского великого князя Василия Васильевича умер его постельничий Григорий Тумган. Привезенный ко гробу Варлаама, постельничий якобы «воскрес». Так же как и открытие мощей архиепископа Иоанна при Евфимии II, воскрешение постельничего московского великого князя у гроба новгородского святого не было случайным: новое чудо знаменовало собою перелом в новгородской политике, стояло в связи с поворотом в новгородской дипломатии, пытавшейся расположить к Новгороду великого князя Московского. Заказывая описание этого чуда Пахомию Сербу, Иона имел в виду внушить московскому великому князю уважение к новгородским святыням, примирить его с Новгородом. Предназначенное для такой цели сказание написано в духе московских взглядов. Оно именует Василия Васильевича «благочестивым и благоверным, великим князем володимирским и московским и новгородским и всея Руси», а Новгород — «вотчиной» московского князя. Впоследствии, при Феофиле, когда отношения Новгорода с Москвою вновь обострились, послушный исполнитель воли своих заказчиков Пахомий Серб переделал свое произведение согласно с требованиями момента: пышное титулование московского великого князя было заменено более простым: «благочестивый великий князь», а место, в котором говорилось о Новгороде как о вотчине великого князя, опущено.

К эпохе Ионы и усиления московских тенденций в Новгороде относится житие яркого представителя московской демократической партии в Новгороде — Михаила Клопского. Житие это — единственное произведение, возникшее в среде сторонников Москвы. Москвич по происхождению, свойственник московских великих князей, Михаил избрал местом своего монашеского пребывания небогатый новгородский Клопский монастырь, игумена которого Феодосия низы новгородского населения одно время избрали в архиепископы. Житие обильно рассказами о враждебном отношении монастыря к посадникам, к укрывавшемуся в Новгороде неудачному конкуренту московского великого князя — Дмитрию Шемяке, и, вместе с тем, это житие, в отличие от велеречивых и витийственных произведений Пахомия, выполнявшего заказы боярской партии, носит демократический, просторечный характер со следами влияния фольклора. Ни имени автора, ни имени заказчика (если он только был) этого популярного жития не сохранилось.

Житие Михаила Клопского неоднократно подвергалось переработкам и дополнениям. Различные редакции жития отчетливо свидетельствуют о чрезвычайно изменчивых литературных вкусах и разнообразии политических партий новгородцев XV—XVI вв. Наиболее интересна первая редакция жития, возникшая, очевидно, сравнительно скоро после смерти Михаила Клопского в 1460-х гг. в среде сторонников Москвы.

Житие это имеет мало общего с церковной житийной литературой. Оригинальна сама форма этого жития, представляющего собой соединение нескольких эпизодов — «чудес», но без традиционного в церковных житиях описания детства святого и без традиционной заключительной похвалы свя-

тому. Эти «чудеса»-эпизоды представляют собою самостоятельные занимательные рассказы легендарно-сказочного, а порою и жизненно-реального характера, заставляющего предполагать, что они сложились первоначально в устной сказочной традиции и лишь затем были обработаны в форме книжного повествования.

Целый ряд эпизодов жития хорошо передает атмосферу монастырского быта XV в. Таков, например, первый эпизод жития, рассказывающий о таинственном приходе в монастырь старца Михаила. Появление его происходит в ночь на Ивана Купала — 23 июня. Старца принимают за беса. Очевидно, остатки язычества, вера в Иванов день были сильны в XV в. даже в монастырях. Незнакомца заметил в своей келье поп Макарий. Незнакомец сидел на стуле, перед ним горела свеча, он переписывал деяния апостола Павла. Поп «уполошившись», вернулся в церковь, которую только что перед тем «покадив» (покинул) и рассказал о знакомце братии и игумену. Игумен взял крест и кадило и отправился с чернецами в келью. Сенцы оказались запертыми. Посмотрели в окно в келью: незнакомый старец «сидит и пишет». Игумен сотворил молитву. Старец слово в слово повторил молитву. Игумен еще трижды сотворил молитву. Увидев, что молитва не смущает старца, игумен прямо спросил его: «кто еси ты: человек или бес; что тебе имя?» Но старец и на этот раз ответил ему «те же речи»: «человек ли еси или бес; что тебе имя?». Игумен спросил его второй раз и третий, «а он против те же речи отвещает. И повеле Феодосий игумен у сенець верх содрать, а у кельи двери выломить». Затем игумен «почал по кельи темьяна кадити, да и старца кадити учял, и он (то есть старец) от темьяна закрывается, а крестом знаменается». Окадив старца, игумен еще раз спросил его: «как к нам пришел, откуда еси, что еси за человек, что ти имя твое?». Старец же продолжал вторить, как эхо: «как еси к нам пришел, откуда еси, что твое имя». Тут «молвил», наконец, игумен чернецом «таково слово»: «не бойтесь старца — бог нам послал сего старца». Позвонили обедню, начали обедню петь, и старец «все обеденное петье пел» до конца и читал апостола. Старца пригласили на трапезу «хлеба ясти», а затем игумен отвел его в келью: «буди у нас, старче, живи с нами».

В этой живой сцене довольно много черт монастырских нравов и реальных положений: «уполошившийся» поп, испуганные чернецы, принявшие в ночь накануне Ивана Купала позднего гостя за беса, игумен, кадящий на старца темьяном, читающий над ним молитвы и тщетно спрашивающий его об имени.

Реальный, очевидно, в своей основе приход в Клопский монастырь Михаила, не хотевшего первоначально раскрывать своего происхождения, дополняется рядом чисто сказочных подробностей о том, как старец Михаил уклонялся от вопросов игумена, отвечая на них «тем же вопрошанием», то есть повторял обращенные к нему вопросы и предлагал на них ответить самому вопрошающему. Повторение вопросов игумена вносит в этот первый из рассказов «чудес» известную ритмичность композиции, напоминающую эпические повторения былинного и сказочного характера.

Черты реальности живо переданы и в другом эпизоде жития: о раздоре монастыря с посадником Григорием Кирилловичем. Посадник Григорий явился однажды в монастырь к обедне и, удержав игумена, когда тот, отпев обедню, собирался уходить из церкви, заявил «таково слово»: «не пускай ни коней, ни коров на жары (поля под паром), то земля моя, ни по реки по Веряжи, ни по болотам, ни под двором моим не ловити. А почнете ловити и аз (я) ловцам вашим велю ноги и руки перебити». Вмешался Михаил и сказал посаднику: «будеши без рук и без ног, мало в воде не утонеши». Когда ловцы волокли тоню, посадник «пошел к ним к реки, да и в реку за ними сугнав, да ударил рукою, да хотел другой ряд — так мимо ударил да пал в воду, мадо не утонул». Посадника вытащили из воды с парализованными руками и ногами.

Отдельные эпизоды-«чудеса» объединены между собою только личностью Михаила Клопского. Характер его раскрывается в эпизодах довольно цельно. Он строг, не боится посадников и князей, говорит правду в лицо, резок, практичен и по-своему остроумен. Чудесные деяния его по типу напоминают исполнения желаний героев сказок. Они показывают глубину его ума и остроту предвидения. Князю Константину Дмитриевичу, отправившемуся в Москву добывать себе великокняжеский стол, не сочувствовавший ему Михаил предрек скорую смерть: «земля вопиет», — повторяет он ему несколько раз. Посаднику Григорию, лишившемуся употребления рук и ног за покушение на монастырские ловли и просившемуся святого помолиться за него, Михаил раздраженно отвечает: «Поездишь по монастырям, попросишь у бога милости».

Во всех этих эпизодах-«чудесах» Михаил действует не под влиянием мистической экзальтации, а как политик, сильный и практичный человек. Михаил защищает экономические интересы монастыря, придерживается демократической московской партии.

Таким образом, житие Михаила Клопского рисует образ одного из тех монастырских деятелей, на энергии и предприимчивости которых основывалась экономическая и культурная мощь новгородских монастырей.

Стиль жития прост и близок к народному творчеству.

В житии встречаются следы рифмы: «а он (Михаил) от темьяна закрывается, крестом знаменается», «а почнете ловити, и аз ловцам вашим велю ноги и руки перебити» и др. Некоторые из употребляемых в житии выражений приближаются по своему характеру к обычным формулам народного творчества. Например: «и молвит князь таково слово», «и рече посадник игумену таково слово», «Феодосий мльви старцам таково слово». Встречаются в житии и народные выражения часто поговорочного характера: «хлеб, осподо, да соль», «что твоа, чадо, за дума, ездись думаешь ж жонками», «тяжкий сон сломить», «собрашесь мног множество», «а мы доколе свет стоит и за тебя бога молим», «не весел изо обители тоя изыде» и др.

В языке жития довольно много просторечных ласкательных и уменьшительных выражений: «Михайлушко», «сенцы», «детки», «жонки»,

«сынко» и др. Отдельные обороты прямо воспроизводят обычную разговорную речь: «и он (Михаил) ширинку дерг из рук вон у владыки — да на главу владыки», или «а Михайло жил себе животе своем (при своей жизни) в келии един».

Таким образом, низы городского населения Новгорода, тяготевшие к Москве, создают свои литературные произведения, резко отличные и по демократичности формы и по политическому содержанию от витиеватых литературных произведений боярской партии.

Глава VIII

ВОССОЕДИНЕНИЕ НОВГОРОДА С РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ

В конце 1470 или в начале 1471 г. новгородская правящая боярская партия, во главе которой находилась вдова новгородского посадника Марфа Борецкая с сыновьями, вступает в союзные отношения с польским королем и великим князем литовским Казимиром IV. Вскоре в Новгород прибыл литовский князь Михаил Олелькович. Иван III, справедливо усмотрев в этих сношениях новгородских бояр с Литвой и Польшей измену русской земле, начал готовиться к походу. В 1471 г. Иван III собрал широкое совещание, на котором присутствовали представители самых разнообразных слоев населения: духовенство, братья великого князя, князья, бояре, воеводы, воины. На этом совещании был решен вопрос о походе на Новгород. Таким образом, своему походу на Новгород Иван III придал характер общерусского предприятия, поднятого всеми русскими людьми на «изменных» новгородских бояр.

Сражение 14 июля 1471 г. на реке Шелони привело к полному разгрому огромного новгородского войска, в большинстве своем крайне неохотно сражавшегося против войск, собранных Иваном III со всех концов русской земли.

Новгород признал себя «отчиною великого князя Московского», обязался уплатить огромную контрибуцию и отказался от самостоятельной внешней политики.

Но в сентябре 1477 г. потребовались вновь решительные меры против новгородских бояр. Иван III выступил в поход и подступил к самому Новгороду, заняв его окрестности.

Ни один из московских походов ни в прошлом, ни впоследствии не сопровождался такой усиленной пропагандой, таким обилием посланий, как новгородские походы Ивана III.

Поход 1477 г. был обставлен с чрезвычайной пышностью. Уничтожение новгородской независимости рассматривалось не как завоевание, а как воссоединение исконных русских земель под державой «боговенчанного монарха всея Руси». Наступая на Новгород, Иван III явно не спешил, принимал по дороге перебежчиков и затягивал переговоры, очевидно, выжидая,

чтобы московские интересы сами взяли верх в Новгороде. К этому у Ивана III были веские основания: боярская партия, составлявшая крайнее меньшинство, орудовала в Новгороде путем подкупов и террора, которые переставали действовать при одном приближении громадного войска великого князя. Чем ближе подступала к Новгороду московская рать, тем больше перебегало к ней новгородцев, обещавших служить великому князю.

После этого второго похода Ивана III новгородская независимость была окончательно уничтожена, в Новгороде введены московские порядки, а вечевой колокол снят и увезен в Москву, где его повесили на колокольницу «с прочими колоколами звонить».

* * *

С приближением неизбежной развязки — уничтожения новгородской независимости — в Новгороде все усиливаются мистические настроения, все усложняется и делается более жестокой борьба общественных группировок, все растерянее и тревожнее становятся записи летописцев.

Накануне походов Ивана III новгородское летописание утрачивает свою организованность и систематичность. Летопись ведется лишь по инициативе частных лиц, дополняющих и расширяющих списки, начатые их предшественниками. В этих дополнениях нет единства между отдельными летописцами ни в политических взглядах, ни в круге отмечаемых ими событий, ни в стиле и манере изложения. Летописцы то ограничиваются одними лишь новгородскими событиями, то вводят сведения общерусского значения; иногда они лапидарны, иногда же многоречивы и витиеваты. Те части новгородской летописи, которые отличаются традиционным новгородским лаконизмом стиля, лишены, однако, чеканности летописного языка XII—XIII вв. Летописец теряет обычную беспристрастность, как только подходит к предметам, близко касающимся его политических убеждений, и раздражается болтливыми тирадами против своих политических врагов. Летописец, дополнивший один из списков новгородской IV летописи (Строевского), так отчитывает новгородца — сторонника московского великого князя, забившего железом пять новгородских пушек при приближении к Новгороду московского войска: «Како не вострепета, зло мысля на Великий Новъгород не сытый лукавства? не мьзди ли (не ради ли мзды) предаеши врагом Новъгород, о Упадыщче?..»

Не на одного Упадыша сетует летописец. Он осуждает «владычнь стяг» (полк архиепископа новгородского), который не хотел ударить на московскую княжью рать в битве на Шелони. Осуждает летописец и тех новгородцев, которые перед битвой с москвичами «вопили» на «больших людей» и не хотели сражаться.

Утомленные постоянными распрями бояр и шаткостью новгородской политики, многие новгородцы с надеждою смотрели на Москву и грядущее лишение Новгорода его исконной свободы воспринимали как неизбежное следствие изменнической политики новгородского боярства.

В житии архиепископа Ионы сохранился рассказ о том, как Иона в присутствии митрополита мужественно заступался за новгородцев перед великим князем Василием Васильевичем. После упорных и энергичных мольб Ионы великий князь понемногу смягчился и отложил гнев на Новгород. Когда все умолкло, Иона заплакал. Спрошенный о причине скорби, Иона ответил: «Кто обидит людей моих толикое множество, и кто смирит таковое величество града моего (то есть Новгорода), если (если только) усобицы не смятут их и раздоры не низложат их и лукавство зависти не развеет их?»

Таким образом, неурядица новгородской жизни были ясны не только врагам Новгорода, но и защитникам его самостоятельности. В этой атмосфере ожидания близящегося конца новгородской независимости, усугублявшегося еще ожиданием конца мира в 7000 (1492) г., множились грозные знамения, росли мистические настроения в антимосковски настроенной боярской среде и зарождались новые ереси.

В 1470 г., накануне похода Ивана Васильевича III, «текли слезы» у иконы богородицы в церкви Евфимия, «текли слезы» у Николы в церкви на Микитиной улице, «выступала кровь» на гробах новгородских архиепископов. «Того же лета на Федорове улице с тополя води капало много от верха и с сучья». «Недобрые знамения» не прекращались и после поражения новгородцев. В 1471 г. была «гибель луне: полунощи не ясне быв, и аки кровь в луне, и тма бысть не мало время... Той же зимы видеша мнози два месяца на небе. Той же зимы явися на небеси звезда хвостата...» и т. д. Появились смуты и ереси: какие-то «философы» в 1476 г. начали по церквям пети «Осподи, помилуй», а другие «О, Господи, помилуй». С падением независимости Новгорода многие из таких «знамений» задним числом истолковываются как предвестники поражения новгородцев на Шелони и конца новгородской независимости. Постепенно эти мелкие знамения превращаются в многочисленные и пространные легенды, связанные с концом новгородской воли.

«В нашей истории, — говорит В. Ключевский, — немного эпох, которые были бы окружены таким роєм поэтических сказаний, как падение новгородской вольности. Казалось, «господин Великий Новгород», чувствуя, что слабеет его жизненный пульс, перенес свои думы с Ярославова Двора, где замолкал его голос, на св. Софию и другие местные святыни, вызывая из них предания старины».

Легенды о конце новгородской независимости отразились в житиях новгородских святых. Житие соловецкого святого Зосимы, составленное Досифеем в начале XVI в., рассказывает, как Зосима отправился в Новгород просить управы на притеснявших его скит местных жителей и слуг бояр — владельцев Соловецких островов. В Новгороде Зосима побывал у архиепископа и у бояр и все милостиво приняли его, кроме одной Марфы Борецкой — владелицы острова, на котором жил Зосима. Марфа велела отогнать Зосиму от своего дома. Зосима, «главою позыбав», пророчески сказал своим ученикам: «предут, дети, дни, когда затворятся двери дома

сего, и никто из жителей не ступит на него». Однако расположенный к Зосиме архиепископ Феофил заставил все же Марфу пригласить Зосиму к себе. На пиру, сидя на почетном месте (в лицевом, т. е. иллюстрированном, списке жития Зосимы и Савватия Зосима сидит за особым изящным столиком), Зосима, по обычаю своему, мало ел. Взглянув на гостей (Марфа пригласила к себе шестерых новгородских бояр), Зосима вдруг увидел их без голов. Взглянув еще и еще раз и убедившись, что видение не проходит, и поняв его значение, Зосима вздохнул и прослезился. На пиру Марфа испросила у Зосимы прощение и дала монастырю грамоту на владение островом и Сумским погостом.

После обеда ученик Зосимы Даниил спросил его о причине слез. Зосима объяснил: шесть бояр, виденных им без голов, будут со временем обезглавлены. Пророчество Зосимы, рассказывает житие, сбылось: Иван III, заняв Новгород, велел казнить бояр, которых Зосима видел безголовыми.

Помимо основного значения легенды — задним числом прославить святого чудом пророчества, — в ней есть и «боковой» смысл, чисто местного характера: после уничтожения новгородской независимости надо было как-то оправдать то, что Соловецкий остров был подарен монастырю «еретичкою» Марфой Борецкой. Грамота Марфы (эта грамота сохранилась и сейчас) была основным документом на земельные владения монастыря. Поздние новгородские летописи включили в свой состав под 1045 г. легенду об изображении вседержителя в куполе Софийского собора. Легенда рассказывает, как, построив церковь, приступили к росписям, и царьградские иконописцы начали «подписывать во главе» образ вседержителя с благословляющею рукою. Наутро, однако, епископ Лука увидел, что образ написан не с благословляющею рукою. Три раза переписывали иконописцы образ, и каждый раз рука наутро оказывалась сжатою. На четвертое утро услышали иконописцы голос, исходящий от написанного ими изображения: «писари, писари, о писари! не пишите мя благословляющею рукою, напишите мя сжатою рукою. Аз об в сей руце моей сей Великий Новград держу, а когда сия рука моя распространится (раскроется), тогда будет граду сему скончание».

Действительное объяснение происхождения легенды заключается в том, что греческие иконописцы, расписывавшие Софию, написали вседержителя с рукою, благословляющею троеперстием, вместо привычного новгородцам двоеперстия. Рука на изображении была, таким образом, не благословляющею, но она не была и «сжатою», как указывалось в летописи. Это расхождение между летописью и изображением чрезвычайно существенно: оно-то именно и раскрывает конечный смысл легенды: рука на изображении уже полураскрыта, а не сжата, как раньше, при написании образа, как о том свидетельствует летопись: следовательно, «скончание» Новгороду близится. Переписывая в летопись известие о сжатой руке вседержителя под 1045 г., летописец хотел придать ему характер документальности, поразить воображение читателя, который всегда мог сопоставить летописный рассказ с хорошо знакомым ему изображением.

Под тем же 1045 г. и, очевидно, тем же лицом в летописи оказалась записанной и другая легенда о происхождении в Софии иконы Спаса, принадлежавшей некогда греческому императору Мануилу. Царь Мануил сам писал эту икону. Однажды Мануил велел наказать какого-то священника («возложить раны нещадно»). В ту же ночь Мануилу явился во сне Спас тем самым образом, каким он его изобразил на иконе, и укорил царя за то, что он взял на себя право судить клириков (функция, не принадлежавшая в Византии светской власти). Затем Спас указал ангелам перстом на императора Мануила и велел его высечь («возложить раны»). Проснувшись от боли, высеченный Мануил увидел, что Спас на его иконе указывает перстом вниз, как он указывал ангелам в ночном видении. «И восплакался» царь и перестал судить священников. Легенда эта явно имеет в виду «узурпацию» в Новгороде Иваном III судебных прав архиепископа. По смыслу легенды, Иван III был достоин такой же порки, как и император Мануил.

Обе приведенные легенды — об изображении вседержителя в куполе Софии и об иконе Спаса в Софии же «противо места владычня» — принадлежат к типу распространенных в средневековой литературе легенд об оживающих изображениях.

Помимо легенд, сочувственно изображавших новгородскую независимость, имелись легенды, в которых «власть новгородских посадник и тысяцких и всех бояр» рассматривалась с иных — демократических позиций. Такова, например, легенда о Перуне, заключающая в себе явную насмешку над политическими правами Новгорода и его усобицами на Волховском мосту. Легенда эта, обычно помещаемая в начале поздних новгородских летописей и также относящаяся ко второй половине XV в., рассказывает, как первый новгородский епископ Иоаким сверг кумир Перуна, стоявший недалеко от Новгорода в местечке Перынь, и велел бросить его в Волхов. Плывя под Волховским великим мостом, Перун, в которого вошел бес, бросил палицу свою на мост, «ею же безумнии убивающияся, утеху творят бесом».

К числу легенд, несочувственно относящихся к новгородским порядкам эпохи независимости, принадлежит и сказание о построении варяжской божницы в Новгороде. Легенда эта составила, как можно думать по некоторым признакам, вскоре же после падения новгородской независимости. В ней рассказывалось о том, как немцы дали «посул (взятку) велик» посаднику Добрыне и построили с его помощью божницу на месте, где стояла раньше православная церковь Иоанна Предтечи. Бог и Иоанн Предтеча покарали за это посадника: вихрь поднял его над Волховом и ударил им о воду. Добрыня утонул, и тело его, выловленное из реки сетями, оставили непогребенным.

В сказании этом любопытно то, что времена мирного процветания Новгорода и его свободы связываются с тем далеким прошлым, когда Новгород признавал власть «великих князей наших русских». Но уже и тогда, как видно из легенды, посадники злоупотребляли своею властью и за посул готовы были изменить и предать Новгород немцам.

Итак, рассматривая легенды о конце Новгорода, нельзя не заметить, что некоторые из них сочувственно, а другие несочувственно изображали это со-

бытие. Факт этого разделения тенденций новгородской литературы объясняется продолжавшейся в Новгороде борьбой двух политических партий: демократической московской и боярской. Борьба эта принимает особенно ожесточенные формы при архиепископе Сергии и усложняется непосредственным участием в ней приезжих москвичей.

Первым выступлением на новгородской почве природных москвичей (из переселенных или переведенных в Новгород служилых) было пространное произведение, включенное затем в состав новгородской летописи: «Словеса избранна от святых писаний». «Словеса» эти были специально подобраны автором-москвичом против новгородцев. «Словеса» составлены в резко антиновгородском тоне: «мужие новгородци» сравниваются в них со всеми злодеями Ветхого и Нового завета. С озлоблением осуждается в «Словесах» «неукротимая мудрость» новгородцев, которые «лукавством мысли возгордевшеся». Марфа Борецкая характеризуется в «Словесах» как «окоянная злая аспида, ни бога боится, ни человек срамляется». В «Словесах» проводится мысль о божественном характере княжеской власти. «Словеса» несут на себе внятные отголоски современности и принадлежат, очевидно, какому-нибудь из сопровождавших Сергия великокняжеских чиновников.

Крутая политика Сергия вызвала в Новгороде не менее ожесточенное сопротивление. Летописи с сепаратистской окраской включили в свой состав легенду о посрамлении Сергия новгородским святым Моисеем. Легенда рассказывает, как Сергию, проезжавшему мимо монастыря Михаила на Сково-родке, один из священников указал на «гроб строителя монастыря того архиепископа Мосея». «Он же (Сергий), возря на священника», велел ему открыть гроб. Священник возразил, но Сергий с гордостью ответил: «кого сего смердовича и смотриши?» и за это был наказан: он впал в «изумление», то есть сошел с ума. Иногда видели его сидящим без мантии «в одной ряскы» на «Евфимиевской паперти» (т. е. на крыльце Грановитой палаты, где соби-рался Совет господ и совершался владычный суд) или в полдень у храма Софии. Вскоре Сергия удалили в Троице-Сергиев монастырь.

Любопытно, что московский летописец, сообщая об этом же событии, не преминул взвести напраслину на новгородцев, обвинив их в том, что они «волшебством испортили владыку».

Идея святости новгородской старины, которая сама защищает себя от «безумных дерзнутий» москвичей, отразилась и в другой легенде, включенной в качестве одного из «чудес» в житие Варлаама Хутынского. Так же как и Сергий, проезжая мимо Хутынского монастыря, Иван III потребовал открыть ему мощи Варлаама, но исшедший из-под пола огонь опалил трость Ивана, которою он пытался помочь вскрывавшим, и заставил его бежать от раки Варлаама. Каждый раз, как Иван III ударял тростью о пол церкви, она высекала огонь. Иван бросил трость и в паническом страхе бежал из монастыря.

Третья легенда, связанная с тою же идеей неприступной святости Новгорода, переносит действие ко времени расцвета новгородского могущества в XIV в. Король Магнус, неудачливый инициатор крестового похода на Нов-

город, оставил, по легенде, «рукописание», в котором отговаривал своих потомков и наследников от походов на Новгород и Русь.

Магнус перечисляет неудачные походы своих соотечественников, начиная с Биргера, воевавшего против Александра Невского, в которых «не пособлялось» им на Русь. Магнус вспоминает, как у него самого отнял бог ум за поход на Новгород, как он сидел «в изумлении» прикован на цепи и заделан в палате. Последнее поражение Магнуса и гибель его флота от бури были особенно жестоки. Магнус едва спасся, три дня и три ночи проплыв на доске. Ветром внесло его в реку и прибило к берегу у монастыря Спаса, где монахи постригли его в схиму. «А все то меня бог казнил за мое высокоумие, что есмь наступил на Русь за крестным целованием (т. е. нарушив крестное целование). А ныне приказываю своим детем и своей братии: не наступайте на Русь на крестном целовании; а кто наступит, на того бог, и огонь и вода, им же мене казнил; а все то бог сотворил ко спасению моему».

В легенде о Магнусе и в легенде о Сергии есть общая деталь, сближающая их между собою; и того и другого бог наказывает за покушение на новгородскую старину, отнимая разум.

Так идея защиты новгородской независимости и величия его прошлого после завоевания Новгорода Москвой сменяется идеей божественной неприступности его святынь. Новгородские сепаратистские настроения все более и более принимают церковную окраску.

Глава X

НОВГОРОД В СОСТАВЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Присоединение Новгорода к Москве не сопровождалось стремлением к разрушению его культурных ценностей. Уничтожая новгородскую независимость, москвичи не считали себя завоевателями, точно так же, как и представители демократической московской партии в Новгороде не рассматривали себя как врагов родного города. Признание значительности одного из старейших русских городов постоянно ощущается в отношениях Москвы к Новгороду. Москва широко использовала новгородские летописи и исключительные книжные богатства Новгорода, приглашала к себе новгородских иконников и строителей, подчеркивала славу и величие Великого Новгорода, исконную зависимость его от московских великих князей, усматривая новгородскую измену лишь в «последних летех». Постепенно Москва обстраивала новыми стенами новгородский Детинец, возвратила в Новгород софийскую казну, увезенную было Иваном III, перепланировала город, расширяя улицы, упорядочила городскую жизнь.

* * *

С конца XV — начала XVI в. строительство в Новгороде в основном переходит в руки московских купцов, переселенных в Новгород Иваном III.

Крупные новгородские купцы — москвичи по происхождению — заказывают постройку церквей новгородским артелям каменщиков. Противоречия между московскими вкусами заказчиков и новгородскими строительными традициями не могли не сказаться в новгородских постройках этой поры. Крупнейшими строителями Новгорода в XVI в. были «московские гости» Сырковы и Таракановы, вновь поставившие Мироносицкую церковь (1510 г.) на Ярославовом Дворище, церковь Климента (1520 г.), Параскевы Пятницы на Торговище (1524 г.), Прокопия (1529 г.) и др.

Наивное применение московских строительных приемов в сочетании со старыми типами новгородской архитектуры XII в. представляет собой церковь Бориса и Глеба (1536 г.) на Торговой стороне в Новгороде. Московское пятиглавие этой церкви (очевидно, заказанное строителям и, кстати сказать, неумело примененное) совпало с пятиглавием новгородских церк-

вей XI—XII вв. и дало возможность строителям обратиться к попыткам возрождения древнего позакомарного (посводного) покрытия (впрочем, вместо волнистой кровли строители покрыли закомары мелкими фронтонами, придавшими постройке наивный и незаконченный вид).

Но не только московские купцы строят в Новгороде. В 1515 г. отец Ивана IV Грозного — Василий III построил в Хутыньском монастыре недалеко от Новгорода Преображенский собор, поражающий своими торжественными и монументальными формами, характерными для московской архитектуры начала XVI в.

Новгородское зодчество, включенное в общий процесс развития русской архитектуры, продолжает свое движение вперед. Значительно увеличивается количество построек и их размеры.

* * *

Во второй четверти XVI в. в Новгороде наблюдается возрождение организованной работы над летописанием. В 1533 г., при ближайшем участии новгородского архиепископа Макария — будущего сподвижника ряда культурных предприятий Грозного, — была составлена новая редакция хронографа (всемирной истории), а в 1539 г. — новый летописный свод.

Среди летописных известий начала XVI в. особенный интерес имеет рассказ о попытке «некоего хитреца» псковича перегородить Волхов плотью и поставить на нем мельницу.

Пскович поставил на Волхове «срубы великии», которые топил затем на дно Волхова, «чтобы ему отнять часть у Волхова». Между срубам пскович сделал ограду, поставил колесо и жернов, «и камень начал вертеться».

Триста рек «великих и малых» впадают в Ильмень, а «то озеро током единым темь Волховом сквозе весь Великий Новгород и входит во озеро Ладожское, он же хотя на той реце таковую вещь зделати!» — восклицает летописец и затем рассказывает, как весной разливом вод и внесенным в Волхов льдом разнесло плотину, а сам строитель принужден был бежать от недовольных новгородцев «страха ради».

Возрожденная при Макарии летописная деятельность владычного двора тесно связана с другим литературным предприятием, выполнявшимся собранным Макарием кружком книжников: Великими Макарьевскими четьями минеями. Задача, которую ставил себе Макарий при составлении этих миней, грандиозна. Макарий объединил в них все жития местных русских святых и многие другие литературные произведения. Это было идейным собранием русской церкви, подобно тому политическому объединению Руси, которое незадолго до этого было осуществлено московскими великими князьями.

При архиепископе Макарии в 1537 г. было придано окончательное московское оформление житию Михаила Клопского. Архиепископ Макарий был озабочен переработкой жития Михаила Клопского по целому ряду причин. По преданию, Михаил был в каком-то свойстве с московскими князьями. «Чудеса» первых двух редакций говорили о вражде Михаила с новгород-

скими посадниками и архиепископами. Михаил предсказывал поражение новгородцев москвичами, был противником приглашения литовского князя Михаила Олельковича и т. д. Все это делало его житие удобным объектом новой переработки всецело в московском духе. Москва получала себе, таким образом, союзника в лице одного из наиболее почитаемых новгородских святых. Возвеличение памяти Михаила Клопского было важным политическим шагом, отмеченным даже в летописи.

Впервые в истории древнерусской книжности составление нового жития было поручено светскому лицу: московскому чиновнику, сыну боярскому и храброму воину, Василию Тучкову.

Тучков значительно усилил антиновгородские тенденции жития, ввел новый эпизод, в котором гибель Новгорода предсказывается Михаилом Клопским в самый день рождения Ивана III. В уста Михаилу вложены резкие осуждения и поношения новгородцев: «почто, безумнии, яко пьяни мятетеся? Аще не утолите гнева добродетельного царя Ивана Васильевича, то многи беды примите; пришед бо за неисправление ваше, станет в берегах и многу победу покажет» и т. д.

Уже в XVI в., после включения Новгорода в состав единого Московского государства, новгородцев продолжал тревожить страх за судьбу своего города. Покаянные настроения остаются в литературе и после того, как угроза конца мира в 1492 г. не оправдалась. Но вместе с тем легенды о конце Новгорода приобретают в XVI в. иной характер. Политическая острота темы снижается, и литература обращается к бытовым тревогам, как это было в XII в.

В 1508 г. грозные стихийные бедствия опустошили Новгород значительно сильнее, чем походы Ивана III. Три осени сряду умирали в Новгороде люди «железою» — повальной болезнью. В осень 1508 г. умерло 15 396 душ. Затем в том же году в страшном пожаре выгорела вся Торговая сторона; осталась лишь малая часть городской стены. От жары кальцинировались и расседались известняковые плиты, входившие как строительный материал в новгородские постройки. Пожар раздувался великим ветром. Вихрь гнал на Волхове суда к пылавшей части города и топил их. Люди пытались спастись в больших садах, но огонь достигал их и там. После пожара нашли 2314 трупов (по другой версии 5314), а число сгоревших в пепел один «бог весть». «Николі же в Новгороде таково пожара не бысть».

События 1508 г. послужили поводом для составления повести, задним числом предсказывавшей Новгороду «наказание за грехи».

Пономарь Тарасий был однажды ночью в церкви Преображения Хутынского монастыря. Внезапно Тарасий увидел, как зажглись свечи и возгорелись кадилаицы и церковь наполнилась благоуханием фимиама и ливана. «И зрит понамарь зрящими очима, не во сне, но на яве» — вышел из гроба чудотворец Варлаам и начал молиться со слезами и с великим умилением. Варлаам молился три часа, а затем послал Тарасия на кровлю собора.

С кровли собора Тарасий увидел, что Ильмень-озеро поднялось над Новгородом и готово его затопить. Когда Тарасий в ужасе спустился вниз,

Варлаам объяснил ему: «Господь бог хочет езером Илмером потопити Великий Новгород, за умножение грехов людских всенародного множества и за беззаконие и неправды их».

Снова Варлаам молился три часа богу и снова послал Тарасия наверх. Во второй раз Тарасий увидел множество ангелов, стреляющих огненными стрелами в народ — на мужи, и на жены, и на дети. Перед каждым человеком стоял ангел-хранитель, держа книги и читая в них божие повеление, и тех, кого находил в этих книгах живыми, мазал миром кистию из сосуда, а тех, кому написано было умереть, оставлял без помазания.

В третий раз взошел Тарасий на церковный верх и увидел над городом огненную тучу. Варлаам объяснил Тарасию, что он умолил богоматерь от первого наказания — потопа, но Новгород поразят мор и пожар.

Несмотря на обилие общих мест и мистическую окраску, повесть включает, однако, несколько конкретных моментов, делающих ее типично новгородским произведением.

В «Повести о видении пономаря Тарасия» прежде всего поражают своею яркостью и выразительностью зрительные образы: озеро, «воздвигавшееся на высоту, хотя потопити Великий Новъград», огненная туча над городом и т. д.

Эти зрительные образы получили многочисленные отклики в новгородской живописи XVI—XVII вв. Обилие зрительных элементов составляет характерную черту новгородских повестей и легенд: не случайно большинство из них связано с иконами, фресками и архитектурными сооружениями.

Конкретность и зрительность отдельных мотивов «Повести о видении пономаря Тарасия» позволяют уточнить ее датировку. Хутынский монастырь был построен неподалеку от Новгорода на небольшом холме, резко контрастирующем с окружающей Новгород равниной. В 1515 г. по повелению московского князя Василия Ивановича в Хутыне на холме был воздвигнут новый Преображенский собор — самый высокий по своим размерам из новгородских церквей. Это был один из немногих поздних новгородских храмов, имевших внутренний ход на кровлю, с которой открывался единственный и неповторимый вид на Новгород: город расстилался на юг от собора, был виден во всех своих деталях, а за городом, как бы нависая над ним, на самом горизонте стояло казавшееся выпуклым Ильмень-озеро. Открывавшаяся с крыши Хутынского собора панорама могла быть поводом к созданию легенды. Упоминание в повести «первого строения церкви каменного Спаса» окончательно подтверждает, что повесть была составлена вскоре же после постройки второго Преображенского собора в Хутыне, то есть после 1515 г.

Сепаратистские настроения в новгородской литературе XVI в. не имеют уже прежнего значения. Политические устремления новгородцев сменяются чисто церковными, но при этом литература редко возвеличивает новгородскую церковь в целом, во главе которой стоял архиепископ москвич, а занимается прославлением местных святых и монастырей: Тихвинского, Хутынского, Антонова и др.

Притязания новгородской церкви на особое место среди православных епархий решительнее всего звучат лишь в известной «Повести о новгородском белом клобуке».

Повесть рассказывает о том, как новгородский архиепископ Василий Калика получил от константинопольского патриарха символ особой благодати — белый клобук. Белый клобук был подарен папе Сильвестру римским императором Константином Великим. Константин сделал этот клобук римскому папе по повелению явившихся ему во сне апостолов Петра и Павла как символ духовной власти, равный царскому венцу. С отпадением Рима от православия белый клобук папе было повелено свыше отправить в Константинополь. Однако ангел явился константинопольскому патриарху и велел переслать клобук в русскую землю в Великий Новгород: «тамо бо ныне воистину славима есть Христова вера». Повести предпослано небольшое предисловие в форме письма Дмитрия Толмача новгородскому архиепископу Геннадю. Дмитрий пишет, как он разыскал по приказанию Геннадия в Риме «Повесть о белом клобуке», которую римляне «срама ради таятся велми».

Яркая личность Дмитрия Герасимова Толмача, от лица которого ведется предисловие «Повести о белом клобуке», позволяет нам представить облик образованного новгородца. Дмитрий получил образование в Ливонии под руководством псковича Мисюря Мунехина, был переводчиком Посольского двора, посланником при дворах шведском, датском, прусском, венском и римском. Павел Иовий хвалит ум Дмитрия и приятность его в обхождении. Дмитрий неоднократно выполнял различные книжные поручения Геннадия и известен рядом посланий.

К сюжету «Повести о белом клобуке» тесно примыкает и житие новгородского святого Антония Римлянина, сохранившееся, впрочем, только в поздней обработке (конца XVI в.), но корнями своими входящее глубоко в древность. Житие Антония также трактует общую и для «Повести о белом клобуке» тему о переходе святынь из Рима в Новгород. Житие рассказывает, как после отпадения Рима от православия монахи, оставшиеся верными «истиной вере», принуждены были скрываться от гонений в пустынях. Среди них был и Антоний, избравший местом своего подвижничества скалу на берегу моря. В бурю, когда Антоний молился на камне, волна внезапно подняла камень и понесла его «ябо бы на карабли легце». Камень принес Антония из «теплого моря» в реку Неву, из Невы в «Нево езеро» (Ладожское), а затем понес его вверх по реке Волхову «против быстрин неизреченных» и остановился на правом берегу вблизи Новгорода, как только «начаша во граде звонити к заутреннему пению».

Житие описывает недоумение Антония, попавшего в неизвестную ему страну, вопросы собравшихся любопытных, на которые Антоний не мог отвечать, не зная русского языка, и т. д. Святой узнает о том, куда он попал, от купца «иже умеаше римским и греческим и русским языком».

Из дальнейших эпизодов жития наибольший интерес представляет ссора Антония с рыбаками, которых Антоний нанял выгнать тоню. Суд с этими рыбаками «градъцких судий», аргументация рыбаков, требовавших

отдать им выловленную бочку с драгоценностями, так как «мы наяхомся (нанялись) у тебе рыбы ловить, а бочка наша есть», описаны с чертами реальности. Антонию удалось склонить на свою сторону судей, лишь рассказав им историю бочки («делвы»), приплывшей вслед за ним из Италии. В бочке, выловленной рыбаками, были золотые, серебряные и хрустальные церковные сосуды, потиры и блюда, которые были брошены Антонием в Италии в море, чтобы они «не осквернились от богомерзких еретик».

Таким образом, и в житии Антония вновь встречается популярный в новгородской литературе мотив «самочинного» передвижения вверх по течению Волхова. Быстрое течение Волхова, чрезвычайно затруднявшее доступ в Новгород со стороны моря, не раз, очевидно, заставляло задумываться новгородцев над возможностью «самочинного» передвижения вверх по реке как о высшем «чуде».

Волхов — широкая и полноводная река, на которой расположен Новгород, — постоянно действует в литературных произведениях Новгорода.

Атмосфера большого портового города, одного из самых больших в Европе (превышавшего тогдашний Лондон), питала собою новгородские ереси, умственное движение и отразилась в обильном проникновении западной культуры, в пестроте всей новгородской культурной жизни.

ГРОЗНЫЙ В НОВГОРОДЕ

В Новгороде и его окрестностях в годы царствования Ивана Грозного продолжается обширное строительство. По-видимому, по распоряжению Грозного недалеко от его новгородского дворца, на Московской улице Торговой стороны, была построена церковь Никиты. В монастыре знаменитого сторонника Москвы Михаила Клопского по почину Грозного и частью на его пожертвования строится Троицкий собор (1562 г.). В Новгороде, в особенности в годы пребывания в нем Грозного, усиленно ведутся летописные записи, составляются жития святых.

В конце 60-х гг. XVI в. в Новгороде обнаруживается измена. Часть духовенства и богатых новгородцев примкнула к заговору князя Владимира Андреевича. 2 января 1570 г. Грозный с войском вступил в Новгород и произвел над его жителями суровую расправу.

Новгородская летопись сохранила сухую, но точную в передаче исторических событий повесть «О приходе царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России самодержца, како казнил Великий Новгород, еже оприщина и разгром именуется». Повесть написана очевидцем событий 1570 г.

Когда до слуха Грозного дошли вести об изменнических замыслах новгородского архиепископа Пимена и его владычных бояр, рассказывает повесть, Грозный предпринял поход на Новгород и на его «изящных именитых людей». Повесть с медлительной последовательностью описывает, как царь послал вперед себя «изгоном» передний полк, обложивший город крепкими заставами; далее повесть передает начало расправы — правеж¹ и конфискации. Следует описание торжественного въезда в Новгород с сыном Иваном, бесчисленными полками, множеством князей, бояр и детей боярских, встречи царя с архиепископом, которого Грозный в лицо называет волком, хищ-

¹ В древнерусском праве правеж — принудительное взыскание с обвиненного ответчика. Если должник не хотел или не мог заплатить долга, его ставили на правеж, который состоял в том, что в течение известного времени его ежедневно публично по несколько часов били батогами по ногам.

ником, губителем, изменником и «нашему царьскому багру и венцу досадителем». Действие начинает разворачиваться все быстрее с того момента, когда в «столовой палате» Пимена среди обеда Грозный «нечто помедли» и вдруг «возопил» страшным голосом «царский ясак». По этому воплю Грозного начался страшный погром, который, изо дня в день разрастаясь, перекидывается с архиепископского двора на Софийскую сторону, затем на Торговую и, наконец, на всю Новгородскую область.

Подробно, с протокольной точностью, описывает повесть пытки, казни, изображает, как «государевы люди» топили в Волхове мужчин, женщин и детей, громили их дома, посекали скот. Развязка наступает неожиданно, и повесть заключается эффектной концовкой. Грозный приказывает собрать «по лутчшему человеку» с каждой улицы и, когда они стали перед ним «с трепетом, дряхли и уныли, отчаявшеся живота (жизни) своего, быша яко мертви», Грозный милостиво посмотрел на них и, велел молиться за себя, сыновей и все воинство, отпустил с миром по домам. На этом прекратился и разгром Новгорода.

Громя новгородскую измену, Грозный увез из Новгорода только что отлитый при митрополите Пимене огромный пятисотпудовый колокол. Вывезен этот колокол Грозным был не случайно: с ним, по-видимому, связывались в Новгороде вождедения о восстановлении старых вечевых порядков, так как в надписи на нем отмечалось, что он отлит «молитвами» только новгородских святых, выбор которых характерен: архиепископов Иоанна, Евфимия II и Ионы. Но Грозный не остался в долгу у Новгорода и через два года прислал в Новгород новый колокол, специально отлитый в Александровской слободе¹.

---

¹ А. Строков и Б. Богусевич. Новгород Великий. Л., 1939, стр. 203.

БОРЬБА НОВГОРОДЦЕВ С ПОЛЬСКО-ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИЕЙ

В начале XVII в. шведские и польские войска подвергли страшному опустошению новгородскую землю. Неприятельские отряды поджигали погосты, насильно сгоняли крестьян на работы, разверстывали большие постоянные деньги, отбирали продовольствие. Крестьяне обязаны были поставлять шведам и полякам муку, овес, солод, хмель, вино, масло, рыбу, соль, кур, сено, дрова, свечи и, кроме того, работать на них. Ослушавшихся постигала жестокая кара.

Грабежи и жестокости иноземных захватчиков вызвали огромный размах партизанской войны. Крестьяне нападали на отряды интервентов и истребляли их. Боясь партизан, французские наемники шведского полководца Якова Делагарди отказывались выступать в походы. Мелкие отряды шведов чувствовали себя в деревнях, как в осаде. Шведы жгли села, но партизанская борьба против них не прекращалась.

Сильные рати поляков и шведов угрожали самому Новгороду. Измена части боярства помогла шведам при штурме города. Хотя городовые казаки и мелкий люд оказали полякам ожесточенное сопротивление, шведы все же ворвались в город и стали его грабить, насиловать и убивая жителей и сжигая дворы посадских.

Ожесточенное сопротивление встречали шведы и в других новгородских городах. Когда шведы напали на Колу, они встретили такой отпор, что принуждены были отступить. Исключительная храбрость и самоотверженность русских крестьян и посадских людей удивляли издавших виды иноземных наемников. Когда после жестокой осады пал новгородский город Корела (ныне Приозерск), то из трех тысяч жителей в нем осталось в живых всего сто. В Орешке (ныне Петрокрепость) после штурма живыми оказались из гарнизона всего двое.

За годы хозяйничанья всеевропейского сброда наемников Новгородская область была страшно опустошена. Население Новгорода частью вымерло, частью разбежалось, соединившись с отрядами партизан. В начале XVII в. в самом городе было много пустырей: пустовали целые улицы. «А в твоей

государевой отчине, — писали новгородцы в челобитной царю, — в Великом Новгороде Софийская сторона вся пуста и разорена до основания, а на Торговой, государь, стороне также многие улицы и ряды пусты; в которых, государь, улицах и есть жилишка, и тех немного: в улице человек по осьми и десяти, да и те бедны и должны».

Земля стояла непаханной и зарастала сорняками. Запустели мирные села, погосты, починки. В лесах бродили одичавшие лошади. Но разбежавшиеся жители соединялись в отряды и били вражеских солдат всюду, где бы они ни появлялись. Жители городов сносились друг с другом посланиями, объединялись в ополчения. В Тихвине шведский гарнизон был почти уничтожен. Шведам не удалось замирить и Псков. Именно эта война, до крайности истощившая шведское войско, заставила их поторопиться с заключением Столбовского мира, по которому многое из фактически завоеванного шведами возвращалось русским.

* * *

Несмотря на страшное разорение и опустошение Новгорода, культурная жизнь не замирает в нем. Ко второй половине и к концу XVII в. в Новгороде относится ряд построек, из которых наиболее интересны гражданские. В Детинце был построен в конце XVII в. так называемый Лихудовский корпус. В нем помещалась славяно-греко-латинская школа братьев Лихудов. Восточный фасад этого корпуса украшен сложными оконными наличниками. У Софийской звонницы находилась другая гражданская постройка XVII в., примечательная своими богатыми наличниками окон. В южной части Детинца сохранились стены Никитинского корпуса второй половины XVII в.

В течение всего XVII в. не прекращается в Новгороде и литературная деятельность. Характерною чертою новгородской литературы XVII в. является по-прежнему отчетливое отражение в ней социальной борьбы молодых и больших людей городского населения. Новгородские летописи, ведшиеся местными летописцами, твердо стоят на стороне мелкого люда против «властительские неправды и грабления и обиды».

Под 1611 г. в новгородских летописях имеется несколько рассказов о взятии Новгорода шведскими войсками Якова Понтуса Делагарди. Один из них резко выделяется своими демократическими тенденциями. Он прямо говорит о пьянстве, нерадении, грабежах и измене новгородских начальников. Резко осуждает автор рассказа новгородского воеводу Василия Бутурлина, который, воспользовавшись тем, что шведы заняли Софийскую сторону, ограбил со своими ратными людьми лавки и дворы с товарами на Торговой стороне. Измена воевод противопоставлена в повести стойкости стрелецкого головы Василия Гаютина, дьяка Афиногена Голянищева, некоего Василия Орлова и казацкого атамана Тимофея Шарова с сорока казаками. «Многою статьею их немцы прельщаху, чтоб они здалися, они же не здашася, все помроша за православную веру». Софийский протопоп Аммос, чем-то провинившийся и бывший «в запрещении» у новгородского митрополита, заперся у себя во дворе с несколькими своими советниками, бился в рукопашную со

шведами долгое время и многих перебил, не пустив шведов к себе в дом. Митрополит, молившийся в это время на городской стене о победе новгородцев, видя «крепкое стоятельство» провинившегося протопопа, заочно простил его. В конце концов шведы подожгли двор протопопа, перечившего митрополиту и не сдавшегося шведам. В огне погибли все защитники — ни один не сдался живым, несмотря на многократные уговоры шведов.

В псковской переработке дошло до нас новгородское сказание «О бедах и скорбех и напастех, иже бысть в Велицей России...» Основная тема этой повести — выяснение причин иноземной интервенции начала XVII в.: «как и откуда начашася сия злая быти». Тема эта составляет главное содержание многих русских повестей этого периода, однако в перечислении внутренних причин, приведших к губительным для русской земли последствиям, автор резко отступает от взглядов других писателей. По существу, виновной он считает лишь одну часть русского общества — «бессловных зверей» — бояр, «сильных градодержателей», «нарочитых людей».

Автор сказания обвиняет бояр в чрезмерной склонности ко всему иноземному, в изменах, в постоянных попытках возвести на престол иноземцев, в разделении русских земель, в утеснении страны налогами, в присвоении государевых владений, в отравлении лучших государственных людей и т. д. и т. п.

Некоторые «от боярска роду» изображаются всюду как «изменники и нарушители христианству, любящие поганские обычаи и законы». Поляки умышляют на русскую землю вместе «с русскими изменники с бояры». Бояре наговаривают Шуйскому на его брата Михаила, портят царицу Анастасию при Михаиле Романове. Самого царя Михаила Федоровича сказание защищает: он добр, тих, кроток, смирен, благоуветлив, во всем подобен прежнему царю и дяде своему Федору Ивановичу. Во всех неустроениях русской земли при Михаиле Федоровиче виноваты одни лишь «злые чаровники» и «зверообразные человеки» — бояре.

Измене боярства автор-новгородец противопоставляет стойкость и мужество всего русского народа.

Несмотря на то, что сказание это составлялось, по выражению С. М. Соловьева, «по стоустой молве народной», оно довольно искусно по форме и по языку, близко примыкая по стилю к московской литературе того же времени.

В новгородской литературе XVII в. мы не найдем уже тех сепаратистских устремлений, которые имелись в ней в предшествующие столетия. В ней нет ни особой «областной» исторической концепции, ни полного единства местных литературных стилей. Все более ощутима в ней широкая патриотическая тенденция. Чувство единства русского народа никогда еще не сказывалось в новгородской литературе с такой силой, как именно в это время.

Так постепенно культура Новгорода теряет местные черты и вливается в культуру общерусскую. Постепенное иссякновение местных особенностей не было результатом обеднения местных культурных сил. Наоборот, оно яви-

лось как следствие наплыва различных культурных влияний, в первую очередь московских, растворивших характерные черты местных новгородских школ в искусстве и в литературе; оно явилось как следствие демократизации литературы, как результат общего подъема патриотического настроения. Теряя местные черты, новгородская культура приобретает черты общенациональные.

* * *

Творя настоящее, советские люди направляют все свои помыслы в будущее. Перед нашим духовным взором раскрываются необычайные сокровища, которыми будет владеть наша Родина через семь, десять, двадцать, сто лет...

Думая о наших детях, внуках, правнуках, мы верим, что в их жизни не будет войн и что у них будет всё. Но всё — это не только межпланетные корабли, победа над социальной несправедливостью, старостью, болезнями и смертью. Это — и сияние зорь над бескрайними русскими полями, и золото осенних рощ, это — и красота полноводного Волхова, и весенние пересвисты птиц над прильменскими просторами...

Больше, чем когда-либо, потомкам нашим нужна будет Родина и ее славное прошлое.

Постигая годы великих революционных дерзаний и побед, думая о горячих людях, созидавших прекрасную жизнь для прядущих поколений, потомки наши будут обращать свои мысли и к летописям глубокой древности — к новгородским черным людям, сражавшимся на Волховском мосту и на Вечевой площади, сказителям поэтических былин, новгородским художникам и мастерам, воплотившим в своем вдохновенном искусстве бессмертные народные традиции. Всё будет беречь благодарная память потомков...

В современном Новгороде наряду с работниками промышленности трудятся специалисты музейного дела, археологи, археографы, хранители древних рукописей и книг, архитекторы-реставраторы, искусствоведы. Они ведут борьбу со смертью, которая подстерегает не только людей, но и их неповторимые творения. Бережно извлекают они из небытия и оберегают от гибели неоценимые сокровища. Они терпеливо, шаг за шагом реставрируют здания, фрески — мировые шедевры русского искусства, — спасают их от разрушительных действий времени, жары и мороза, палящих лучей солнца, дождя и сырости, от равнодушия или легкомыслия тех, кто не хочет знать национальной культуры или не способен ее ценить.

Проявляя заботу о памятниках нашей древней культуры, они заботятся о нашем будущем.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Софийский собор 1045 г.

Софийский собор. 1045 г.

Царица Елена. Деталь фрески
Софийского собора. XI в.

Пантократор в куполе Софийского
собора. Фреска XII в. Погибла.

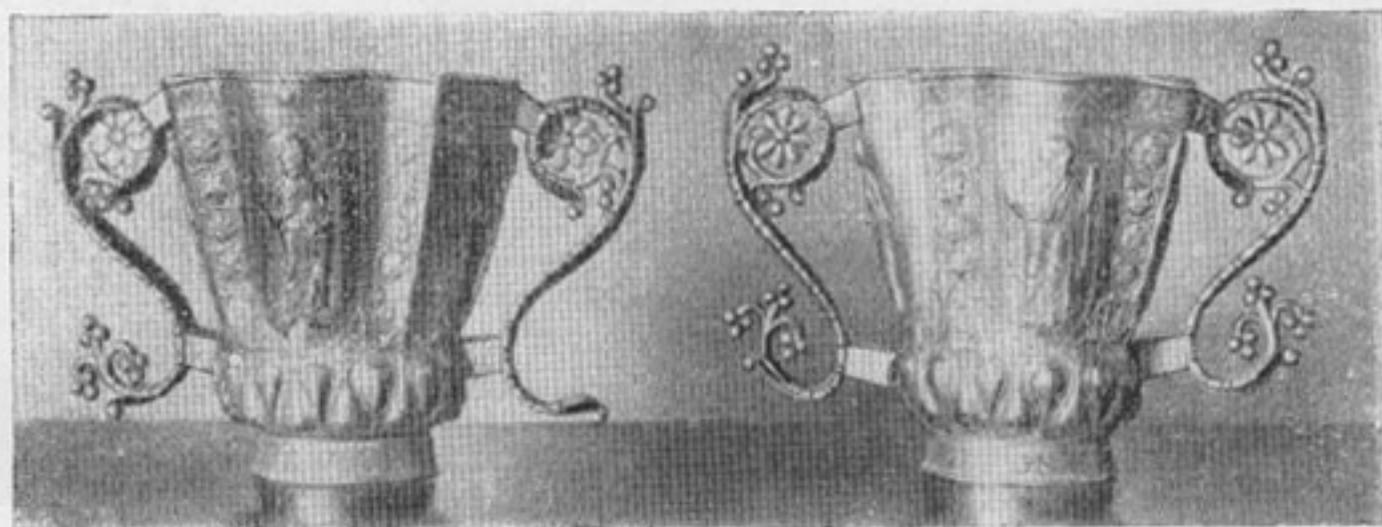
Николо-Дворищенский собор 1113 г.
Фото М. К. Карсера

Собор Антониева монастыря.
1117—1119 гг.

Жена Иова. Деталь фрески начала XII в. в подклетах
Никола-Дворищенского собора.

Кратирь XII в. новгородской работы. Новгородский Историко-художественный музей

Георгиевский собор Юрьева монастыря. 1119 г.

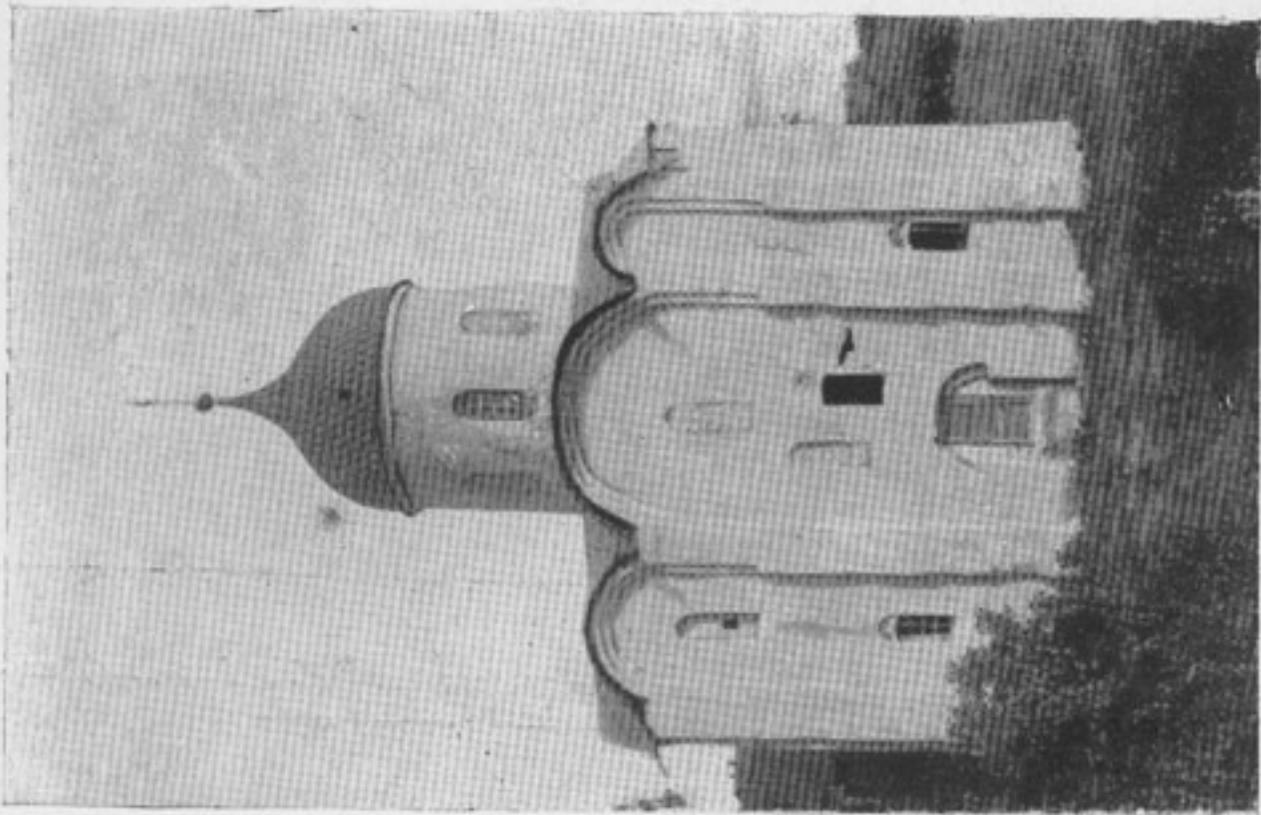
Фото М. К. Каргера

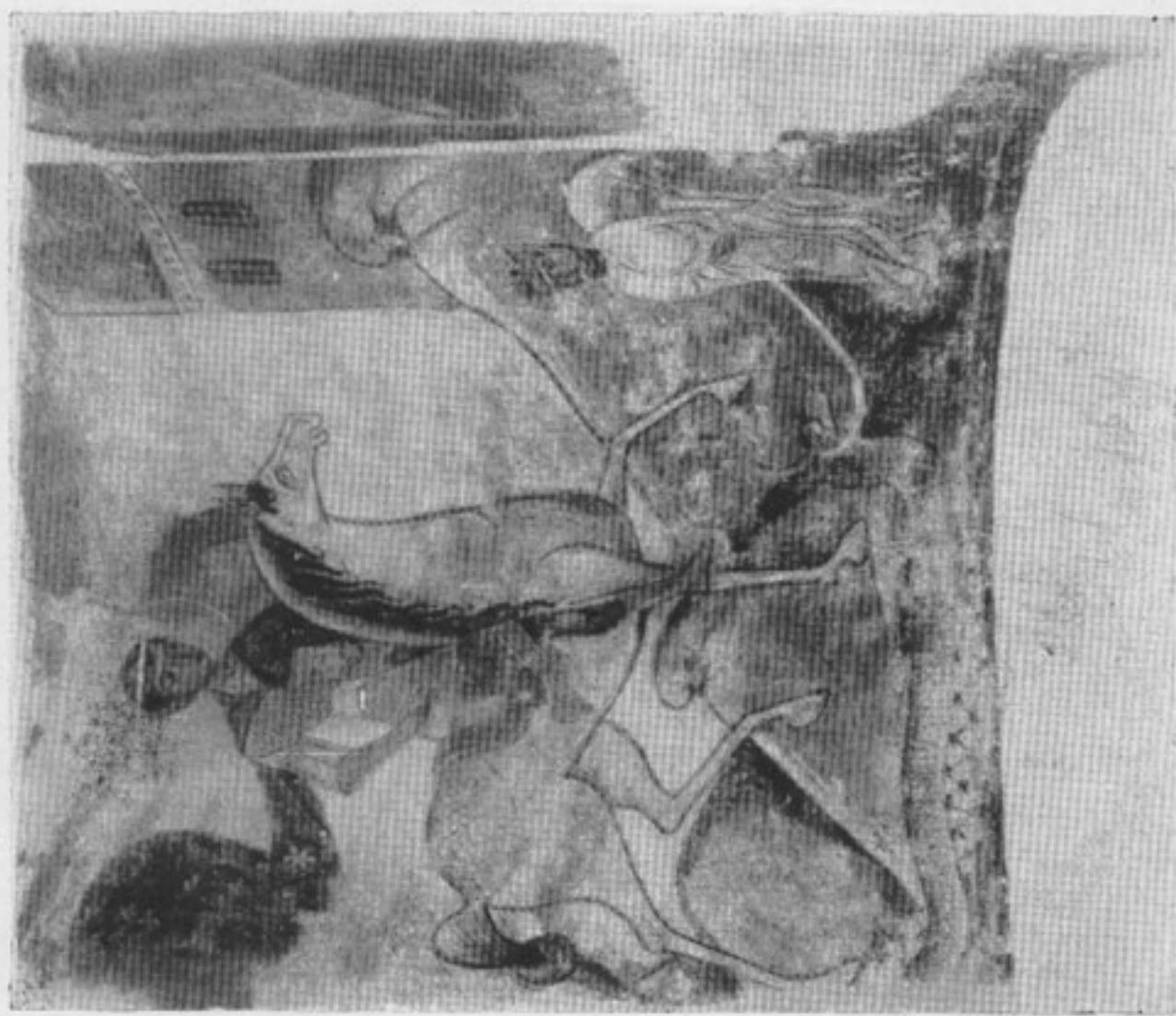
Китоврас. Клеймо русской работы Сигтунских врат XII в. западного входа Софийского собора. Погибло.

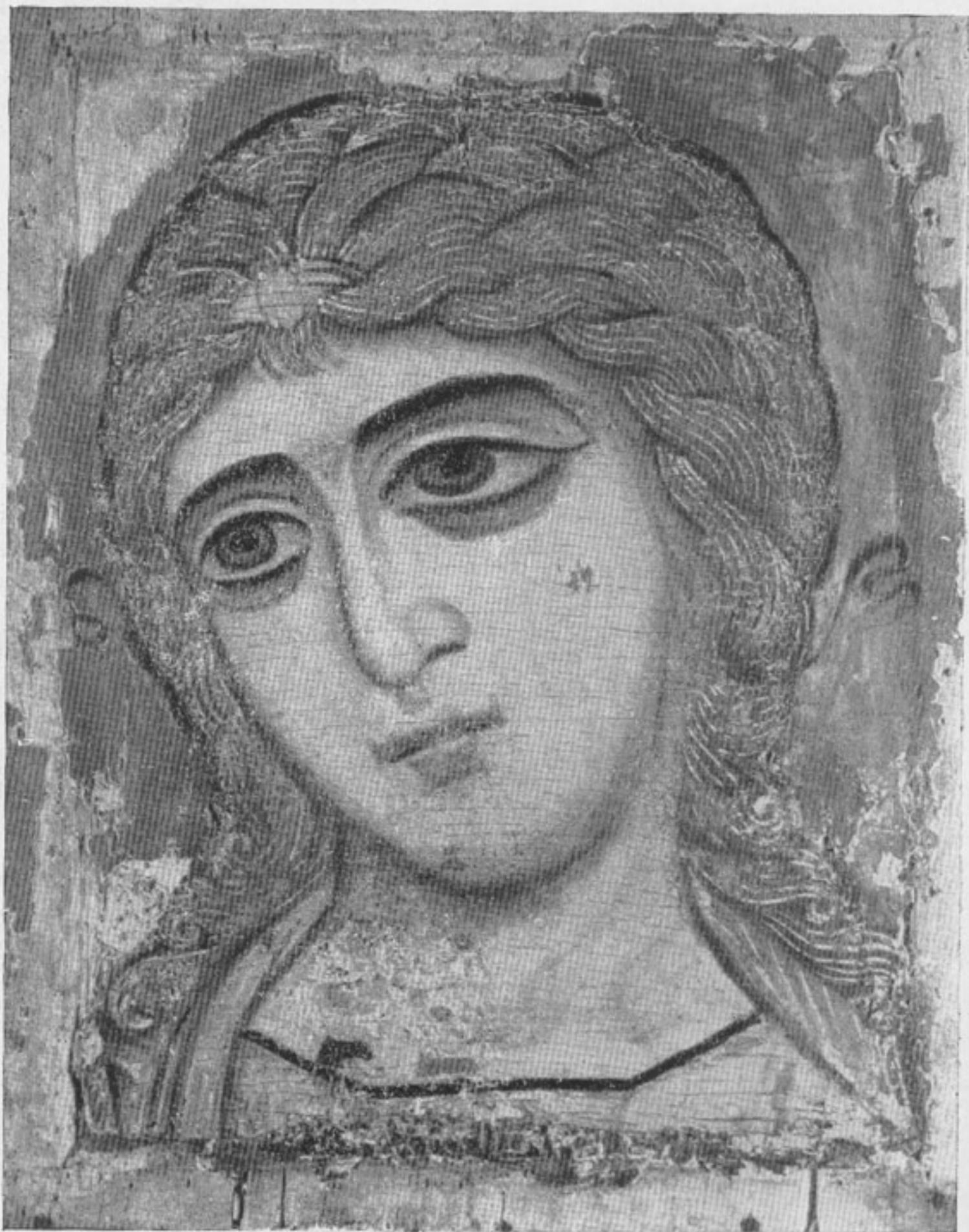
Крепость Старой Ладogi.

Церковь : Георгія в Старой Ладоге.
XII в.

Фреска «Георгий» из церкви Георгія
в Старой Ладоге. XII в.

«Ангел Златые Власы». Новгородская (по определению В. Н. Лазарева) икона конца XII в. Государственный Русский музей.

Изображение отца Александра Невского — князя Ярослава Всеволодовича.
Деталь фрески середины XIII в., в Нередице.

Церковь Николая Липного. 1292 г. До ее разрушения фашистами.

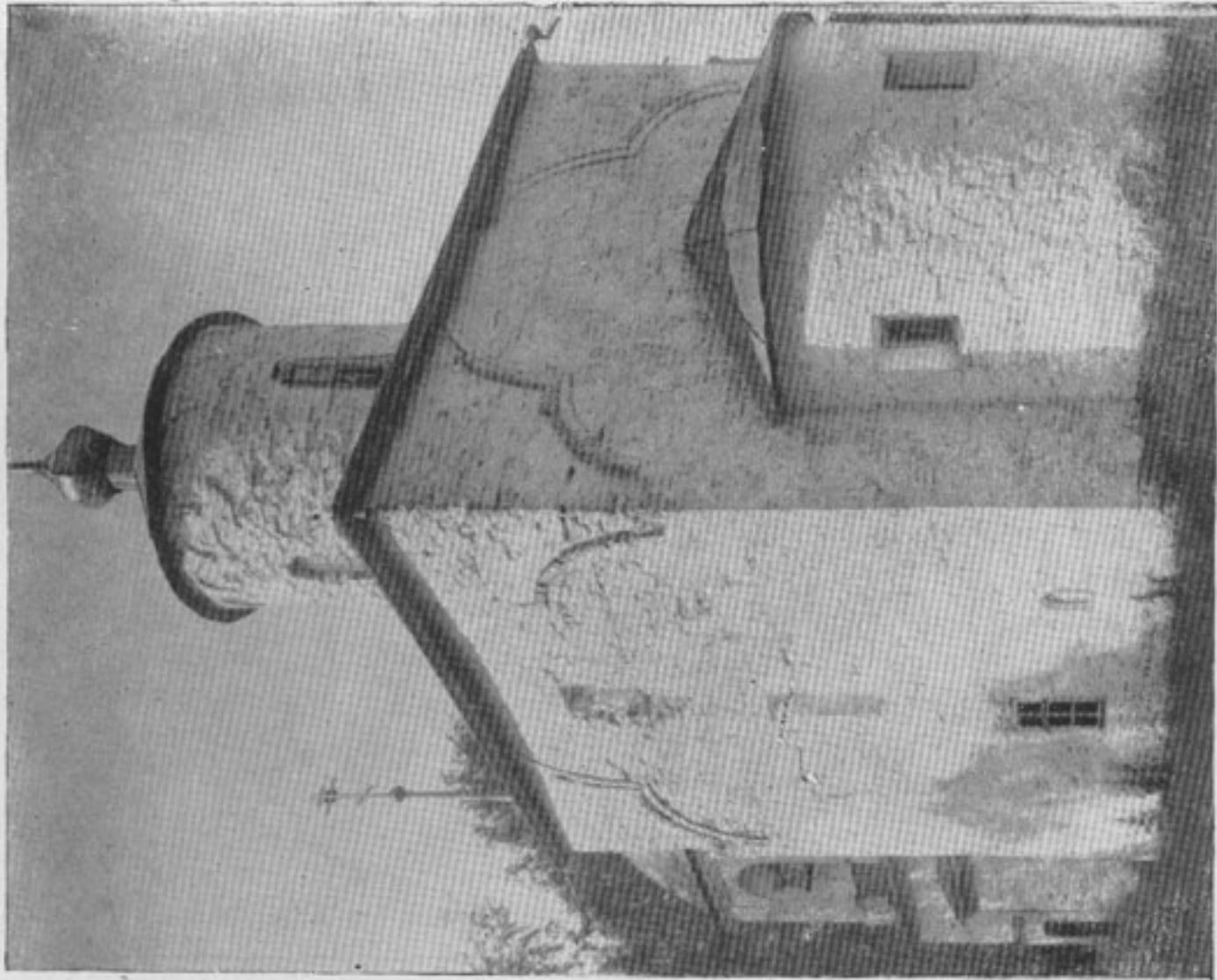
Деталь иконы «Три пророка». XIV в. Государственная Третьяковская галерея.

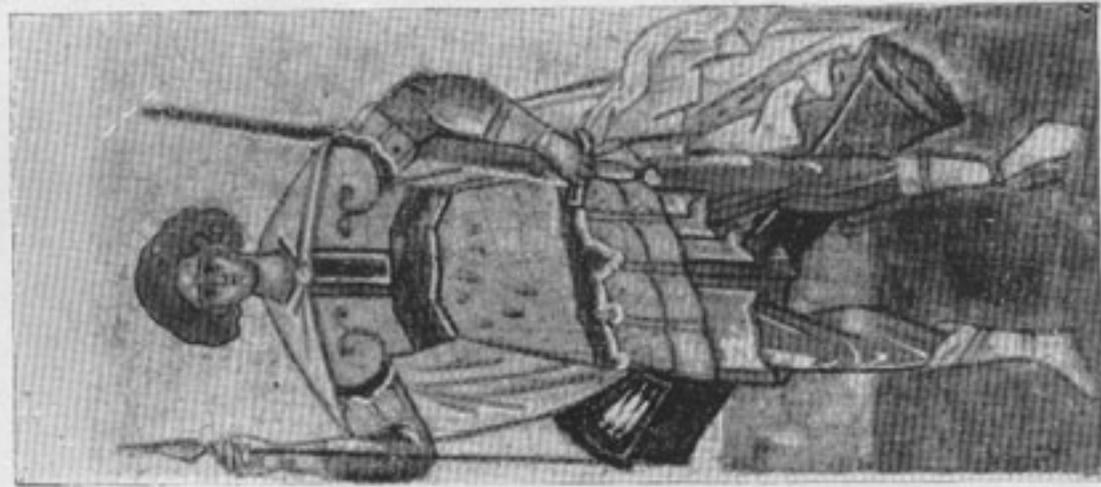
Деталь иконы «Три пророка». XIV в. Государственная Третьяковская галерея.

Деталь иконы «Три пророка». XIV в. Государственная Третьяковская галерея.

Церковь Успения в Волокове, 1352 г.

Деталь иконы «Георгий Победоносец». XIV в. Государственная Третьяковская галерея.

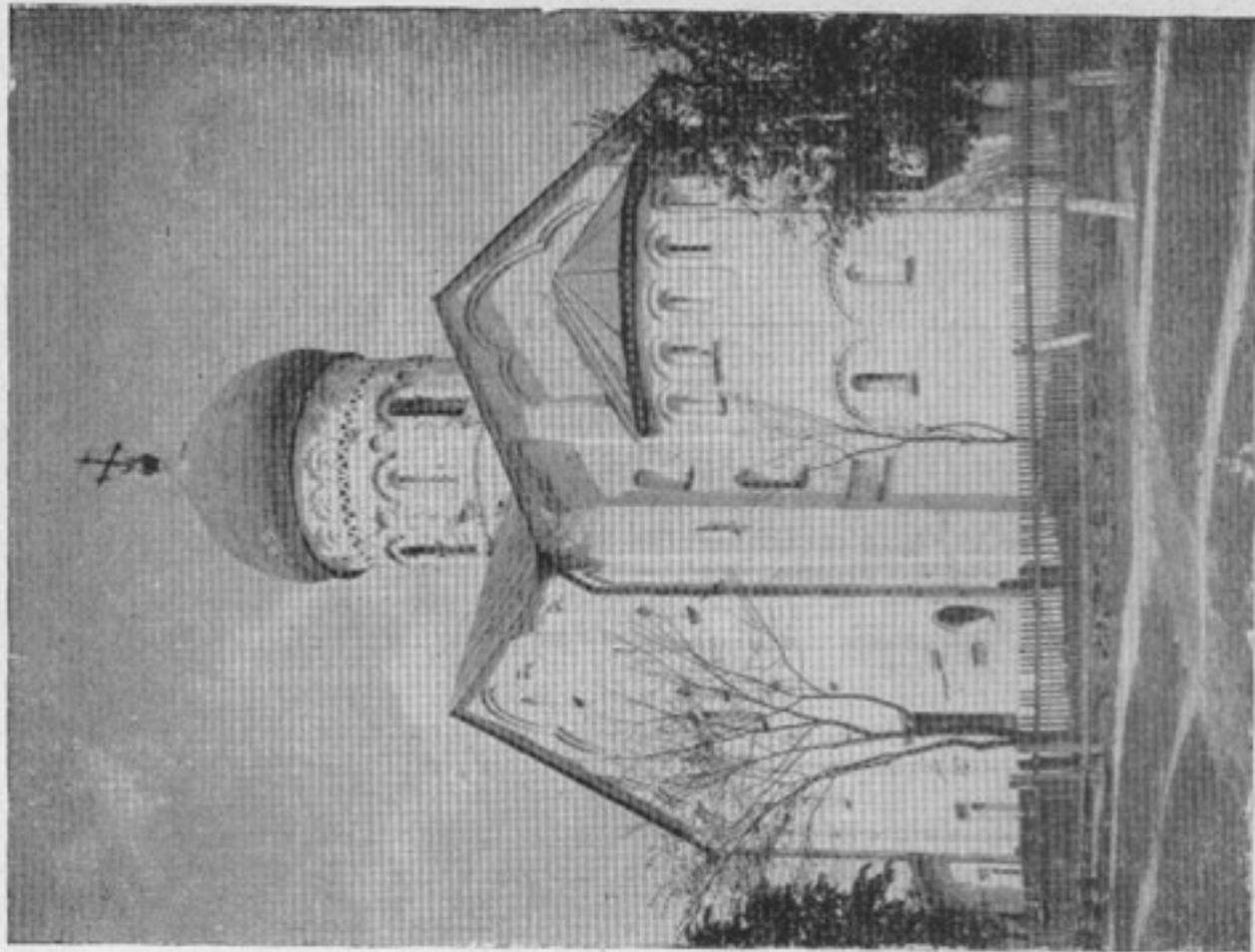
Ангел. Деталь фрески в притворе церкви Успения в Волокове. 1363 г.

Голова ангела. Деталь фрески церкви Успения в Волокове. 70—80-е годы XIV в. Государственный Русский музей.

Голова Богоматери. Деталь фрески церкви Успения в Волокове. 70—80-е годы XIV в.

Церковь Федора Стратталата с юго-восточной стороны. 1360—1361 гг.
Фото 1939 г. М. К. Карьера

Деталь фрески «Рождество Христово» церкви Успения в Волокове. 1363 г.

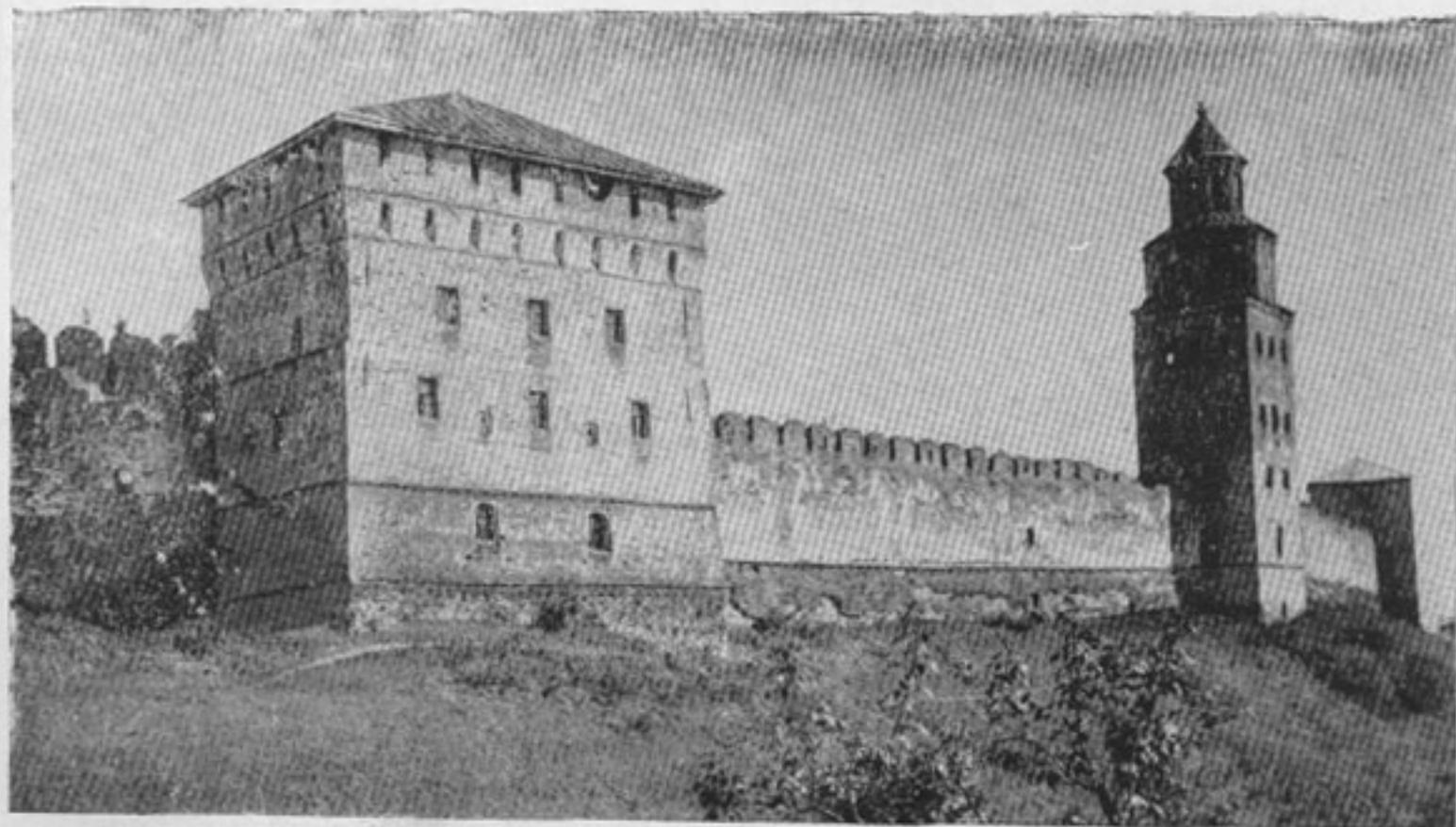
Архангел Гавриил. Деталь фрески церкви Федора Стратилата. 70—80-е годы XIV в.

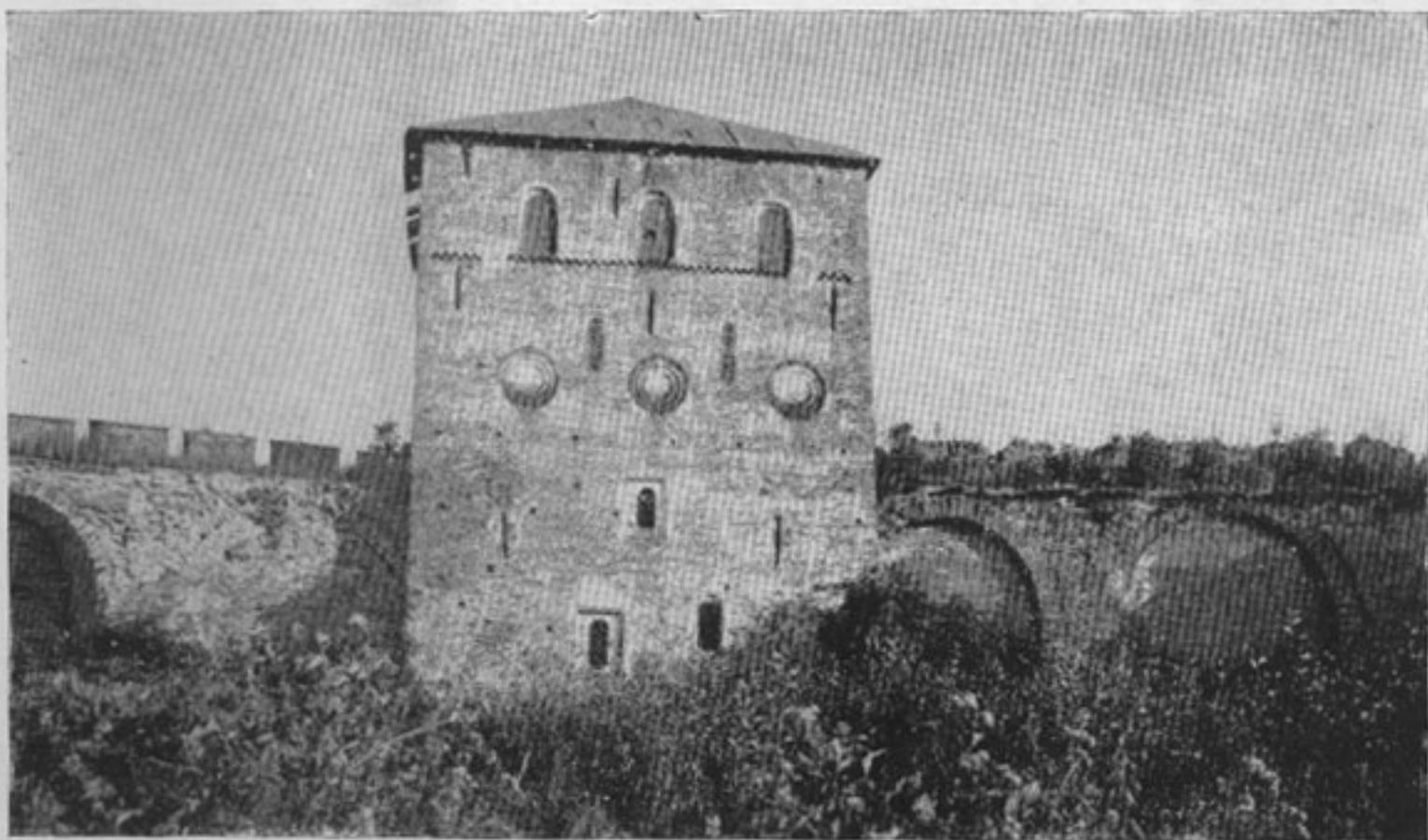
Деталь иконы Федора Стратилата. XV в. Новгородский Историко-художественный музей.

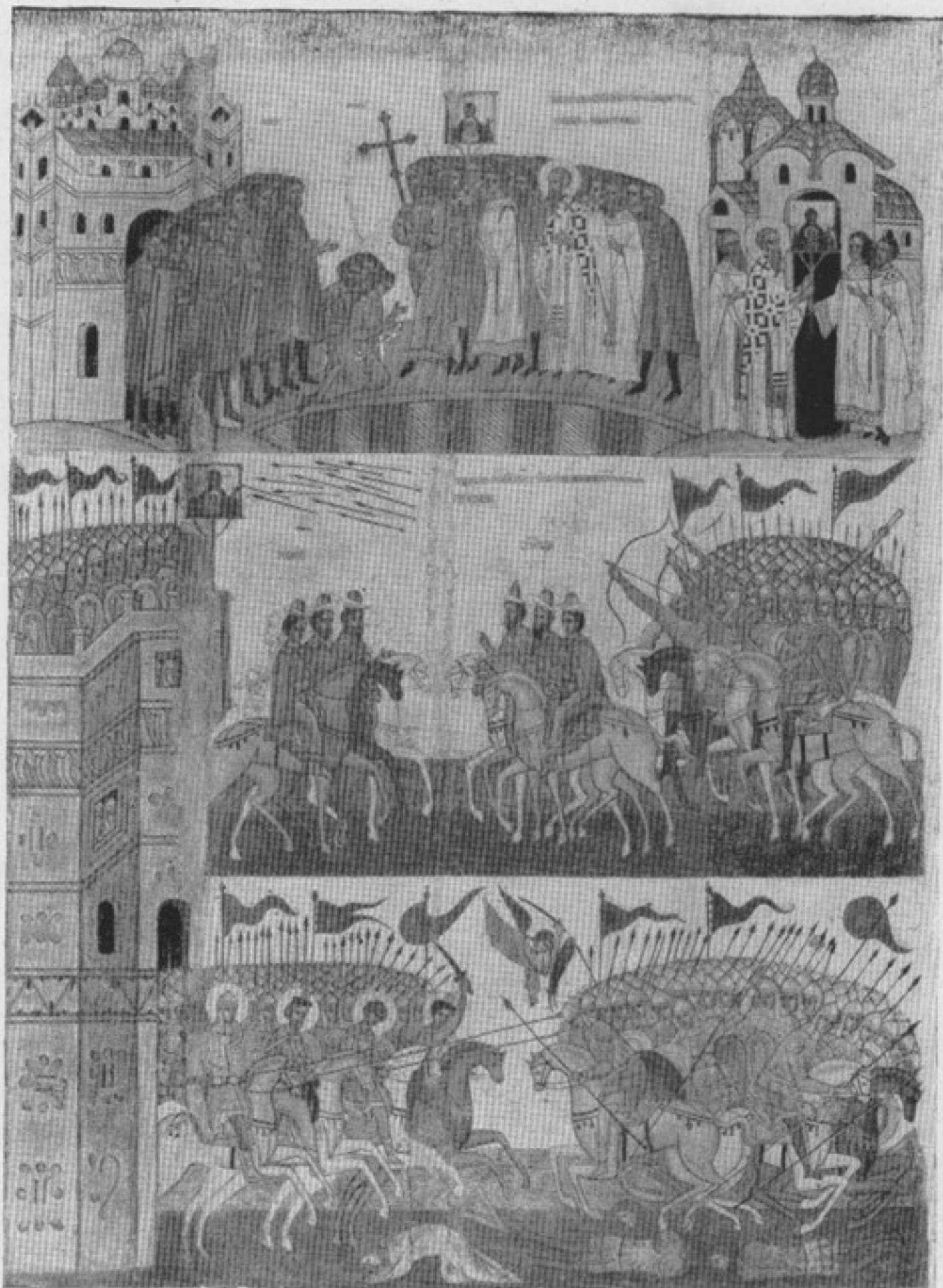
Церковь Спаса Преображения на Ильине улице. 1374 г. Южная сторона.

Новгородский кремль. Покровская башня XV в. и башня Кокуй XV—XVIII в.
Фото М. К. Каргера

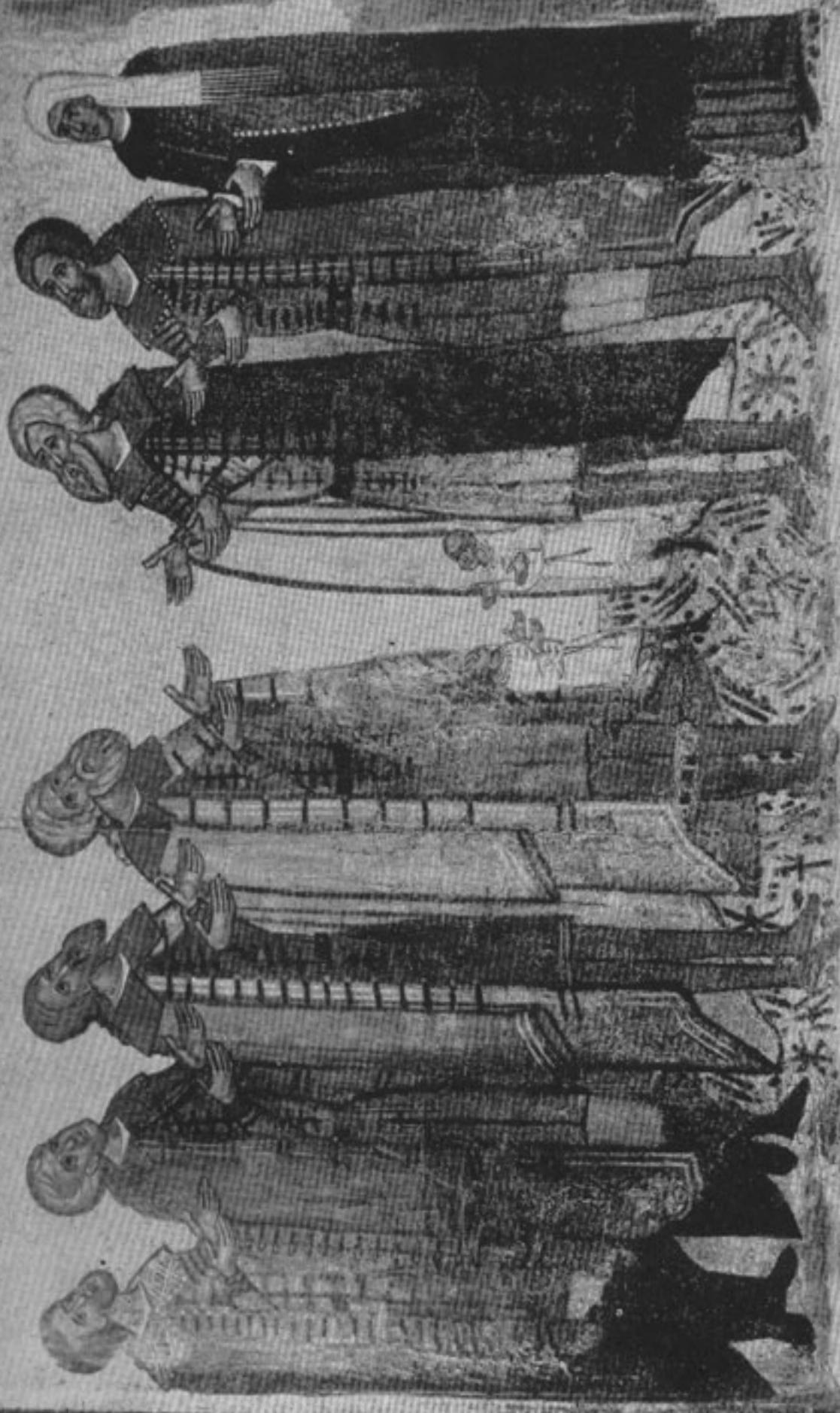

Новгородский кремль. Княжая башня. XV в.
Фото М. К. Каргера

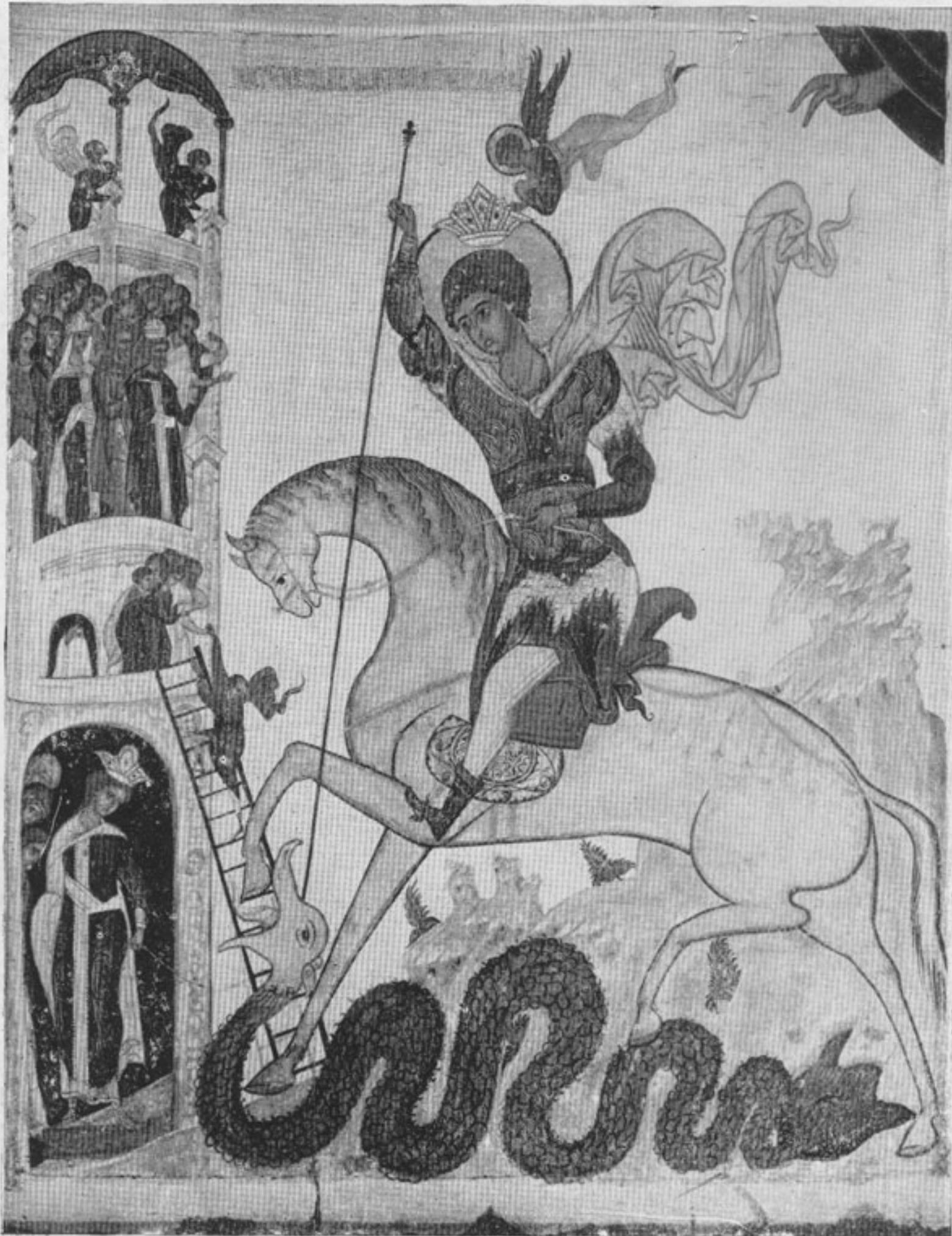
Икона «Битва суздальцев с новгородцами». XV в. Новгородский Историко-художественный музей.

МЫАТТА, ГАКЕ, БЪЖІИ, ГЫБОЕН, МЫА, ЫКЪВЪ, СЪДЯ, БЪВУИ, ТЫАКРЪБЪ, ОМОН, ИТАДЪ, СПАСА, И ПУЧЪИИ, БЩЪ, ОУРЪБЪСЪХЪ, ПАСЪХЪ,

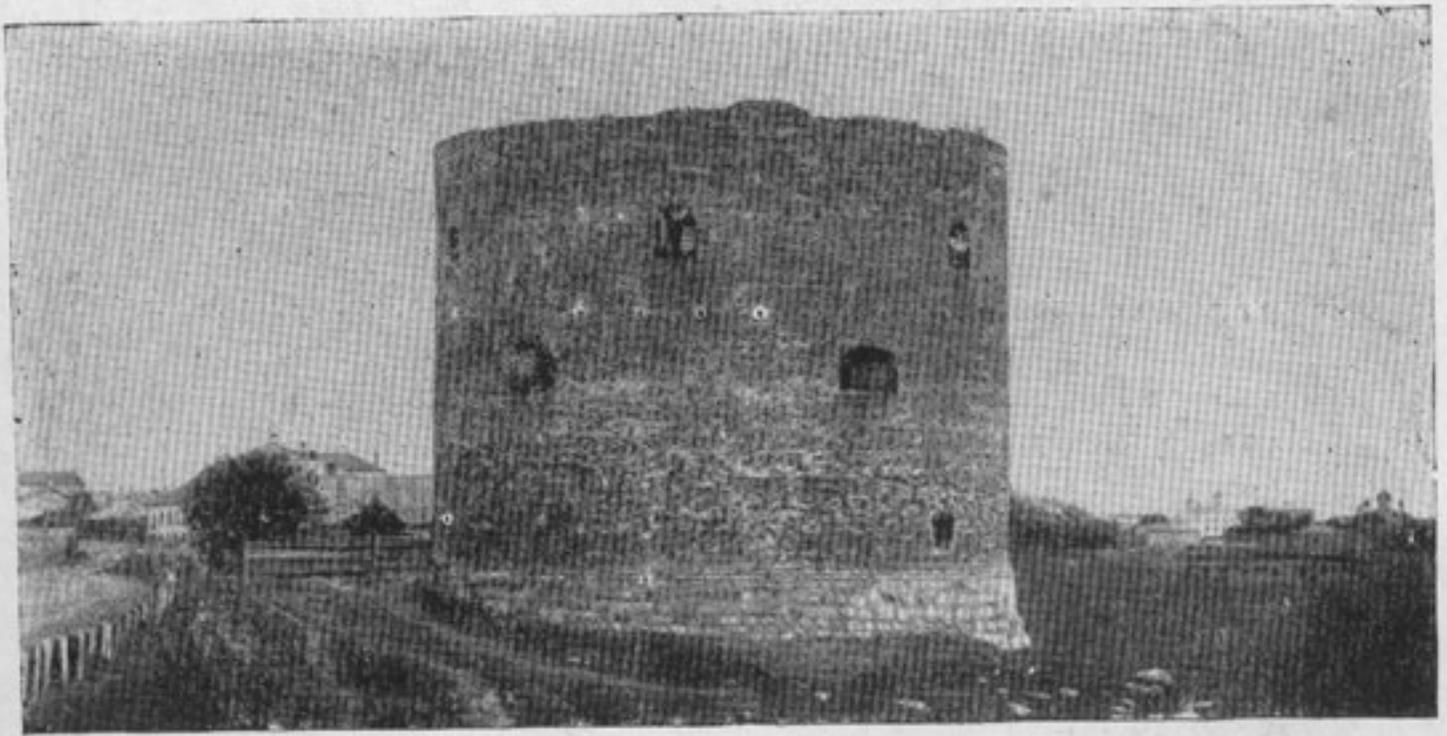

СИОП

Деталь иконы «Молящиеся новгородцы». 1467 г. Новгородский Историко-художественный музей.

Икона «Георгий Победоносец», Государственный Русский музей.

Белая башня. XV в.

Ярославово Дворище.

Слева направо: церковь Жен Мироносиц, XII—XVI вв.; церковь Прокопия, 1359—1529 гг.; Вечевая башня, 1472 г.; Грядница, XVII в.; Николо-Дворищенский собор, 1113 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современный Новгород вырос из Новгорода древнего. Он органически соединяет в себе новое и старое, продолжает и углубляет все лучшее, что было в Новгороде Великом, — в архитектуре и искусстве его, ибо социалистическая культура включает в себя животворные традиции национальной культуры народа, поддерживает и развивает их. В. И. Ленин отмечал: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить»¹. Подчеркивая ту же мысль, В. И. Ленин указывал на поучительный пример формирования марксизма, который «...отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»².

Современный Новгород — это не только крупный промышленный центр, не только красивейший город с новыми благоустроенными зданиями и удобной планировкой улиц, — город, в котором находится превосходный театр, свой телевизионный центр, один из лучших педагогических институтов нашей страны, многочисленные школы, — но это также город-музей, то есть город, в котором кипит оживленнейшая историческая, археологическая и искусствоведческая работа, где в течение последних лет ведутся самые крупные в Европе археологические раскопки, куда съезжаются для научной работы сотни историков, археологов, лингвистов и литературоведов, где художники и искусствоведы постигают произведения древнего мастерства.

Прославленную древнюю новгородскую живопись можно найти в музеях Москвы и Ленинграда, Парижа, Вашингтона, Нью-Йорка и Стокгольма. Но лучшие ее собрания находятся в самом Новгороде. И все эти сокровища не только бережно хранятся, но и глубоко изучаются.

Тысячи советских туристов приезжают в Новгород, и это понятно: зна-

¹ В. И. Ленин. Задачи союзов молодежи. Собр. соч., т. 31, стр. 262.

² В. И. Ленин. О пролетарской культуре. Собр. соч., т. 31, стр. 292.

ние прошлого своей Родины и гордость тем огромным вкладом, который был внесен русским народом в общечеловеческую культуру, является показателем высокого духовного уровня наших современников, их подлинного патриотизма. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие», — писал Пушкин.

Прошлое Новгорода на протяжении целого столетия, начиная с конца XVIII века, было одним из самых притягательных центров русской революционной мысли. В новгородском прошлом русская мысль искала надежду на будущее, противопоставляя демократический Новгород самодержавию. А. Н. Радищев писал: «Новгород имел народное правление... Народ в собрании своем на вече был истинный государь... В Новгороде был колокол, по звону которого народ собирался на вече для рассуждения о делах общественных». С особенной любовью обращались к вечевому прошлому Новгорода декабристы. С увлечением изучал историю этого города П. И. Пестель. Вечевой строй Новгорода нашел отражение в конституционных проектах и политической терминологии декабристов.

О новгородской вечевой республике писали К. Рылеев, А. Бестужев, В. Раевский, М. Лукин, В. Кюхельбекер, А. Одоевский и др. Декабристы героизировали прошлое Новгорода.

«Бесспорно, что в своем восторженном отношении к Новгороду декабристы допускали идеализацию его общественного политического строя», — пишет В. Н. Бернадский.

М. Ю. Лермонтов разделял декабристские представления о новгородском вече; возвращаясь в 1832 г. через Новгород в Петербург, он посвятил этому замечательному городу следующие вдохновенные строки:

Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженью
И столько гордых душ увлек в свое паденье!..
— Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?

В. Г. Белинский также, как и декабристы, видел в новгородском прошлом отражение черт национального характера русского человека: его любовь к свободе, самоотверженность, удаль. Но в отличие от декабристов Белинский обращается в поисках этих национальных черт прежде всего к новгородской народной поэзии. «Новгород можно смело назвать гнездом русской удалы и теперь составляющей отличительную черту характера русского народа. ...В грезах народной фантазии оказываются идеалы народа, которые могут служить мерою его духа и достоинства... И эта отвага, это удальство и молодечество, особливо в новгородских поэмах, являются в таких широких

размерах, в такой несокрушимой исполинской силе, что перед ними невольно преклоняешься»¹.

Когда в XIX в. началось научное изучение Новгорода и на смену поэтическому восприятию Новгородской старины пришли точные данные истории, значение Новгорода в общественной мысли поднялось и расширилось. Богатый материал, добытый исследователями новгородского зодчества, живописи, ремесла, письменности, в значительной мере перевернул представления об отсталости древнерусской культуры. Прошлое Новгорода сослужило патриотическую службу, показав высоту культуры древней Руси, высоту ее искусства, особенно живописи, ремесел.

Эпоха предвозрождения, охватившая всю Европу от Кавказа до Пиренеев, оставила изумительные образцы высокого мастерства новгородских художников.

По прекрасному исполнению, по их обилию и сохранности новгородские фрески во второй половине XIV в. не имели себе равных в Европе. Живопись эпохи предвозрождения была представлена в Новгороде лучше и полнее, чем в самой Византии или Италии. Книжность Новгорода этой поры отражает общий интерес новгородцев к искусству — ту атмосферу искусства, которой жил Новгород. В годы воссоединения Новгорода с Москвой он передает свои культурные богатства Русскому государству.

Памятники новгородской архитектуры XI—XIII и позднейших веков составляли грандиозный комплекс огромного научного и историко-культурного значения. К сожалению, большое число этих памятников погибло или сильно пострадало в результате варварства немецко-фашистских оккупантов в 1941—1944 гг.

При восстановлении Новгорода после изгнания немецко-фашистских захватчиков наряду с застройкой города новыми зданиями ведется реставрация древних памятников. Генеральный план реконструкции предусматривает органическое включение этих памятников в городской ансамбль и исторически сложившейся планировки города и его исторических центров.

Первое впечатление от древнего Новгорода разочаровывает: остатки его в новом Новгороде кажутся слишком скромными, невидными, отчасти простоватыми и молчаливыми. Однако постепенно, по мере ознакомления с древним Новгородом, начинаешь понимать его величие, необычайную широту и размах его планировки. Новгородская архитектура проста, лаконична в своих формах, не пытается поразить зрителя пышностью и великолепием фасадов, но все в ней прочно, деловито, построено на тысячелетия, поставлено так, как нельзя иначе, тесно «вросло» в пейзаж, отличается почти геральдической выразительностью.

Именно этими же свойствами поражает и новгородская живопись. Она развивалась в общем русле развития европейской живописи, но при этом отличалась вполне русскими чертами: так же прочно, на века найденными формами, отсутствием украшенности, лишних деталей, грубоватой и вместе с тем

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1954, стр. 414, 427.

утонченною свежестью красок, заботою о главном и презрением к мелочам, что кажется иногда неряшливостью, но на самом деле объясняется особой серьезностью и сосредоточенностью новгородцев. Новгородец как будто бы занят своими купеческими и деловыми интересами, не выходит за пределы практических, насущных задач, но на самом деле дальнозорок и по-настоящему предан искусству.

Новгород раскинут на низких берегах полноводного Волхова, недалеко от озера Ильмень. Древний Новгород был городом-портом. Волхов, Ладога («озеро Нево») и Нева соединяли Новгород с бассейном Балтики. По Ловати, а затем волоком до Днепра и по Днепру вниз можно было доехать до Черного моря, а там — в Херсонес (Корсунь), Тмутаракань, Трапезунд, Болгарию, Константинополь. Мста и Тверца связывали Новгород с Волгой, а следовательно, и с Каспием и арабским Востоком; Шелонь — с Псковом; Свирь и водные пути Онежского озера — со всем северо-востоком. Морские суда Балтики причаливали непосредственно у новгородского Торга. Из Константинополя, с Крайнего Севера, с Волги приходили легкие однодеревки. Среди иноземных гостей-купцов в Новгороде можно было встретить варягов, греков, волжских болгар, англосаксов, арабов, датчан, жителей германских городов. Воздух всех морей овеивал стены Новгорода.

Широкая и полноводная река, на которой расположен Новгород, постоянно действует в новгородских былинах, сказаниях, легендах, летописях. То Волхов перегораживает в сказании враждующие стороны, то движет на себе против течения плот новгородского владыки, то выкатывает бочку с драгоценностями новгородскому святому, то несет на своих волнах идол Перуна, бросающего свою палицу на новгородский Великий мост, где от этой палицы разгораются затем вечевые драки, то Волхов и Ильмень вместе грозят затопить собою город и т. д. Большая судоходная река определила собою и архитектурное лицо города.

Волхов — основная природная ось архитектуры города. В отличие от других русских городов, расположенных только на одной стороне реки (Киев, первоначально Москва, Владимир, Ярославль и др.), Новгород раскинут на обоих берегах; он пропускает реку через себя и равномерно обстраивает ее ожерельем строений.

Распространенные представления о стихийном, бесплановом росте средневековых русских городов глубоко ошибочны. Из столетия в столетие Новгород рос по определенному, никогда не нарушавшемуся плану, хотя план этот не был запечатлен в чертежах, оставаясь в головах строителей, постоянно сообразовывавшихся с ним. Обычно в древней Руси, когда воздвигали строение, план его чертили прямо на земле и рядом практических приемов здесь же, на месте, «в натуре», находили нужное соотношение частей. Так же точно, когда строили город, князь, или епископ, или бояре выезжали выбирать место для города и непосредственно на месте определяли расположение строений, их тип, характер и величину. Вот отчего древнерусские города так тесно связаны с окружающей природой, так живописно венчают холмы и отражаются в глади рек и озер. Зодчие Новгорода строили его, сообразуясь с

низкой окружающей долиной, прорезанной широким Волховом. Основным архитектурным центром города явилось первое большое каменное строение Новгорода — храм Софии, воздвигнутый при сыне Ярослава Мудрого Владимире в 1045 г. Это свое значение центра города София не утратила и поныне: так прочно, надежно, на целые тысячелетия строили первые новгородские зодчие.

Вслед за Софией возводятся дополнительные архитектурные центры города. В 1113 г. на противоположном от Софии берегу Волхова, на Ярославовом Дворище, как бы для того, чтобы уравновесить величавые и тяжелые массы Софии, воздвигается Николо-Дворищенский собор. Он несколько меньше Софии, но имел когда-то те же пять глав, что и София. Еще через три года (в 1116 г.) строится собор Антониева монастыря на север от городского вала, вниз по течению Волхова; а еще через три года (в 1119 г.) воздвигается Георгиевский собор Юрьева монастыря — на юг от Новгорода, вверх по течению Волхова, ближе к Ильменю.

В возведении этих трех самых крупных в Новгороде храмов виден единый градостроительный замысел, сказывающийся в строгой последовательности их строительства и общности архитектурных форм. Вместе с Софией, сохранившей свое значение главного строения города, все три собора, по-видимому воздвигнутые одним архитектором — Петром, образуют вытянутый вдоль течения Волхова ромб. Короткой диагональю этого ромба служил перекинутый через Волхов от Софии к Николо-Дворищенскому собору Великий мост. Другой диагональю, соединявшей Антониевский и Георгиевский соборы, служил сам Волхов.

Георгиевский собор Юрьева монастыря был виден далеко с Ильменя. Его золотые купола до самого последнего времени служили ориентиром для судов, подплывавших к Новгороду с юга. Это был южный форпост Новгорода. На севере ту же роль выполнял Антониев монастырь. Собор Антониева монастыря был поставлен на изгибе Волхова и был издали виден судам, подплывавшим к Новгороду с севера. И Георгиевский собор и собор Антониева монастыря, несмотря на разделяющее их расстояние, архитектурно соотнесены друг с другом: оба они трехглавые, оба имеют сторожевые башни, оба выстроены в одинаковых архитектурных формах. Эта архитектурная соотнесенность строений, разделенных таким обширным пространством, доказывает широту видения русских средневековых зодчих, их планировочное, градостроительное искусство.

Построение в начале XII в. трех соборов — Николо-Дворищенского, Антониева и Георгиевского — было вторым этапом в строительстве Новгорода после возведения храма Софии. Этот второй этап дал городу его основные архитектурные ориентиры.

Третий этап начался в середине XII в. Он заключался в равномерном насыщении всего города зданиями. Вновь воздвигаемые здания тщательно соблюдали древнюю планировку города, уступая в размерах строениям XI и XII веков.

Поразительно, что вплоть до XVIII в. лишь один раз была сделана

попытка построить здание, равное по своим размерам тем четырем основным строениям Новгорода, о которых мы говорили выше. Эта попытка принадлежала богатому новгородскому купцу Сотку (Садку) Сытиничу и настолько поразила своею дерзостью новгородцев, что отразилась даже в былевом эпосе: в былине о Садке. Садко поставил в 1167 г. в Детинце, недалеко от Софии, церковь, посвященную русским святым Борису и Глебу, о грандиозности масштабов которой мы можем судить по раскопкам 1940—1941 гг. и изображениям XVII в. Ни одно из других строений, воздвигнутых в течение целого полутысячелетия, не переступало своими размерами порога, заданного строениями XI—XII вв. В этом ограничении размеров новгородских строений середины XII—XVI вв. сказались изумительная архитектурная дисциплинированность новгородских зодчих, стремление сберечь архитектурный замысел города, сохранить его план, постоянно дополнявшийся, но не изменявшийся на протяжении всей истории Новгорода. Стремление равномерно заполнить строениями пространство города, тонкое понимание архитектурных замыслов своих предшественников и умение ни на шаг не уклоняться от них — поистине изумительны. Полтысячелетия, вплоть до XVII века, Новгород строился, казалось бы, одним мастером, который, начав с важнейшего — с Софии, продолжив второстепенным — тремя соборами на берегах Волхова, закончил тем, что кропотливо из года в год, столетиями, заполнял превосходными, скромными строениями как бы им же самим созданную строительную площадку.

Но архитектурный замысел Новгорода состоял не только в этом. Острое чувство пространства, присущее новгородцам, позволило им выполнить еще один замысел. Новгородские зодчие сумели не только построить замечательный по архитектурной цельности город, но и архитектурно подчинить ему окружающую равнину: разбегающиеся из центра Новгорода улицы и дороги замыкались на горизонте строениями, чьи белые стены резко выделялись в пространстве.

С востока и юго-востока к Новгороду примыкают обширные заливные луга — Красное (то есть Красивое) поле. По краю этого Красного поля, приблизительно в равных расстояниях друг от друга, в разное время были поставлены церкви: Благовещения на Городище, Спаса Нередицы, Андрея на Ситке, Кирилловского монастыря, Спаса на Ковалева, Успения на Волотовом поле.

Ритмичный ряд этих церквей продолжался и на противоположном берегу Волхова, образуя вокруг Новгорода, на некотором расстоянии от него, редкий по красоте архитектурного ритма хоровод строений. Новгород как город как бы оказывался в центре еще более грандиозного архитектурного замысла.

Ритмичное шествие белых строений по горизонту создавало впечатление постепенного перехода от города к подчиненной этому городу стране и совпадало по идее с политическим устройством Новгородской области: каждый из пяти самоуправляющихся концов Новгорода имел в своем подчинении пятину, на которые делилась вся Великая новгородская земля. Эти пятинны, за

исключением одной, начинались тут же, у самого Новгорода, и, расширяясь клинообразно, охватывали огромные пространства. Новгород, следовательно, и в самом деле был связан с окружающей его землей, подчинял ее себе радиально. Эта земля была продолжением его концов.

Только разгадав эту архитектурную идею города-государства, города — господина области, начинаешь понимать величие Новгорода, подчинившего себе необозримые пространства — от Урала и Волги на востоке, до Чудского озера на западе, от Белого моря на севере до Старой Русы, Великих Лук и Торжка на юге.

София являлась центром не только Новгорода, но и всей Новгородской области. Три строения мастера Петра — Николо-Дворищенский собор, собор Антониева монастыря и Георгиевский собор — включали в себя обширные, наполненные кораблями водные пространства Волхова, его оживленные мировую торговлею берега. Кольцо же форпостов — монастырей на некотором расстоянии от Новгорода архитектурно организовывало, как сказано, окружающую Новгород страну, делало Новгород органической, но вместе с тем и господствующей частью Новгородской области.

Архитектурные формы новгородских строений как бы предназначены для того, чтобы выполнять эти широкие планы. Новгородские церкви очень просты по своим формам. Их эстетическая сила — в красивой глади белых стен, в исключительной выразительности силуэтов. Они рассчитаны на то, чтобы обозреваться издали, быть своеобразными светлыми маяками среди темной северной зелени полей и болот, среди низких деревянных строений города.

Многие из русских городов XV—XVII вв. строились иначе: тесно и скученно, соединяли вместе разнохарактерные постройки, венчались в центре сгруппированных воедино зданий высокими столпами колоколен. В этом тоже был свой замысел и своя особая красота. Но Новгород строился не так: он свободно и равномерно распределял в пространстве свои постройки, концентрическими кругами и радиусами расходящиеся от центра — Софии, имя которой служило новгородцам и политическим лозунгом и боевым кличем.

Более чем тысячелетний период развития связывает Новгород с историей России, с историей всей русской культуры.

С Новгородом связано прошлое русской государственности. В первые века истории России Новгород — главная опора сильной княжеской власти на Руси, хотя уже с середины XI в. новгородцы и борются с князьями за свою самостоятельность. Из Новгорода повелся род князей Рюриковичей, вытеснивший со временем все остальные русские княжеские семьи в многочисленных княжествах Руси. Отсюда, из Новгорода, черпали киевские князья и материальные средства и военные силы для борьбы на юге.

Счастлирое положение Новгорода на перекрестке великих водных путей, соединявших европейский Север с бассейнами Черного и Средиземного морей, Западную Европу и Восток, было причиной раннего культурного развития Новгорода. Мощный дух молодого русского народа творчески перера-

батывал культурные влияния, шедшие с различных сторон. В Новгороде, может быть, раньше, чем на юге, созрели многие самобытные проявления русской культуры: новгородское летописание, начавшееся еще в 1017 г., — старейшее на Руси; в Новгороде же издавна определились черты русского литературного языка вне его зависимости от церковнославянского; древнейший памятник русского юридического быта — «Русская Правда» — возник в Новгороде; здесь же еще очень рано обозначились самобытные черты русского искусства.

Развитие Новгорода опережало развитие многих городов Западной Европы. Раньше многих европейских городов-коммун Новгород добивается независимости и становится богатейшей боярской республикой, владевшей колоссальными земельными пространствами от Финского залива до Урала и Средней Волги. Развивается и внешнее благоустройство города. Раньше, чем в Западной Европе, здесь появляются и мостовые и канализация.

Исключительно значение Новгорода для всей русской земли в тяжкие годы «томления и муки» татаро-монгольского ига. Орды Батыя не дошли до Новгорода, счастливо избегнувшего общего для всех русских городов разгрома. Поэтому Новгород сохранил рукописные богатства Киевской Руси, сохранил книжную образованность и впоследствии в течение веков снабжал Москву древними рукописями, летописями и предметами искусства. В наиболее тяжелые для Руси годы татарского ига в Новгороде не прекращало развиваться каменное зодчество, хранились высокие строительные навыки домонгольской Руси. Здесь переписывались рукописи, работали замечательные новгородские иконники и мастера фресковой живописи.

В самое критическое для русского народа время новгородский князь Александр Ярославич Невский оборонял Русь от шведов и немецких рыцарей. Новгородцы настойчиво, упорно, мужественно вели непрестанные оборонительные войны на своих границах, твердо держа щит над всем северо-западом Руси. За время с 1142 по 1446 г. Новгород 26 раз воевал со Швецией, 11 раз — с Ливонским орденом, 14 раз — с Литвой и 5 раз — с Норвегией.

Эпоха предвозрождения, охватившая своими могучими токами всю Европу от Кавказа до Пиренеев, оставила изумительные образцы высокого мастерства новгородских художников. По мастерству исполнения, по изумительному обилию и сохранности образцов новгородские фрески второй половины XIV в. не имели себе равных в Европе. Живопись эпохи предвозрождения была представлена в Новгороде лучше и полнее, чем в самой Византии или в Италии. Книжность Новгорода этой поры отражает общий интерес новгородцев к искусству — ту атмосферу искусства, которой жил Новгород. Всемирную известность получили новгородские иконы второй половины XIV—XV вв.

В годы воссоединения Новгорода с Москвой Новгород передает свои культурные богатства Русскому государству. Новгородские книжники, живописцы, зодчие, ремесленники принимают участие в общем подъеме единой русской культуры.

Велика роль Новгорода и в борьбе с интервенцией начала XVII в.

Время долго щадило памятники новгородской старины. Промышленное и торговое развитие России в XVIII и XIX вв. мало затронуло Новгород, и это способствовало сохранению многих памятников новгородской древности. Позднейшие застройки не задавили в нем остатков старины и не исказили внешнего облика города. Каждая пядь новгородской земли вызывает воспоминания о прошлом России. В музеях Новгорода собраны произведения древнерусского искусства за целое тысячелетие. О Новгороде можно было бы сказать словами Чаадаева о Риме: «Это событие древности, дрящущее до сих пор, событие другого времени, остановившееся среди веков». Превосходная сохранность новгородских древностей имела исключительное значение в изучении истории русской архитектуры, живописи, быта, книжности и т. д. Археологические исследования в Новгороде пролили свет на многие неясные стороны процесса развития русской культуры и воспитали немало видных русских археологов, историков и искусствоведов.

Но время щадило новгородскую старину только до 1941 г.

За два с половиной года хозяйничанья фашистов в Новгороде памятники новгородской древности пострадали гораздо больше, чем за все предшествующее тысячелетие его существования.

Всемирно известная своими изумительными фресками конца XII в. церковь Спаса Нередицы (1198 г.) после войны лежала в развалинах. Сохранилась лишь часть стен с остатками фресок. В Софийском соборе (1045 г.) был разбит центральный купол со знаменитой фреской Пантократора XII в.; был разбит купол и барабан северо-западной главы; во многих местах были пробиты стены и своды. Церковь Благовещения в Аркажах (1179 г.) фашистские захватчики превратили в дот. Ее фрески частью сбиты при устройстве амбразур и перекрытий, частью густо закопчены. Полностью разрушен собор Кирилловского монастыря (1196 г.). Лучшая из церквей XIV в. — Спас Преображения на Ильине (1374 г.), расписанная фресками Феофана Грека, дала широкие трещины и была пробита во многих местах. Ее западный свод был разрушен, а в барабане пробиты амбразуры наблюдательного поста. До основания разрушены знаменитая церковь Успения в Волотове (1352 г.) с ее исключительными по мастерству исполнения фресками, церковь в Ковалеве (1345 г.) с ее фресками, Михайло-Сковородский монастырь (1355 г.), в котором в 1937 г. были раскрыты фрески второй половины XIV в.

Фашистскими варварами были уничтожены и разграблены научные и музейные ценности, вывезены многие древние иконы, паникадила и т. д.

Восстановление Новгорода — старейшего русского города-музея — началось. Сохранившиеся древние здания бережно реставрируются, музейные ценности восполняются, древняя историческая планировка города оставлена неизменной. В городе уже много лет ведутся крупнейшие в мире раскопки, открыт богатейший Историко-художественный музей. Древнейший очаг русской культуры вновь привлекает историков, археологов, искусствоведов, художников и всех, кому дорого великое прошлое русского народа.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОРИЯ

- С. Н. Азбелев. Новгородская третья летопись (время и обстоятельства возникновения). Труды Отдела древнерусской литературы, т. XII. М.—Л., 1956.
- В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в., ч. 1, Л., 1958.
- В. Н. Бернадский. Господин Великий Новгород. Очерки по истории Новгорода. М.—Л., 1936.
- Б. Д. Греков. Новгородский дом св. Софии, ч. I, 1914.
- Б. Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII веке. Ученые записки Института истории РАНИОН, т. VI, М., 1929.
- Л. В. Данилова. Очерк по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955.
- Н. К. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.—Л., 1955.
- Б. А. Колчин. Русский феодальный город Великий Новгород. «Советская археология», М., 1957, № 8.
- Н. И. Костомаров. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Собр. соч. Исторические монографии и исследования, тт. VII и VIII, 1863.
- Д. С. Лихачев. Новгородские летописные своды XII в. «Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка», М., 1944, т. 3, № 2—3.
- Д. С. Лихачев. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года. Исторические записки, № 25, 1948.
- А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. СПб., 1893.
- А. И. Никитский. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб. 1879.
- А. И. Никитский. Военный быт Великого Новгорода. Журнал Министерства народного просвещения, 1869, № 10.
- Новгородские исторические сборники. Под общей редакцией академика Б. Д. Грекова. Вышли № 1—8. Л., 1936—1940.
- Очерки по истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. I, М., 1953.
- В. Т. Пашуто. Героическая борьба русского народа за независимость в XIII в. М., 1956.
- Н. Г. Порфирдов. Древний Новгород. М.—Л., 1947.
- А. П. Пронштейн. Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957.
- С. М. Соловьев. Об отношениях Новгорода к великим князьям. 1852.
- А. Строков и В. Богусевич. Новгород Великий. Л., 1939.
- Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Издание Археографической комиссии. СПб., 1888.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950.
- Новгородские летописи (так называемая Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). Издание Археографической комиссии. СПб., 1879.
- Новгородская четвертая летопись. 2-е издание. Полное собрание русских лето-

- писей, т. IV, ч. I, вып. 1 и 2. Птгр., 1915—1925.
- Новгородская пятая летопись. Полное собрание русских летописей, т. IV, ч. II, вып. 1, 2-е изд. (не закончено). Птгр., 1917.
- Софийская первая летопись. Полное собрание русских летописей, т. V. СПб., 1851. (Вышло незаконченное 2-е издание в Полном собрании русских летописей, т. V, вып. 1. Л., 1925.)
- Софийская вторая летопись. Полное собрание русских летописей, т. VI. СПб., 1853.
- Летопись Авраамки. Полное собрание русских летописей, т. XVI. СПб., 1889.
- А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 года). М., 1953.
- А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 года). М., 1954.
- А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 годов). М., 1958.
- А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 года). М., 1958.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Подготовили к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, Р. Б. Мюллер и Е. А. Рыдзевская. М.—Л., 1949.
- Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Подготовил к печати Г. Е. Кочин. Л., 1935 (Сборник документов).

II. ИСКУССТВО

- М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств, т. III. М., 1955.
- А. И. Анисимов. Реставрация церкви Федора Стратилата в Новгороде. Журнал «Старые годы», 1911, февраль.
- А. И. Анисимов. Этюды о новгородской живописи, I. «Молящиеся новгородцы». София, 1914, № 3.
- А. И. Анисимов. Этюды о новгородской живописи, II. «Фудо от иконы богородицы». София, 1914, № 5.
- А. И. Анисимов и П. Муратов. Новгородская икона Федора Стратилата. М., 1918.
- А. И. Анисимов. Новооткрытые фрески Новгорода, журнал «Старые годы», 1913, декабрь. (Фрески церкви Спаса Преображения.)
- М. И. Артамонов. Мастера Нередицы. «Новгородский исторический сборник», вып. 5. Новг., 1939.
- К. Н. Афанасьев. Новый вариант реконструкции храма св. Софии в Новгороде. Сообщения Института истории искусств АН СССР, вып. 2. М., 1953.
- И. Э. Грабарь. Феофан Грек. «Казанский музейный вестник», 1922, № 1.
- Ю. Н. Дмитриев. К истории новгородской архитектуры. «Новгородский исторический сборник», вып. II, 1937.
- М. Ильин. Мастер Петр. «Архитектура СССР», 1943, № 2.
- История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948; т. II, М.—Л., 1951.
- История русской архитектуры, изд. 2-е. М., 1956.
- История русского искусства. Под ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова и В. Н. Лазарева, т. 1. М.—Л., 1948; т. II, Л.—М., 1951.
- М. К. Каргер. Новгород Великий. М., 1946.
- Т. М. Константинова. Новгород. Новг., 1958.
- В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М., 1947.
- В. Н. Лазарев. Новгородская живопись XII—XIV вв. «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. 1, 1944, № 2.
- В. Н. Лазарев. Новгородская живопись последней трети XIV в. и Феофан Грек. «Советская археология», т. XXII. М., 1955.
- В. Н. Лазарев. Этюды о Феофане Греке. «Византийский временник», т. VII. 1953.
- Арх. Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде. 1860.
- П. Н. Максимов. Церковь Николая на Липне близ Новгорода. «Архитектурное наследие», т. 2. М., 1952.
- Л. А. Мацулевич. Церковь Успения в Волотове. Памятники древнерусского

- искусства, изд. Академии художеств, вып. IV. СПб., 1912.
- Б. В. Михайловский и Б. И. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи. М.—Л., 1941.
- А. Л. Монгайт. Археологические раскопки 1945 года в Софийском соборе в Новгороде. Сообщения Института истории и теории архитектуры, вып. 7. 1947.
- А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. — «Материалы и исследования по археологии древнерусских городов», т. II. М., 1952.
- А. Л. Монгайт. Софийский собор в Новгороде в связи с новейшими исследованиями. «Архитектура СССР», вып. 16. 1947.
- В. Мясоедов. Фрагменты фресковой росписи св. Софии Новгородской. «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. X. 1915.
- А. И. Некрасов. Великий Новгород. М., 1924.
- Н. Окунев. Вновь открытая роспись церкви Федора Стратилата. «Известия Археологической комиссии», № 39. СПб., 1911.
- Памятники искусства, разрушенные немецко-фашистскими захватчиками в СССР. Издание АН СССР. М.—Л., 1948.
- Н. Г. Порфиридов. Живопись Волотова. «Новгородский исторический сборник», вып. VII. Новг., 1940.
- Н. Г. Порфиридов. Новые открытия в области древней живописи в Новгороде (1918—1928 гг.). Сборник Новгородского Общества любителей древностей, X. 1928.
- А. И. Семенов. Новгородский Софийский собор — исторический памятник XI в. Новг., 1958.
- А. И. Семенов. Экскурсия по Новгородскому кремлю. Новг., 1957.
- В. В. Суслов. Материалы к истории древней новгородско-псковской архитектуры. СПб., 1888.
- Н. Сычев. Забытые фрагменты фресок XII века в Новгороде. «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества», т. XII, 1918 (фрески Николо-Дворищенского собора).
- Труды Новгородской археологической экспедиции, т. I. Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. М., 1956.
- Фрески Спас-Нередицы. Издание Гос. Русского музея. М., 1925.
- В. Л. Янин. Культура Великого Новгорода по археологическим данным. «Преподавание истории в школе», 1952, № 4.

III. ЛИТЕРАТУРА

- Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, II. СПб., 1861 (очерк «Новгород и Москва»).
- Ф. И. Буслаев. Местные сказания владимирские, московские и новгородские. «Летописи русской литературы и древности», т. IV. М., 1862.
- Л. А. Дмитриев. Повести о житии Михаила Клопского. М.—Л., 1958.
- История русской литературы. Издание Института литературы АН СССР, т. I. М.—Л., 1941; т. II, ч. I, М.—Л., 1945; т. II, ч. 2, М.—Л., 1948.
- А. В. Марков. Поэзия Великого Новгорода и ее остатки. «Пошана». Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. XIII, изд. в честь проф. Н. Ф. Сумцова. Харьков, 1909.
- М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века, Л., 1934.